

Матьяна Соловьева

Что сказал Бенедикто

Роман-метафора

Часть 2

18+

Татьяна Соловьева

Что сказал Бенедикто. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Соловьева Т. В.

Что сказал Бенедикто. Часть 2 / Т. В. Соловьева — «ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-5321-1644-3

Вторая часть романа посвящена первым шагам на пути ученичества, "болезням роста" и их преодолению. Необъяснимость некоторых духовных феноменов подается в романе метафорически. По мере того, как внутренняя символика текста проясняется, читатель принимает интеллектуальную игру героев, игру символов сознания и подсознания, роман все меньше кажется мистическим.

ISBN 978-5-5321-1644-3

© Соловьева Т. В., 2013
© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Глава 32. Опущенное забрало	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Часть вторая

Глава 24. Возвращение Абея

После Посвящения Вебер, в самом деле, почувствовал в себе перемену. Его перестало болтать, как щепку, его деятельность стала осознанной, работа в Корпусе доставляла ему огромное наслаждение, жажда познания завладела им полностью. Поправился и восстановился он быстро, поселился у Гейнца за стенкой, и началась настоящая учеба.

Медитация с Аландом оказалась не совсем то, что он переживал в детстве и что здесь привык называть этим словом, это была работа, только вне тела. Прежнюю медитацию Вебера Аланд называл «безмозглой» и отправлял Вебера заняться ею, если Вебер не мог успокоиться после впечатлений прошедшего дня, а впечатлений было много.

Гейнец занимался с Вебером музыкой: фортепиано, клавесин, потом добавился орган, любимый инструмент Абея, и стал для Вебера он тоже стал любимым. Через три года Вебер сдал второй том ХТК, играл он уже много и свободно. Уроки Гейнца занимали когда пару часов, когда весь день, в музыке, как в единоборствах, тоже была своя медитация. Все шло через неё, ею начиналось и завершалось, Вебер освоил несколько её разновидностей и быстро, легко овладевал любой.

В 20 лет у Вебера, как у всех, появилась своя машина, спасибо Карлу, Вебер знал ее устройство и великолепно мог ездить на ней.

Он делал поразительные успехи в точных науках. Спать было жаль, некогда, но не было и необходимости, медитация снимала напряжение дня, и пара часов «безмозглой» медитации возвращала силы, энергию и спасала от намека на переутомление. Он бегал уже лейтенантом, сдав все экзамены в офицерской школе. О дефекте в его ногах в комиссиях никто даже не заподозрил, полосу препятствий он преодолел, обогнав всех с большим отрывом. В зале единоборств его гоняли немилосердно, но он был благодарен и всех любил.

Вебера в Корпусе считали математиком, Аланд занимался с ним сам, с ним занимались Кох и Клемперер, но его из всех наук больше всего пленяла музыка. Аланд и Гейнец на первом же занятии с Вебером отметили его незаурядные природные данные: память, слух, руки, но он готов был ещё и все время отдавать музицированию. Он выпросил разрешение все самостоятельные книжные работы выполнять у Гейнца, чтобы слышать его «рабочую» игру. Аланд позволил, сказав, что музыкальный кругозор Веберу расширить не помешает. Гейнец не возражал, в присутствии Вебера ему даже лучше работалось. Вебер шел такими темпами, словно давно умел играть и вспоминал руками, как это делается, и вспоминал быстро. Музыку он чувствовал тонко, в нем от природы было чувство меры, что при страстности его натуры было удивительно. В его игре даже на самых первых этапах обучения было столько простоты и благородства, что Аланд через год уже выпустил Вебера играть на Рождественском концерте в присутствии Анны-Марии, отца Адриана и Ленца. Ленц пожимал плечами и спрашивал, где Аланд берет таких способных учеников, да еще и не лоботрясов, и почему к нему в Школу музыки приходят или трудолюбивые бездари, или способные разгильдяи?

Прошло три года. Об этом Вебер не говорил ни с кем, даже с Гейнцем, Вебер все с большим нетерпением ждал возвращения Абея. Он посматривал на себя критически в зеркало, пытаясь понять, изменился ли он за эти три года, и что Абель скажет, когда ему расскажут об успехах Вебера, о том, что он ни разу не заболел, ни разу не упал неудачно, что он был прилежным, старательным, выполнял все, что требовалось. Он может играть на рояле, на клавесине, и уже свободно перемещает ноги на педали органа, это для Вебера была сложнее всего, мануалы он освоил легко.

Прошел декабрь, январь, Абея не было. Вебер решился спросить об этом у Аланда. Аланд ответил, что Абель задержится еще на три года, работается ему хорошо, он не хочет прерывать обучение, и, видя, как Вебер мгновенно расстроился, тихо добавил:

– И ты пока поучись, у тебя хорошо получается.

- Почему он не приезжает?
- Возможно, он сосредоточился на своем Вопросе.
- Какой у Абеля вопрос, мне это можно знать?
- Да, ничего секретного, Абель ломает голову над природой любви. Его вопрос, как и твой, из одного слова: твой – Бессмертие, его – Любовь.
- Что он там жениться надумал?
- Нет, Вебер, Фердинанд женится не скоро.
- Как Абель женится? Вы же сказали, что...
- Я сказал, Вебер, что пока ты овладеваешь основами медитации, жениться я тебе не позволю, про Абеля мы не говорили. А что ты так забеспокоился?
- Его так не хватает в Корпусе.
- Ты спросил, я ответил, твои размышления по этому поводу не имеют смысла, не уходи в них. Со следующей недели ты уезжаешь с Карлом на аэродром, будешь изучать самолеты.
- Когда я вернусь?
- Когда Карл скажет, что ты вполне сносно можешь поднять машину в воздух, посадить, когда Карл признает, что ты «летаешь».
- Я играть разучусь.
- Корпус военный, это не музыкальная академия, если ты хочешь в музыкальную академию, могу перевести, мирское поприще для тебя предпочтительней.
- Вебер нахмурился – Аланд рассмеялся.
- Рано Абелю возвращаться, – неожиданно подвел Аланд итог.

Вебер и сам как раз думал о том, что три года безмятежной радости, абсолютного счастья едва не посыпались, как только он раздумался про Абеля и понял, что снова долго его не увидит. Вебер приказал себе не думать о нем, лучше не думать, чем вдруг сделаться недовольным, имея такие сокровища, какие он имеет.

Самолеты – замечательно, пределов восторгу не было, когда Кох «покатал» его, тогда он все бы отдал за то, чтобы научиться летать, а теперь вроде как не доволен. На аэродром ездили каждый день, вечером возвращались в Корпус. Музыка, единоборства, медитация – все осталось при нем, пребывание на аэродроме наносило ущерб книжным занятиям и теоретическим классам, но это наверстать было легче.

Три года прошли в том же священном угаре непрерывной работы. Вебер только что получил капитанские погоны и был счастлив, что теперь он предстанет перед Фердинандом капитаном. Правда, в Корпусе он так и остался фенрихом и привык к этому обращению, как к имени, так обращался к нему даже Аланд, иногда его звали Вебером, совсем редко Рудольфом.

Теперь, поглядывая в зеркало, Вебер несколько не сомневался, что он достаточно изменился. В классах единоборств его учили по-настоящему, с ним сходились на ковре и Карл, и Гейнц. В поединках с Кохом Вебер чувствовал, что тот особенно осторожничает, но Кох дрался умно, тонко, у него было чему поучиться. Гейнц в полную силу с Вебером не дрался, Карл тоже. Несколько раз Веберу удавалось хотя бы свернуть Карла на ковер, а если Гейнц или Аланд засчитывали победу по количеству, быстроте, точности ударов, то Вебер иногда оказывался в преимуществе и этим очень гордился.

Четвёртого февраля Веберу исполнилось двадцать три, Абель так и не вернулся. Вебер очень ждал Абеля почему-то именно в свой День рождения, потому что Абель никогда не забывал никого поздравить и очень сокрушался, что не знает подлинного дня рождения Аланда. То, что насчет 350-летнего юбилея, который так можно и прозевать, Абель сокрушался в шутку, Вебер не сомневался в этом, хотя за шесть с лишним лет, что Вебер знал Аланда, Аланд не изменился. Вебер видит Аланда каждый день, он может этого и не заметить.

Вебер не стал спрашивать Аланда, когда вернется Абель, он хотел его дождаться сам, но думал он про Абеля чаще, чем следовало. Аланд не раз выгонял Вебера: придешь, когда

будешь готов работать. Вебер сам чувствовал, что ему трудно сосредоточиться, Гейнц заводился, не понимая непростительных ошибок Вебера за инструментом, в задачах по гармонии; Карл пожимал плечами на очередную «галиматью», которую Вебер выводил на доске вместо решений, Вебер ошибался в классе единоборств, что было еще и опасно, так как могло повлечь серьезную травму. Гейнц приходил к Аланду с вопросом, не переутомился ли Вебер, но Аланд улыбался, уверял, что не о чем беспокоиться, и все больше загружал Вебера физической подготовкой.

Вместо класса музыки, где занимались не индивидуально с Гейнцем, а все вместе, часто при Аланде, Аланд вдруг забирал Вебера в спортивный зал и гонял до изнеможения. Драться с Аландом было невозможно, он тенью уходил от удара, а сам обычно не наносил удар, а, как щенка, хватал Вебера, и поединок заканчивался. После тренировок с Аландом Вебер падал на маты и лежал, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, потом он шел к Аланду заниматься медитацией, и силы к утру были полностью восстановлены.

В конце апреля однажды вечером, когда Аланд опять «перехватил» Вебера на пороге класса музыки, чтобы погонять его в зале единоборств, на Вебера нашел непонятный столбняк. Он пошел за Аландом, но, едва они пересекли двор, Вебер честно признался, что сам не понимает, что с ним, наверное, он заболел, ему не по себе, он не может заниматься и просил извинить его за рассеянность. Аланд любовался, как Вебер, пытается объясниться.

– Ты абсолютно здоров, у тебя ничего не болит, ты симулянт, тебя пора гнать за ворота. Вебер смутился совсем.

– Господин генерал, я не говорю, что у меня что-то болит, я не понимаю, я бы не стал вам лгать, но я буду только раздражать вас тем, что не могу сосредоточиться.

– Ты меня этим уже давно раздражаешь, – засмеялся Аланд, но в его смехе не было осуждения. – Иди за ворота.

– Зачем, господин генерал? Я же не хочу, чтобы так, мне, действительно, плохо.

– Вот и иди за ворота, станет лучше, вернешься.

Аланд пошел к своему корпусу в класс музыки, с крыльца обернулся и кивнул Веберу на ворота еще раз. Вебер вышел за ворота, куда себя девать, он понятия не имел, но следовало вернуться в нормальное состояние. Подумал, не пробежаться ли ему до озера, когда к Корпусу подъехало такси, и из него вышел Абель.

Брови Абеля удивленно взлетели вверх, он улыбнулся и распахнул руки для объятий.

– Рудольф, ты же не знал, что я приеду.

Он перекинул сложенный плащ в одну руку с портфелем, обнял Вебера.

– Что такой кислый?

Вебер во все глаза смотрел на Фердинанда и не мог отпустить его руку.

– Аланд выгнал меня за ворота, сказал, пока мое состояние не улучшится, назад не приходить.

– Аланд в своем репертуаре, но это очень любезно с его стороны, что он прислал тебя меня встретить. Ты мне поможешь?

Абель открыл багажник, подал Веберу чемодан, второй взял сам, отпустил такси, и они пошли к воротам.

– Ты уже капитан? – к удовольствию Вебера, сразу отметил Абель. – Что играешь?

– Сейчас мне задали двадцатые концерты Моцарта, я только начал разбирать.

– На органе играешь?

– Да, мы три раза в неделю с Гейнцем ездим к отцу Адриану.

– Завтра поедете? Я с вами, хочу послушать.

– Гейнц мне сделал клавесин, очень хороший клавесин, Фердинанд. Как ты съездил? Где был?

- Много где был. А ты здорово вымахал, Гейнца на ковер еще не уложил?
- Гейнца нет, он много тренируется, Карла несколько раз получилось, случайно...
- Карл все курит?
- Редко, это он больше для своего имиджа.
- И Гейнц с ним?
- Гейнц совсем уж иногда...

Вебер смотрел на лицо Абеля, то ли он устал с дороги, то ли так замучил себя аскетизмом, лицо его похудело, и глаза Абеля изменились: в них проскальзывала обыкновенная смешинка Абеля, проскальзывала – и гасла. Вебер не понимал, как спросить об этой перемене.

- Я тебя так ждал, Фердинанд, ты похудел, у тебя все хорошо?
- Почистило немного. Как у тебя – ничего не болит, а все как-то...
- Я думал, что ты медицину изучаешь, ушел в интенсивную медитацию, приедешь такой же маг, чародей, и волшебный целитель, как Аланд.
- Медицина была вполне традиционная, интересная школа, много нового, полезного, и медитация, всё как полагается, тебе было б не вредно туда прокатиться. Не хочешь?
- Нет, ты что, ты приехал, а я куда-то поеду? Аланду такое не посоветуй, а то он меня мигом ушлет, я и так последние месяцы жду, когда он мне нагоняй устроит. Я стараюсь, а в голове путаница какая-то. Ты мне скажи, я здоров? Я без тебя ни разу не болел, а последнее время все валится из рук, на меня все сердятся, трясут, и чем больше трясут, тем я становлюсь бестолковее.

– Тебе надо из Корпуса уходить.

Вебер даже остановился.

– Фердинанд, ты что сказал?

– Я говорю, из Корпуса уходи, ты сварился в себе, пора пойти подышать, пошуметь, с людьми пообщаться. Гейнц тоже ведь так и не играет со сцены, Аланд его не выпустил?

Вебер растерялся, словно это не Абель с ним говорит: имя Аланда произносит почти с пренебрежением, и не пытается этого скрыть, Абель не мог такое говорить.

– Фердинанд, у тебя что-то случилось? Ты совсем не похож на себя.

– Плохо, что ты каким был, таким и остался. В длину вымахал, в плечах раздался, голова под завязку набита непонятно чем. Вебер, у тебя хорошие шансы дураком умереть, и это, честное слово, обидно, во всяком случае, мне. Странно, что это устраивает Аланда.

– Ты как-то непонятно говоришь, словно ты сердишься на меня, на Аланда, на всех.

– Пойдём к нашим, поругаемся.

– Так прямо с порога и начнешь?

– Я не устал, думаю, и им не с чего, судя по твоему виду все тут валяют дурака.

– Фердинанд, всё не так, Кох – полковник, Карл его почти догнал. Они все так играют! Гейнц как играет! Ты сейчас со всеми переругаешься – Аланд опять тебя выгонит.

– Думаю, что не сразу.

Абель улыбнулся, больше всего Вебер тосковал по его улыбке.

– Ты шутишь, Фердинанд? Ты пугаешь меня?

– Всё такой же пуганный? Ничего не бойся, что будет, то и будет. Жить интересно, если ты этого не чувствуешь, то в твоей жизни что-то не так, ты не болен, ты спекся, это иначе не лечится, кроме как пойти в великий разнос.

– Как это, Фердинанд?

– Надо, чтобы у тебя у самого дух захватывало от твоей жизни. Ты неплохо поучился, не спорю. Давно тебя стало так душить?

– Когда ты не приехал зимой, я очень ждал тебя, я уже не мог больше ждать.

– Ты уверен, что впервые именно тогда это почувствовал?

– Когда ты после первых трех лет не приехал, тоже было нехорошо, потом прошло, и я еще три года нормально учился.

– Я у тебя стал единицей измерения времени? – Абель рассмеялся.

Вебер, благодарный ему за его возвращенный смех, уткнулся в плечо Абеля. Огромного сильного плеча Абеля он не почувствовал, одежда скрывала его худобу, ощущение, что ты прислонился к широкой надежной стене, исчезло, плечо Абеля было почти острым.

– Ты похудел, Фердинанд.

– Идем, забросим чемоданы, и – к нашим.

– Что в твоих чемоданах? Тяжелые.

– Черновики, статьи, бумажный хлам, приходили мысли. Надо теперь хорошенько поработать, пока ты не начал куролесить.

– Я не собираюсь, Фердинанд, я счастлив. Особенно теперь, потому что ты, наконец-то, вернулся. Гейнц целыми днями со мной занимался, но тебя всем не хватало.

Поставили чемоданы, Абель высоко, как перед операцией, намылил и смыл руки, хорошенько умылся и опять засмотрелся на Вебера.

– А бритье наголо тогда явно пошло тебе на пользу, шевелюра роскошная, прямо как у Аланда, только серая. У тебя мать светленькая была?

– Да. Почему ты спросил?

– Просто так.

Абель открыл дверь зала, пропустил Вебера и вошел сам. Совещание у сцены прервалось, все обернулись к дверям.

– А вот и я, – сказал Абель. – Мир моему родному сумасшедшему дому. Здравствуйте, мои дорогие пациенты!

– Абелечек! – воскликнул Гейнц и, взлетев по ступеням, крепко обнял Абеля.

– Я тебе сейчас покажу Абелёчка, но ты похорошел, Гейнц, даже бить жалко.

– А ты превратился в святые мощи? Какой конфессии достанется честь поклоняться мощам святого Фердинанда? Скажи, я туда мигом переметнусь.

– Думаю, по этому поводу соберут Вселенский Собор, как-нибудь договорятся и тебя известят. Здорово, Карл, фенрих говорит, ты настолько скурился, что он уже стал тебя на ковер опрокидывать?

Вебера бросило в краску, Карл выразительно на Вебера посмотрел.

– Фердинанд, я такого не говорил. Зачем ты? – пробормотал Вебер.

– Зачем я, фенрих, это вопрос концептуальный. Вильгельм, – Абель подал Коху руку, Кох взял его ладонь и сразу не выпустил, заставив Абеля посмотреть себе в глаза.

– Сбавь обороты, Фердинанд.

– Не пойму, вы тут поете, играете или болтаете? Здравствуйте, господин генерал, кажется, я вовремя вернулся, у нас тут серия похорон намечается?

– Сейчас обратно поедешь, – ответил Аланд. Он стоял, прислонясь к сцене, и пристально разглядывал Абеля.

– Хорошо, хоть умыться успел, может, чаю дадите с дороги? Или на дорогу?

– Фердинанд, тебе не идет быть клоуном, – сказал Аланд.

– Вы же понимаете, что клоун здесь не я. Гейнецк, ты играть научился или разучился? Господин генерал тебя так и не выпустил?

– Господин генерал, – с сомнением сказал Гейнц, – он откуда такой? Он в психлечебнице время провёл? Или он туда собирается?

– Туда собираюсь не я, правда, господин генерал? Гейнц ведь так и не выступает?

– Хватит здесь порядок наводить, Абель, – неожиданно строго сказал Кох. – Я тебе сказал, сбавь обороты, иди лучше гитару у нищего попроси, за дурачка Фердинанда вполне сойdessь.

Абель кивнул, отвечая своим мыслям, развел руками. Аланд перевел взгляд на Коха.

– Простите, господин генерал, – сказал Кох. – Я пойду к себе.

– Иди, а ты со мной, Абель. Гейнц, проводи дальше занятие.

– Может, мне их сразу в другой зал отвести? Все равно сейчас сцепятся, – сказал Гейнц, кивая на Клемперера с Вебером. Вебер отворачивался, бормотал, пожимая плечами, что он все равно такого не говорил и не думал даже такого никогда.

– Ладно, Вебер, не бойся, – Абель улыбнулся и пошел из зала. – господин генерал, я привез такой роскошный чай!

– На мозги обменял? – уточнил Кох.

– Вильгельм, – попросил Аланд, – пусть юродствует, но не здесь. Карл, играйте, Вебер ничего подобного не говорил и не думал, ты видишь, доктор Абель не в себе.

– Говорил, говорил, Карл! – от дверей улыбнулся Абель. – Еще как говорил, у ворот меня поджидал, сообщил первым делом! Представляешь, говорит, я уже Карла на ковёр не раз уложил, да и Гейнц, тоже с Карлом дымит втихаря, стал совсем слабак, только с Аландом и подраться. Кох, подлизал Аландов, делает вид, что меня на тренировках щадит, и я уж не знаю, как бы не отлупить мэтра ненароком.

– Дождался, Вебер? – спросил Аланд, Вебер не понимал, куда деваться и что Фердинанд вытворяет. – Я тебе говорил, счастье твое, что он не вернулся раньше.

Абель скрылся за дверью, следом вышел Кох. Вебер, стиснув голову руками, сел в первом ряду, чувствуя, что к тяжелому взгляду Карла добавился такой же взгляд Гейнца.

– Не говорил я этого! Не говорил! Зачем он это делает?

Гейнц и Карл сели по обе стороны от него, Аланд подошел к ним.

– Гейнц, он хочет, вас перессорить, не доставляйте ему этой радости, Вебер не причем.

– Может, тогда Абеля вернуть в естественные параметры? – спросил Карл.

– Вебер, может, Абеля все-таки выставить?

– Не надо, ему плохо, он так похудел, я не понимаю, что с ним, это будто не он.

– Он, он, Вебер, дервиш несчастный. Ясно, что вам не до музыки, идите каждый к себе, займитесь делом, пусть все успокоится.

Гейнц, Карл и Вебер молча вышли из Корпуса Аланда и не без удивления увидели, что Кох с Абедем спокойно беседуют на скамейке.

Карл хотел подойти, но Гейнц его удержал.

– Не надо, Карл, Аланд просил. К утру Абель успокоится, идем, без нас разберутся.

– Карл, Гейнц! Вебер на вас молится, не беспокойтесь! – сказал им Абель.

– Все тебя ждали, а ты явился, – ответил Карл. – Я бы сейчас дал фенриху ни за что.

– А ты не маши кулаками, не разобравшись, мало ли какой дурак что скажет.

– Вроде тебя.

– Вроде меня. Приходите, поужинаем вместе.

– Иди перед господином генералом извинись.

– Конечно, Карл.

– Вильгельм, о чем ты с этим дураком лысым разговариваешь?

На слова Карла Абель внимания не обратил, а на Вебера смотрел пристально, улыбнулся, сказал что-то Коху и встал со скамьи. Вебер быстро пошел к себе, Гейнц с укором смотрел на Абеля.

– Не ходи к Веберу, – сказал Абель Гейнцу.

– Он так ждал тебя, ты перестарался, Абель.

– Сволочь какая-то вместо тебя вернулась, – сказал Карл. – Перед Вебером тебе тоже неплохо бы извиниться.

– Что мне еще сделать – после того, как извинюсь?

– Застрелись иди, Абель, раз у тебя с головой плохо, – тихо сказал Клемперер.

– Ты еще Веберу это посоветуй, он послушный. Он о вас, конечно, не говорил того, что я сказал, но радовался тому, что иногда ему что-то на ковре удастся, а чему еще у вас радоваться?

– Не твое дело, Абель, нечего у других по черепу рыскать. Факиром стал? Змей целый мешок приволок, ни для кого не забыл прихватить, – зло говорил Карл.

– Здесь и змеи не нужны, тебя с Гейнцем хватит.

Карл все-таки рванулся к Абелю, рука Гейнца его не удержала. Кох взглядом уперся в глаза Клемперера, вслух приказывая остановиться.

– Осторожнее, Карл, – Абель увернулся, но Карл никого не слышал, бросился к Абелю. Рука Карла со всей силы словно ударилась о стену, он сел, поджимая выбитую кисть.

– Ну, вот и первые пациенты, – сказал Абель. Он присел перед Карлом, взял его руку в свои, сопротивляться рукам Абеля было бесполезно, они не принимали никакого сопротивления.

– Не сломал, не сломал, – повторял Абель, держа запястье Карла в своих ладонях. – Не надо, Карл, я не Вебер, его пока можно лупить безнаказанно, но и это скоро пройдет.

Абель улыбался обыкновенной улыбкой, Карл перевел дух, и в этот момент Абель вправил ему запястье. Карл опять вскрикнул и выгнулся.

– Карл, что ты так нервничаешь? Пальцы в порядке, я тебя мягко отбил, а мог ведь и не мягко, и твоей великолепной фортепианной игре пришел бы конец, а может, ты бы и отлетелся, что тоже было бы неплохо.

Абель повел Карла к себе. Гейнец сел рядом с Кохом.

– Вильгельм, ты что-нибудь понимаешь?

– Не ходи к Веберу, – повторил слова Абеля Кох и пошел к себе. На Коха Гейнец тоже посмотрел с подозрением и пошел к Веберу.

«Два умника! Коху еще есть, о чем говорить с этим лысым факиром».

Вебер лежал на кровати, пытаясь завернуться в одеяло. Приход Гейнца заставил его сесть и еще сильнее напрячься, чтобы Гейнец не разглядел его дрожи, решит, что Вебер его боится. В самом деле, боится, потому что говорить не говорил, но иногда, после удачных поединков, он думал, что скоро Гейнца он, пожалуй, уложит на ковер, а уж Карла будет укладывать железно. Это не значило, что он задавался, не любил своих друзей, – он любил их бесконечно, но он хотел быть равным.

Вебер не смотрел Гейнцу в глаза, а Гейнец смотрел ему в лицо неотступно, сел на стуле перед Вебером.

– Как тебе Абель? Вообще тронулся, он Карлу руку сломал или вывихнул, я не понял.

– Руку? – зачем-то переспросил Вебер. – Гейнец, я не понимаю.

– Такого никто не ожидал. Выброси из головы, разберутся, Аланд его утихомирят, старику тоже, надо думать. Что трясешься? Так ты хвастался перед ним или нет, я не понял?

Гейнец на взводе, если у Карла повреждена рука, то для Гейнца это светопреставление. Карла он учит двенадцать лет, Карл лучший в Корпусе пианист, так, как Карл играет Бетховена, его не играет никто, травма Карла – это травма самого Гейнца. Всё это Вебер успел подумать за долю секунды, чтобы окончательно умереть под его взглядом.

– Ну, и черт с тобой, а я, как дурак, ему всю душу.

Гейнец вышел и хлопнул дверью. С концертами Моцарта, которые Вебер хотел переиграть, похоже, выйдет заминка, Гейнец его на порог не пустит. Гейнец все понял по-своему, объясняться поздно и бессмысленно, доверие, которое все эти годы существовало между ними, подорвано. Даже если Гейнец будет учить его дальше, он никогда не заговорит о чем-то своем, тайном для всего мира, о своих сокровенных мыслях, не улыбнется, он будет официально холоден – это страшнее всего. Зачем Абель сделал это? Гейнец был великолепным другом, он всегда все понимал, чувствовал любую перемену не только в настроении Вебера, но любое измене-

ние его самочувствия. Ему не надо было жаловаться, он смотрел своим пристальным взглядом и сам предлагал прерваться, если Вебер переволновался, устал, если зашумело в голове. Он столько отдал Веберу своей души, он не научил Вебера играть – он вдохнул в него музыку, как жизнь, как часть себя самого. Аланд никогда не занимался с Вебером, он полностью доверил Вебера Гейнцу. Приходил время от времени послушать, но обсуждал игру Вебера с Гейнцем только в отсутствие Вебера.

Вебер один в Корпусе ни разу не слышал игры Аланда, но оттого, как играл Гейнец, его душа обмирала, Гейнец подарил ему огромный, великолепный мир органа, объяснил особое звуко-временное пространство клавесина, в комнате Вебера стоял клавесин работы Гейнца Хорна. Музыкальная эрудиция Гейнца позволяла ему из страницы нотного текста вывести столько аналогий, параллелей, столько поведать о мире музыкальных гармоний, столько вывести ассоциаций, что Вебер сам за эти шесть лет внутри себя почувствовал новый необъятный мир, которого не было раньше и который теперь составлял лучшую часть в нем. Вебер никогда не то, что не обидел этого человека, он, не сомневаясь, отдал бы за него жизнь, без Гейнца мир лишился бы смысла.

Надо что-то делать, так нельзя было это оставить, Вебер пошел к Гейнцу. Их условный стук остался без ответа, Вебер стучал и стучал – не может быть, что не откроет. Гейнец открыл, но рука его, как шлагбаум, перегородила вход.

– Гейнец, ты самый дорогой человек для меня, если я и погордился собой когда-то, то только потому, что ты сам меня похвалил. Разумеется, я ничего Абелю не говорил. Гейнец, пожалуйста, не давай ему нас поссорить. Сегодня я не понимаю, что он от меня хочет. Может быть, пойму. Гейнец, я не последняя дрянь, ты же понимаешь, что такого не могло быть, тебе и Аланд сказал. Да, я иногда думал, что и у меня что-то начинает получаться, когда вы хвалили меня, и это всё, Гейнец, я радовался, что догоняю вас понемногу, что ты не зря тратишь на меня время.

– Думал, не думал – твое право, это не ко мне, пусть Абель твои мозги хоть наизнанку выворачивает.

– Гейнец, может, мы чего-то не понимаем?

– Я ничего не понимаю, и не хочу понимать, Абель приехал поразвлечься. Чего-то где-то понахватался, и теперь будет этим форсить, как сумасшедшая старуха, отыскивая на помойке чью-то выброшенную балетную пачку и напавившая ее на себя. Я не желаю ни этого видеть, ни в этом участвовать.

– Гейнец, с рукой Карла – серьезно?

– Задушил бы этого гада.

– Схватил и вывихнул?

– Поосторожнее на него бросайся, он алмазную стенку ставить научился, он ее выставит, и ты ломаешь руку, если покрепче врежешь. Он у нас теперь неуязвимый. Убью гада, все равно убью.

Гейнец вошел в комнату, Вебер вошел следом. Ясно, что мысли о руке Карла изводили Гейнца сильнее всего, потому что, высказав свою главную боль, он сел и умолк.

– Аланд ведь вылечит Карла?

– Не знаю, все эти вывихи, переломы – скверно для рук. Аланд прежде всего учил беречь руки, и мы все всегда берегли их друг другу, а этот? Он что, не мог отбиться иначе? Хозяин явился. Неужели Аланд его не вышибет отсюда? Может, свихнулся так, что его уже и вылечить нельзя.

– Гейнец, у него абсолютно нормальный взгляд, это что-то другое.

– Ты меня не утешил, сумасшедшему я бы еще как-то простил. Кто знает где и чем он занимался, могло и мозги снести, а если он нормален, ему нет прощения.

– Гейнец, Аланд бы его сразу осадил, если бы за этим ничего не стояло.

- Карл первый дал ему в рожу, иначе бы я сам это сделал – и куда сильнее.
- И поломал бы руку.

Гейнц смолк, посмотрел на Вебера.

– Выходит, Карл меня прикрыл, не понимаю, почему Кох не вмешался, сказал что-то, рядом ведь был, и дерется он не нам чета. О чем он вообще говорил с этим?

- Гейнц, я к тебе завтра с Моцартом приду.
- Если всем будет до Моцарта.

Гейнц превосходно понимал, что Вебера зря все перепугали, даже если мальчишка и погордился, что у него что-то получилось, беды в этом нет. Надо идти к Аланду, посмотреть, что там с Карлом. Если Абель так научился драться, пусть Аланд учит и его, Гейнца, не вокруг да около, а так, чтобы мог Абелю ответить. Азами неконтактного боя давно занимаются, и все-таки Аланд сдерживает обучение Гейнца. С Кохом занимается отдельно, с Гейнцем отдельно. Хозяинничать Абель здесь не будет.

Как хорошо всем работалось, причем тут – выступает Гейнц или не выступает? Аланд лучше знает. Конечно, Гейнц поиграл бы со сцены, ему есть что поиграть, только не Абелю это решать, но мысль закралась, как будто только ждала разрешения.

«Почему, в самом деле, Аланд не выпускает меня на сцену? Репертуар накоплен огромный, и не хуже тех, что числятся скрипачами, он играет. Сыграл бы несколько органных концертов, с Вебером поиграл, с клавесином, хорошим клавесинистом. Вебер хорошо играет, мозги у него чистые, у него любой нотный текст оживает, одухотворяется, загорается от восторга Вебера перед музыкой, которую он исполняет».

О скрипичном заделе Гейнца Аланд знает лучше всех, сам он сейчас с Гейнцем не занимается, доверил Гейнцу заниматься самостоятельно.

Гейнц понял, что он не о том раздумался. Подцепил бациллу. Гейнц пошел к Аланду, открыл дверь и остолбенел – ничего более невероятного он увидеть не ожидал. Аланд, Кох, Абель спокойно сидели за мирной беседой, Гейнц сразу вспомнил слова Вебера о том, что Абель абсолютно нормален, он и был нормален – это были его умные глаза, покой во взгляде. Гейнц растерялся.

– Прошу прощения, господин генерал, не знал, что у вас совещание высшего офицерского состава. Что же вы Карла не позвали?

- Хочешь зайти, заходи, – предложил Абель.
- Не хочу. Карл у себя?

– Гейнц, – сказал Аланд, – с Карлом все в порядке.

– Гейнц, – почти копируя интонацию Аланда, сказал Абель, – я тебе подарок привез. Копии старинных музыкальных текстов, в монастырях нашел, об этих рукописях мало кто на свете знает.

Гейнц промолчал. Абель искуситель. Вопрос Гейнца в Корпусе звучал как Путь музыки, и Гейнц много лет писал огромный, подробный труд об истории развития музыки, по разным культурам, эпохам, анализировал музыкальные тексты разных эпох – это исследование было главной его отрадой. Он и сам поездил по монастырям, порылся в нотных библиотеках Европы, но восточная музыка – особый интерес, информации по нему у Гейнца меньше всего.

Абель улыбался так, словно ничего не произошло, Гейнц пошел к Клемпереру.

Карл сидел за роялем и гонял пассажи поврежденной рукой, гора упала с плеч, рука Карла в порядке.

- Смотрю, Гейнц, даже не мешает, не пойму, почему сначала было так больно. Гейнц по стенке съехал на пол и остался с блаженной улыбкой сидеть на полу.
- Слава Богу, Карл, там у Аланда малый совет.

– Пусть договорятся. Абель руку мне привел в порядок минут за десять, смеется, улыбается, как в раю. Я на него и рассердиться не смог. Вебер успокоился?

– Мы с ним поболтали, вроде бы успокоился.

– Гейнц, но рука, как играла, так и играет, даже какой-то зуд приятный по руке, как малое электричество.

– Дай руку, – Гейнц, не вставая, протянул свою.

Карл подошел, протянул руку.

– Да, хорошая рука.

– Абель сыграл сумасшедшего. Все хотели порадоваться – всех взбесил. Ну его, Гейнц, он всегда был странный, но не до такой степени, конечно.

– Сказал, что он мне копии каких-то древних музыкальных рукописей привез, а я его убить шел за тебя.

– Сам разберусь. Знаешь, по-моему, он болен, у него руки похудели. Может, он потому и стенкой закрылся, так ему с моей массой не совладать, даже неудобно. Не скажет, конечно.

– Фенриху тоже что-то такое показалось.

– Ты помнишь, чтобы у Абеля были ледяные руки? Ему и лед доставать не надо, не холодные, Гейнц, ледяные, и белые, как снег. Он меня склеил, приобнял, чтобы к двери – и на выход, а от него холод идет.

– Вымотался с дороги, отоспится – согреется. Может, этой выходкой Абеля все и закончится? Пойдем, послушаем, о чем они там?

Гейнц с Карлом расположились на диване, Абель сам налил им чай.

– Где фенрих? – спросил он. – Вы его бросили? Схожу за ним, нехорошо.

Абель посмотрел куда-то в сторону и повторил:

– Нехорошо.

Абель быстро вышел.

– Опять юродствует? – спросил Гейнц.

Аланд тоже смотрел в пустоту, не ответил. Кох смотрел на Аланда.

– Идите, господин генерал.

Аланд вышел. Карл рассмеялся.

– Полковник генералу – идите? Это что такое, Вильгельм?

– Отстань, Карл. Вебера в покое оставьте, он переволновался.

– Да он всегда такой, трепещет, как свечка на ветру.

– Чтоб не задуло.

Глава 25. Омуты

Абель вошел к Веберу, взял его за плечи, Вебер не мог смотреть на его улыбку: схватил бы его, прижался и ни о чем бы не спрашивал.

– Так и будешь на меня обижаться?

Абель сумел заглянуть ему в глаза, Вебер не реагировал. Вошел еще и Аланд.

– Господин генерал, это кошмар, как он на меня рассердился.

– Он все еще думает, что ты Карлу руку сломал.

– Гейнц наябедничал? Он врёт, Рудольф, у Карла вообще ничего не было с рукой, только что сидел пассажи гонял, правда, господин генерал?

– Гонял, лучше, чем прежде.

– Что вы все от меня хотите?

– Рудольф, ты сейчас ляжешь спать, завтра поедешь со мной в военную академию, прочитаешь лекции по математике, позанимаешься с офицерами борьбой, – заговорил Аланд.

– Я? Что-то я утомился быть объектом общих шуток, я перестал их воспринимать, извините, господин генерал.

– Вебер, ляг в спаль. Я могу не контролировать выполнение этого несложного приказа? Идем, Фердинанд, надеюсь, ты меня понял, Вебер?

– Я вас не в силах понять, но лечь спать не трудно.

– Завтра я тебе все объясню, расскажу, что от тебя потребуется, ты легко справишься. С медитацией у тебя сегодня не заладится, ее отменяем, хорошенько выспись.

Аланд был расстроен, Вебер это чувствовал. Аланд вышел, Абель вроде бы пошел за ним и вернулся.

– Рудольф, никакой медитации сегодня. Завтра у тебя другие задачи, начинается другая жизнь, будешь выбираться из Корпуса, а сегодня – спать.

И пошел догонять Аланда.

Вебер улегся и решил, что Аланд прав, ничего Веберу не хотелось так, как уgomонить хоть на несколько часов свое сознание, он устал от себя, не первый день ему плохо. Сегодня по объективным причинам хуже, чем всегда. Вебер блаженно вытянулся во всю длину и задышал глубже и медленнее. Сейчас он успокоится, он не будет думать о завтрашнем дне, сегодня он просто болен. Он ни на кого не обижается, но после шести лет ожидания – чувство, что над ним посмеялись, а ему все равно по-собачьи дорог побивший его ни за что хозяин. Оттого, что Абель пришел, подержал в руках каменные плечи Вебера, Веберу стало легче. Хорошо, что Абель становится прежним, но душа Вебера потрясена. Он котенок среди рыб, или щенки, что в данном контексте одно и то же, вот ему и привязали на шею камень, ни о чем не думать, спать.

Вебер закрыл глаза, алое пятно, служившее привычными воротами медитации, вспыхнуло, как окна родного дома. Аланд не запрещал, в постель Вебер послушно лег, посмотрит Аланд в свой «экран» – удивится его послушанию, медитации в Корпусе никто не отменял. Абель сегодня странный советчик, медитация успокоит, даже самая что ни на есть «безмозглая», просто, как в детстве, с отчаянья провалиться в свои облака. Побывать одному, все забыть, перестать чувствовать ужасное напряжение. Дрожь отпустила – хорошо, перед глазами не полыхает. «Может быть, и усну, – решил Вебер, – в конце концов, я просто лег, закрыл глаза и ровно дышу, я не делаю усилий, я ничего стараюсь не делать».

Алое пятно в центре лба возникло из точки и начало расширяться с огромной быстротой, затягивая в себя Вебера. Вебер был пассивен, но чувствовал, как знакомая сила вымела его из тела, душа, как освобожденный пленник, свободно развернулась, любовалась безграничным простором, красками восхитительных астральных небес. Пожалуй, такого блаженства Вебер еще не испытывал, он даже не думал, а чувствовал, что, наверное, упал на дно для того, чтоб очиститься для новых высот, месяцы изнурительного томления были для того, чтобы приблизиться к этому рубежу.

И вдруг маленькая черная точка возникла на горизонте, Вебер присмотрелся, точка, мгновенно разрастаясь, молниеносно приблизилась, и какая-то сила, ничего общего не имеющая с человеческой, мощнейшим ударом сшибла его с небес.

Вебер открыл глаза, не понимая, что с ним произошло, может ли он дышать, шевелиться, тело распластано потрясением, что за астральный кулак и за что настиг его?

Дыхание расслаивалось, дрожало, и все-таки Вебер смог пошевелиться. Ему было страшно закрывать глаза, потому что едва он смежил ресницы, его снова поволокло из тела. Вебер, сел на постели, сидеть ничуть не лучше, к положению сидя тело даже лучше приучено во время медитации. Можно лечь на бок, уткнуться, подбить под грудь подушку.

Вебер ложился, отыскивая пригодное положение для сна, но будет ли сон? По телу опять гуляла дрожь, как после удара током, все нервы, кажется, вмиг оказались воспалены, сами став оголенными проводами. Вебера охватила паника, ему хотелось бежать к Аланду, просить

защиты и помощи. Он не хотел своевольничать, разве что самую малость, что с его телом? Чем больше он осознавал то, что произошло, тем ужаснее становилось у него на душе, даже Небеса его отринули. Что за день сегодня?

Мозг лихорадочно припоминал всё, что Абель ему говорил, когда они шли от машины, начиная с угрозы так и умереть дураком и заканчивая тем, что надо уходить из Корпуса, да и в зале, то, что Абель подразнил всех, пустяки, он говорил о другом. Сначала Аланд сказал – иди за ворота, потом Абель сделал так, чтобы Вебер не мог больше в корпусе находиться, а завтра его отправляют в военную академию, Вебер в панике, словно ужасный кулак все еще занесен над ним.

Готов ли он умереть? Может, это и не страшнее ужаса, в котором он оказался.

Вебер пошел к Аланду, двери распахнуты, в комнате Аланда голоса, обсуждают какие-то рукописи, Аланда не слышно, но он тоже там. Фердинанд – душа компании, Карл говорит совсем не голосом пострадавшего человека. Вебер не может этого понять, и он туда не пойдет. Внутри себя слышал фразу Абеля о великом разное. «Ничего не бойся». Он сегодня, как футбольный мяч, вылетел за ворота, и никто не торопится его поднять. Смех в комнате Аланда доводил Вебера до бессильной ярости: безмятежный рассказ Абеля, заинтересованные вопросы Гейнца, Клемперера, Кох молчит, но к нему обращались, он там.

– Хорошо, – прошептал Вебер и пошел к гаражу. Прокатится на машине, может, это успокоит. В гараже он увидел на полке кем-то оставленные деньги, судя по сигаретам рядом – Карла. Вебер забрал сигареты, деньги, нашел зажигалку, открыл ворота и выехал. Сейчас всем не до него, догонять не будут, он сам понятия не имеет, что он сейчас сделает. Пусть выгоняют, он тоже человек, и с ним не надо так поступать.

Вебер остановился у какого-то кафе, денег немного, но на бутылку вина и какую-нибудь закуску, наверное, хватит. Заказал портвейн, раскурил сигарету, первую в жизни, покашлял, ничего, терпимо. Официант услужливо наполнил фужер, предложил мясного. Вот от этого увольте. Накуриться, напиться спиртного и можно ехать спать – в медитацию не выбросит, а, следовательно, не вышвырнет и из нее. Что ему скажут утром на построении, которое Аланд по такому случаю, надо думать, организует, не важно, что будет, то и будет, разбор полетов может быть даже приятен, Вебер все им выскажет начистоту.

Вебер докурил, есть совершенно расхотелось, попробовал портвейн – не вино Аланда, дрянь, но ничего, пьют же люди. Им весело, может, и ему станет весело, он хочет, чтобы ему стало весело. Вебер наливал и пил, бутылку он опустошил и понял, что не встанет, попросил воды, голова отяжелела. Он положил ее на руки и заснул, сидя за столом. Весело не стало, стало плохо. Его под руки вывели к машине, помогли свалиться на сидение, кафе закрывали. Надо ехать, чтобы в таком виде предстать перед ними, не зря же он так измучил себя, набивая тело гадостью, приедет как раз к разминке, это хорошо.

Вместо дыхания в Вебере прочно поселилось какое-то напряженное, яростное сопение, дышалось тяжело, приходилось прилагать усилия. Астральным кулаком его садануло куда-то справа под ребра. Канал печени блокирован – вот тебе и приступы беспричинного гнева, так, кажется, когда-то объяснял Абель? Сам не знал, что в нем столько злости. Но почему так трудно дышать?

Лекции почитать сегодня? Обязательно, если слушателей не вынесет вон от его перегара. Устроить мастер-класс по единоборству? Хорошо, хочется просто кого-то бить, молча, без объяснений, или чтобы в лепешку отбили его, это все равно.

Может, последовать примеру Гейнца и взять финальный аккорд где-нибудь в доме терпимости? На пьянство позлятся для порядка, а вот уж это не простят, Веберу и хотелось, чтоб не простили, потому что он тоже их не прощает.

Сейчас Вебер гнал машину, куда – понятия не имел, час мертвый, все пристроились на покой. Женщин он боится, понятия не имеет даже, как с ними говорить, не то что поцеловать

незнакомую женщину, раздеть ее и себя при ней, Вебера уже заливало краской. Гейнц молодец, он и в шестнадцать лет это сумел, чтобы сделать всем и себе назло, с ним на эти темы не поговоришь, он и вспоминать этого не хочет, и Вебер не хочет этого, и так всех позлит, значит, он едет назад. Он решил, что на дороге он легко развернется, завертел руль, машина съехала в кювет и встала почти вертикально носом в грязь.

Апрель, в низине стоит вода. Вебер ткнулся грудиной об руль, дышится плохо, но и так не дышалось, покашлял, удивился, что на губах кровь, выдохнул посильнее, кровь побежала по губам, и он зашелся кашлем. Вебер подергал дверцу – заклинило, потянулся к другой – та по самое стекло в воде, сочит в салон. Открылась, вода полилась ледяная, с зеленой жижей и грязью. Вебер кое-как переполз к открытой двери, вывалился в воду, там по грудь, на что он будет похож, когда вылезет? На кикимору будет похож, болотную, болотнее не бывает. Вопрос, как он вытянет машину? Ее залило водой, совсем просела. Дно вязкое, ноги не вытянуть, он уже без сапог. Вебер замер в воде, понимая, что у него нет сил выбраться отсюда. Он не хочет, чтобы дальше что-то происходило, сам бы со смеху умер, привидься ему такое.

Пистолет намок, не выстрелит, а было бы хорошо. Вебер вытащил его из воды, руки трясутся от холода, если выбраться и убраться в лес, то, может, подсохнет и ничего. Не ожидая выстрела, Вебер нажал на курок и полетел спиной на машину. Выстрел прозвучал, обожгло ребра на левом боку, вода около него быстро замутилась и заалела, надо довести дело до конца, а он от неожиданности выронил пистолет, нырять в эту грязь противно.

Отец мечтал утопить его в навозной жиже, какие-то грехи ему, видно, списались, вместо навозной жижи – болотная, лучше, конечно. Вебер пытался глубже вздохнуть, и его почти вывернуло хлынувшей горлом кровью. Голова закружилась, белая пелена скрыла все. Руки еще цеплялись за распахнутую дверцу машины, он понимал, что падает, и ничто его не спасет, он утонет в этой ледяной мутной луже, отличный финал. Видите, господин генерал, любви к вам мне вполне хватило, до любви к женщине не дошло, вам даже не пришлось привязывать камень.

Вот тебе, Гейнц, и концерты Моцарта, и тебе, Абель, орган у отца Адриана. Вебер чувствовал, что не хочет такого конца, но нужно молчать, смириться, принять все, как есть. Руки сами перехватывали по машине, он выбирался туда, где мельче. Проклятый Абель, лучше бы ты не возвращался! Тогда Вебер тихо сгнил бы от отвращения к себе, теперь он понимает, почему ему было плохо, он чувствовал ложь. Он любил их всем сердцем, а они пригрили убогого, подучили, чтобы мог себя прокормить, и пора уходить. Лучше бы Аланд не снимал его с вил, сейчас бы Вебер семь лет как покоился под спудом родового дерьма, его бы никто не нашел и не увидел. Все повторяется.

Ноги подгибались, Вебер повисал на руках, хватал воздух. Куда он так стремится? Руки сорвались, он повалился в воду и снова на чем-то повис, он не видел, на чем, он ничего больше не видел. Это что-то, что его удержало от падения в воду, волокло его вверх. Наверное, черт наведалься по его душу, привет тебе, черт, что осталось, то и забирай.

Вебер открыл глаза, вот это, пожалуй, похуже любого черта, потому что волок его Кох, ему бесполезно говорить, не бросит, вытащил Вебера на шоссе, здесь Абель и Аланд.

Вебер отворачивался.

– Отстаньте от меня все! – шептал он. – Ненавижу!

Он все-таки это сказал, он сам слышал свой булькающий, шипящий голос, но гнева в нем достаточно, на его шепот не обращали внимания, руки Абеля колдовали над раной.

«Я не буду жить среди вас, я никогда не прошу вас того, как я вас любил, а жить ради ненависти я не хочу. Смейтесь, совершенствуйте сознание, читайте древние рукописи, пейте трехсотлетний коньяк и живите тысячу лет», а ему и его двадцати трёх с головой хватило. В детстве он правильнее все понимал: жизнь – это у других, а он пришел, чтобы настрадаться и исчезнуть. Как он мог поверить их любящим глазам? Это всё лицедеи...

Открыл глаза – комната Абеля, сам Абель, рядом Аланд. Абель приподнимает голову Вебера, пытается напоить. Вебер тратит все силы, бьет рукой по стакану, вода обливает Вебера, но и на Абеля попадает.

– Что ты, как маленький, Рудольф? – твердит Абель.

Аланд отходит к окну, ему неприятно, и Веберу неприятно. Абель, смахивая со своей лысины пот, невозмутимо перенастраивает систему, переносит на другую сторону, начинает широким бинтом приматывать руку Вебера к металлическому краю кровати. Сильные руки, не шелохнуться, ничего, он свободной вырвет, но Абель и вторую привязывает, и только потом вводит в вену иглу и прочно фиксирует ее пластырем.

Вебер смотрит на Абеля, он ждал Абеля шесть лет, считал дни? Абель занят, широкими бинтами привязывает грудь Вебера, чтобы тот и брюхом не дернул. Как мумия, лежи и не двигайся. И что же дальше, доктор Абель? Что дальше, господин генерал? Приказывайте, что вы еще не приказали мне исполнить? Мне будет приятно больше не выполнить ни одного вашего указания. Ах да, сегодня лекции по математике, показательный класс единоборств, ничего, и математики есть получше, не говоря о мастерах боя. Вебер закрыл глаза, с Аландом и Абелем за право не жить поспорить не просто, повело в сон, перерыв.

Как из-под воды вынырнул, увидел свет окна, те, кто его утопили, обсуждают в соседней комнате его состояние, сцена та же, действующие лица те же.

– Ты уверен, что он спит? Он нас слушает во все уши.

– Он не должен ещё проснуться. Не понимаю, как он жить собирается, я вам говорил, что он из своих детских обид сам не выпутается. Но что он так? Откуда такой поток гнева в нем, не понимаю. Он же добрейшее, привязчивое существо, я поражался шесть лет, как он не отпускал меня.

– Фердинанд, всех погонял бы, но его не надо было трогать, он не понял тебя, решил, что ты посмеялся над ним, где ему это выдержать? Злости в нем и сейчас нет никакой, злился бы, было бы лучше. Он решил не иметь с нами дела, ему все равно, за что любить, главное любить, он весь из любви. Пока он любит, он горы свернет, а если некого, то это будет погибель и ад, которые он сам себе и организует, без него веселятся, а он никому не нужен.

– Ему надо было спать.

– Вынесло его, куда не надо, верю, что он и не собирался, значит, это было неизбежно. Этот этап закончился, его пойдет сейчас трясти и выколачивать, теперь еще проблема – мир состоит из одних предателей. Нет, Фердинанд, что ни говори, а я его уши здесь хорошо чувствую.

Аланд подошел к постели, Вебер глаза закрывать не стал, смотрел в сияющее солнцем окно, щурился, рассматривал солнечный диск, слепит глаза, потому щуриться естественно, и взгляд не блуждает.

Абель снял капельницу, может, отвяжет? Отвязывать не спешит, надо лежать тихо. пусть успокоятся, все равно не укараулите, хоть часовых поставьте. Люблю я вас, мечтайте, господин генерал, не буду отрицать, это было, но именно что было. Никаких предпочтений. Вы все одинаковые, вы рыбы и плывите дальше. На любом вашем рыбьем языке зашевелите губами (если у рыб есть губы), я вас не понимаю и понимать не стремлюсь. Я занесся в своих мечтах, решив, что обрел здесь свой дом, нет – и не надо.

– Рудольф, – Аланд говорит тихо, вкрадчивый голос лжеца и актера, главное, не смотреть ему в глаза: подчинит и обманет, и на Абеля не смотреть, потому что от его взгляда сердце через горло выпрыгнет наружу. Терпеливый он или нет, ему слишком больно, предательство и обман он терпеть не приучен.

– Рудольф, ты ни в какую не хочешь выслушать меня?

– Я не хочу вас ни слышать, ни видеть, развяжите меня.

– Рудольф, тебе было плохо, ты тихо загнивал. Фердинанд тебя поразил, из тебя вся гниль и хлынула. Ты мог зайти и остаться, но тебе нужно было выплеснуть то, что тебе не давало спокойно жить. Никто не отказывался от тебя, тебя как любили, так и любят, а главное, что и ты, как любил, так и любишь. Ты выплеснул все скверное – что накопилось в тебе, пришло время перемен, которые ты боишься принять, ты перепутал трансформацию сознания и тела со смертью, ты становишься другим, но так реагировать, как ты, нельзя, ты едва не погиб. Если перед каждой новой ступенью ты будешь пытаться себя убить, то на какую-то ступень ты не поднимешься. Фердинанд перебаламутил не тебя одного, но все сумели справиться с собой, и все разрешилось. Хорошо, Вильгельм тебя укараулил, ты выстрелил и попал в себя случайно, ты преступил черту, предупреждение серьезное. То, что тебя сбросили с твоих небес, знак, что ты вышел к более высокому плану, не раздав необходимые земные долги, тебе придется поработать в миру, тебя не гонят отсюда, но без этого для тебя перекрыт путь наверх.

Бинты отвязаны, Вебер сел, в глазах тут же замутилось. Абель приложил голову Вебера обратно к подушке. Веберу так хотелось, чтоб Аланд обнял его и говорил, говорил своим глухим сокровенным голосом, и чтобы все, что он говорил оказалось правдой.

– Ну, что с ним делать? – улыбался Абель. – Обнимите вы его что ли, господин генерал. Рудольф, я сам с тебя шесть лет глаз не сводил, мне было так спокойно оттого, что я купался в твоей любви. Ладно, братишка, не сердись, мы с тобой еще омуты побаламутим.

– Я тебе, Фердинанд, такие омуты устрою, ты мне его едва к праотцам не спровадил, такую анафему от этого сгустка любви заработать – это надо суметь.

Вебер упрямо сел и с прежним прищуром строго сказал Абелю:

– Дай сюда одежду, дервиш лысый.

Абель развел руками.

– А ты, фенрих, трус, зря в бордель побоялся ехать, глядишь, не стал бы на трёх метрах с пьяных глаз разворачиваться и в кювет бы не угодил. Мне твою сломанную грудину собирать и осколки ребер из лёгких вытаскивать – слов нет, как хотелось. Я тебе не отдам то, что я привез тебе из заморского королевства.

– Папку с трактатом, как стать бессмертным?

Вебер сказал и смутился, его вопрос не подлежал обсуждению ни с кем, кроме Аланда. Аланд потрепал его волосы, прижал его голову к груди.

– Фердинанду можно, болтун.

– С бессмертием сам разбирайся, я таких сладостей привёз...

– Когда в бордель соберешься, возьми с собой, девочек угостишь.

Абель посмотрел на Аланда, смеявшегося у окна.

– Нет, но господин генерал, это что же такое? Тебя кто так научил отвечать?!

– Ты и научил. Тебе можно, а мне нельзя?

– Вообще-то ты туда собирался.

– Я не собирался, я думал, чем бы вам еще досадить.

В комнату вошел Гейнц.

– Господин генерал, я смотрю, вы у окна так смеетесь, мне даже завидно стало. Интересно, фенрих, а ты что тут в костюме Адама расселся?

– Абель одежду не дает.

– Фердинанд, это нехорошо. Или он еще болен?

– А ты как думаешь, Гейнц? Ему лежать и лежать.

– Он мне экзотических сладостей с востока привез, а теперь ему отдавать жалко, говорит, сам съест, хоть подавится... – разглагольствовал Вебер, запахнувшись одеялом.

– Фердинанд, лучше отдай ему, у него с мозгами проблемы, пусть ест сладкое, может, лучше станет?

– Это у тебя проблемы с мозгами, – продолжал Вебер. – И у Абеля.

- Скажи еще, что у Аланда, – подсказал Гейнц.
- Вебер с сомнением посмотрел на генерала.
- Господина генерала я просто так угощу, хуже не будет.

Глава 26. Удар в сердце

Вебер еще месяц оставался у Абеля, но почти не видел его. Абель пропадал в клиниках, Аланд сам долечивал Вебера. Начались бесконечные дыхательные упражнения, энергетическая гимнастика, медитацию Аланд позволял только в своем присутствии. Приходили друзья, Кох с Клемперером основательно готовили его к чтению лекций по разным разделам математики, Вебер написал свой первый собственный курс, и Аланд вполне одобрил его математический труд. Гейнц работал с ним над концертами Моцарта, Аланд стал позволять походы в зал, ненадолго, но работа началась. Аланд тоже часто уезжал, и бывало, что до утра не возвращался. Вебер с Гейнцем, с Вильгельмом и Карлом, позволяли себе ночные музицирования. После общих занятий Вебер оставался один, сидел за роялем в зале, возвращая рукам беглость, которую, как он считал, за месяц лежания у Абеля он утратил.

Аланд иронично отзывался о «режиме» Вебера, который Вебер так тщательно соблюдает в его и Абеля отсутствие, но Вебер видел, что Аланд скорее поощряет, чем порицает его музыкальное усердие. Чувствовал себя Вебер хорошо, отношения с друзьями наладились, об инциденте с утопленной машиной и «пьянством» Вебера никто не напоминал. Машину Карл восстановил – садись и поезжай. Энергетическая гимнастика постепенно разбавлялась физическими тренировками, Вебер стал появляться на разминке, только Абеля все равно будто не было в Корпусе, появления его стали редкими, приезжал ненадолго. Вебер не спрашивал Аланда, где болтается Абель, не спрашивал Абеля, потому что им его вопрос и без произнесения вслух был понятен, не говорят, значит, не нужно.

Вебер опасался «ждать Абеля», лучше не ждать, как есть, так и есть. Довольно того, что он бесшумной походкой иногда он промелькнет в стенах Корпуса, иногда он молча садился в зал в классе музыки послушать, несколько раз сам возил их с Гейнцем к отцу Адриану, восхищался их игрой на органе, на похвалы не скупился.

Вебер о поездке Абеля так ничего толком и не знал, какая-то работа полностью поглощала его. Когда он возвращался, говорил с кем-то, сидел в зале музыки (разминка и зал единоборств – не были для него обязательны), лицо его играло улыбкой, глаза смеялись, и в то же время в глубине его глаз, Вебер чувствовал это, не прекращалась оставленная им работа, поэтому и тревожить его было неудобно.

В августе Вебер прочитал несколько пробных лекций перед преподавателями Военной академии в присутствии начальника академии генерала Гаусгоффера, несколько часов с Вебером «беседовали» (по сути, экзаменовали), задавая вопросы из разных областей математики. Вебер как никогда был благодарен своим друзьям, натаскавшим его так, что затруднений опрос не вызвал. Аланд, сидевший в последнем ряду и не вставивший ни слова, был им доволен.

Вебер смутился, когда в спортивном зале на ковер против него вышли сразу пять офицеров. Аланд сказал Веберу, чтобы он не беспокоился, работал внимательно, аккуратно, без агрессии, главное, чтобы никто серьезно не пострадал, то есть Аланд не сомневался в победе Вебера. «Они не умеют драться, Вебер, не забывай об этом, терпение и выдержка, держи их в поле зрения. Что я тебе объясняю?..»

«Поединокок» Гаусгофферу так понравился, что класс восточных единоборств он отдал Веберу без обсуждений, в порядке личного распоряжения.

С сентября Вебер начал читать лекции по математике, вел в академии класс восточных единоборств, ему было неловко оттого, что математику читает не Карл и не Вильгельм, что учит драться он, последний человек в Корпусе, но Аланд сказал, что это дело Вебера и вопрос не обсуждался.

Академия отнимала много времени, нахождение среди такого количества посторонних людей для Вебера было непривычно, он уставал. Курсанты-слушатели, как правило, были старше его, не говоря о преподавателях, сплошь высших офицерах. О Вебере шептались, говорили много обидных вещей, о серьезной протекции, о молодом выскочке, но после того как Гаусгоффер пару самых многоречивых убрал из академии, разговоры сами собой прекратились.

С курсантами Веберу было легко, его, несмотря на его возраст, уважали и внимательно слушали. Те курсы, где вел занятия Вебер, гордились, что у них «читает» и «ведет» Вебер, ученик Секретного Корпуса Аланда, Вебер был рад, что хотя бы не опозорил Корпус и, похоже, надежды Аланда оправдал.

Стали постепенно налаживаться отношения с офицерами, с ним заговаривали, звали «пообедать», подсаживались к нему за столик в столовой, где он появлялся редко.

Он хотел успевать и то, что было его ежедневной работой в Корпусе, времени катастрофически не хватало. Он мало отдыхал, ночные часы уходили на подготовку к лекциям, на медитацию, хотелось посидеть над сонатами Скарлатти, которыми почему-то он увлекся. Гейнц помогал ему, рассказывал удивительные вещи о контрапункте и особенностях гармоний этих сонат. Вебер старался успеть к тренировкам в зал единоборств, хоть он и вел их в академии, но трезвой самооценки не терял, Карл стал серьезно относиться к поединкам с Вебером, не позволяя над собой никаких преимуществ.

Кох или пропадал в своем конструкторском бюро, или сидел над разработками, не давая себя отвлекать и беспокоить. В классе единоборств Карл, Гейнц и Вебер все чаще оказывались втроем, без Коха друзья посмеивались над Вебером более откровенно.

На вечернем отчете в ноябре Вебер осмелился спросить Аланда, в самом ли деле ему так нужна эта академия? Он ничего не успевает, он устает так, что приходит и валяется мертвецом. Ему не нужны эти люди и эти лекции, разговоры офицеров, их вечное любопытство и желание вывести «как там у Аланда». Он почти не бывает на общих занятиях Корпуса, не слышит лекций Коха, Гейнца, Карла. Аланд пожал плечами и сказал, что если Вебера что-то не устраивает, он оформит Веберу до конца учебного года полный перевод в Академию. Ему нужно открыться людям, которые его окружают, попробовать услышать, что они говорят, понять, как они живут, не противопоставлять себя им, а попытаться вжиться в их проблемы и их образ мыслей.

Наутро Гаусгоффер распорядился, чтобы Вебер вел еще класс стрельбы и владения холодным оружием, Вебер понял, что бунт лучше не устраивать, пока все курсы академии не поручили ему. Абелю, приехавшему в Корпус и уже несколько дней его не покидающему, Вебер в отсутствие Аланда пожаловался на свои несчастья. Абель сказал, что «это, конечно, тяжело, что он бы не смог целые дни проводить среди этих дегенератов», Вебер понимал, что Абель по этому поводу может только иронизировать, он вне Корпуса почти постоянно. Абель сказал, что сейчас для Вебера разумнее меньше времени уделять музыке и больше медитации или сну, отдыху и восстановлению сил он уделяет мало времени, изматывает себя и закончится это переутомлением.

– Музыка – это все, что у меня осталось, Фердинанд, неужели ты не понимаешь? Я на органе не играл три месяца, я могу пару часов посидеть за фортепиано или клавесином, если убрать даже это, то что останется? Зачем все это было? Даже ты перестал понимать меня.

– Я давно перестал понимать тебя, – Абель сказал это с сожалением, и Вебер понял, что Абель для него со своего Востока так и не возвратился.

Аланд загородился, как стеной, не пробьешься, даже Гаусгоффер чаще общался с Вебером, пытаясь окончательно переманить Вебера в академию.

Гейнцу в классе музыки оркестровые партии играл Карл, Вебера гнали, потому что «Абель сказал», что Веберу нужно отдыхать, и никаких классов музыки. На Абеля он и смотреть больше не хотел, едва здоровался и шел мимо.

Вебер чувствовал, что он в изоляции, он не ложился вовремя спать, медитацией ограничивался только той, что Аланд сам заниматься с ним. По ночам он садился за фортепиано, разбирал сонаты Скарлатти, играл Моцарта, гонял упражнения. К утру он кое-как взбадривал тело душем, понимая, что он доводит себя до какой-то черты, что он уже ничего, кроме отворачивания к жизни, не испытывает. Он стал забываться на лекциях, говорил, и вдруг понимал, что не помнит, о чем он только что говорил, замолкал и по несколько секунд вспоминал.

Из класса единоборств его не гнали, но Карл, уложив Вебера на ковер, иронизировал над корифеем и мастером единоборств Рудольфом Вебером, которого он нечаянно уронил. Вебер понимал, за что Карл ему мстит, Абель, его дикая клоунада.

За неделю до Рождества Вебер узнал, что на концерте он не играет, его гнали отдыхать, говорили, что ему как почетному магистру всех наук обеспечена парадная, королевская ложа в зрительном зале, что он будет сидеть по правую руку от самого Аланда, и даже доктора Абеля посадят слева. Абель иной раз как будто что-то хотел ему сказать, но Вебер быстро проходил мимо и запирался у себя.

В тот вечер Вебер тоже заперся в комнате, он переигрывал сонаты Скарлатти, и вдруг понял, что не хочет и этого, что ему не по себе, ему холодно, что у него болит голова, ее медленно зажимают стальные обручи, и пальцы перестают подчиняться ему. Он посмотрел на постель – всего разумнее было потеплее укрыться и лечь спать, но он свалил тело в кресло, попробовал расслабиться в медитации. Через час идти к Аланду, хорошо, если он сумеет себя до Аланда привести в порядок, чтобы без лишних вопросов и строгих взглядов.

Надоело все, просто надоело. Думать об этом, идя к Аланду, не стоило, иначе устроит такой разгон, что и переводу к Гаусгофферу обрадуешься. Почему бы не перевестись? Раз здесь он стал чужим, его место в зрительном зале, за что он цепляется? Его выталкивают, это не случайно сложившееся отношение, он хватается за прежнюю жизнь, которой больше нет, ему все объяснили, вот ему пальцы и отбило, он не может этого не понимать.

Насчет медитации у Вебера было строгое предписание, «безмозглое» болтание в астральных небесах без прикрытия Аланда ему было запрещено, но Вебер хотел еще раз проверить, сшибут ли его с небес. Раз он все равно отсюда уйдет, это снова станет его основным спасением.

Без Корпуса он не знает, как жить, отчаянье еще не раз вернется к нему, и, как в детстве, он будет бежать из этого чуждого мира в свои запретные Небеса. Только сел и расслабил тело, в дверь постучали. Открыл – на пороге Абель, вот уж кого ему видеть не хотелось.

– Пойдем ко мне, Рудольф, ты болен.

– Фердинанд, отстань от меня, хотите перевести меня к Гаусгофферу, я не возражаю, не надо со мной проводить никаких бесед, я хочу побыть один.

– Рудольф, я повторяю, ты болеешь. Ты хочешь слечь?

– Не беспокойся, завтра я поеду на лекции.

– Не поедешь, и можешь долго еще не поехать.

– У меня время отдыха, к Аланду мне через час. Ты сам всем приказал гнать меня всюду, чтобы я отдыхал, вот и иди, я буду отдыхать, всё будет так, как ты за меня решил.

Вебер закрыл перед Абелем дверь и повернул в замке ключ. Ему непросто было сказать это Абелю, послушал, не застучит ли Абель снова, не застучал. Жар – может быть, это не проблема, в медитации жар исчезнет, в детстве Вебер так и лечился. Это не простуда, потому что, кроме головы, не болит ничего, разве что сердце неприятно и часто колотится в груди, надо успокоиться.

Вебер закрыл глаза, дождался алых, разрастающихся, втягивающих внутрь ворот – и провалился в них, давно забытое наслаждение, громады, гребни-пласты облаков внизу, ощущение простора и покоя. Душа так устала, что и здесь обычное ликование не приходило, было ощущение тревоги и покинутости.

Черная точка на горизонте возникла почти сразу, она не начала своего молниеносного приближения, но Вебер упрямо, почти с вызовом, ожидал ее приближения. Если попробовать отразить удар? Бессмысленно, силу этого удара он помнил хорошо. Точка чуть увеличилась, стала пятном, это было медленное, запугивающее приближение, как сближение соперников, когда главное – психологически не уступить. Краски поблекли, все в серо-белых тонах, будто испортилось зрение. Вебер ждал, потом приближение было таким же мгновенным – и тот же чудовищный удар, сознание Вебера погасло.

Он очнулся в кресле и не мог понять, сколько прошло времени, сердце дрожало, тело было онемевшим, чужим, дыхание поверхностно проскальзывало в легких. Вебер понял: удар был в сердце.

Он пытался пошевелиться, соединить свои рассогласованные, смещенные, выбитые тела в одно. Сердце колотилось неровно, но не трепетало, как в первые минуты.

Вебер поднялся, страх не отпускал его. После случившегося Аланду на глаза лучше не показываться, он предупреждал, и даже сама эта страшная сила предлагала ему уйти. Это вина Вебера в том, что с ним это произошло. Посмотрел на часы – он должен быть у Аланда, Аланд прощает многое, но не своеволие в медитации, в тонких мирах не шутят, для того и учитель, чтобы ученик по неопытности не погубил себя.

Вебер пошел в душ, надеясь, что вода подправит его покореженное тело, скрыть своих подвигов не удастся, тем легче Аланду будет выгнать его к Гаусгофферу, повода искать не придется.

Сердце болело, Вебер взглянул в зеркало, подошел поближе, разглядывая свою грудь. Два свежих стигмата: один чуть левее грудины, другой правее левого соска. После первого полета с небес у него такие метки остались в правом подреберье. Непонятно, почему он жив, ударило точно в сердце. Почему оно не остановилось, а заходится под двести ударов в минуту и спотыкается?

Вебер поводил по себе полотенцем, даже одеться нет сил. В дверь стучат – это Гейнц. Как он отвлекся от класса музыки?

– Сейчас, Гейнц, – сказал Вебер, голос почти отсутствует. Гейнц настойчиво барабанил. Вебер мокрыми ногами влез жесткие штанины, не снимая с плеча полотенца, открыл, отошел.

– Почему к Аланду не пришел? Абель говорит, ты заболел, но его к черту послал, опять развоевался?

Гейнц сыпал вопросами, Вебер сел на постель. Это хорошо, что Абель сообщил, что он заболел, можно этим прикрыться.

– Гейнц, я, в самом деле... Я сегодня Аланду только надоем своей тупостью.

– Да своей тупостью ты всем надоел, фенрих. Если плохо, и Абель сам к тебе пришел, то что ты выделяешься?

– Не ходите вы ко мне каждые пять минут, я хочу побыть один.

Он сидел, упираясь в постель прямыми руками, так легче дышалось, но сердце все набирало темп, в глазах мутилось. «Как тебя выгнать-то, Гейнц?»

Гейнц расположился в кресле, взял с подставки оставленную Вебером сонату.

– Гейнц, уйди, ты ведешь себя бесцеремонно.

– Так, может, Абеля все-таки позвать? Он не такой церемонный, придет, даже после того, как ты его выгнал.

Абеля сейчас – это было бы хорошо, но Вебер, в самом деле, его выгнал.

– Не надо, я посплю.

– Счастливых тебе сновидений, на разминку будить? Или только после китайских церемоний?

Сердце поубавило темп, хоть видеть начал.

– Гейнц, если нельзя, не отвечай, вам приказано меня отсюда выжить? Кто, Аланд или это Абель распорядился?

– Они просили тебя разгрузить из-за твоего нездоровья.

– Я понял, Гейнц.

– Ладно, не буду нарушать твоей приватности.

Гейнц ушел, Вебер натянул китель, сапоги, шинель тяжелая, еле на плечи накиннул. Как он завтра будет работать? Пожалуйтесь – лишнее подтверждение их правоты, Аланд поймет, в чем дело. Еще и он сейчас начнет разносить?

Вебер спустился по стене на пол, опять сердце трепетало. Как бы уйти отсюда?

Дверь он, оказывается, не запер, потому что без всякого стука вошли Аланд и Абель, как всегда между собой продолжая свой, не для ушей Вебера, разговор. Его никто ни о чем не спрашивает, продолжают говорить, напряженно, сдерживаются. Вебера подняли, из шинели вытряхнули, китель тоже долой, Абель вроде как приобнял за плечи – и резко бьет по груди. Сердце глубоко споткнулось и забилося медленнее. Вебера Абель осторожно укладывает на постель, Аланд садится рядом, обе руки Веберу на сердце. Стало отпускать. Аланд говорит только с Абелем, мысли путаются, перед глазами все то фокусируется, то расплывается, так ни слова от Аланда и не услышав, Вебер заснул.

Утром проснулся в разобранной постели, тело благодарно гудело, наполненное силами и отдохнувшее каждой мышцей. До разминки пятнадцать минут, Вебер встал, прислушиваясь к себе, всё в порядке. Тот кошмар, что с ним был вечером, безвозвратно исчез. Хотелось думать, что исчез именно безвозвратно, что вчера чудесным образом он не подвергся никаким объяснениям, и всё болезненное Аланд с Абелем исцелили.

Вебер привел себя в порядок, осторожничая, несколько раз присел, отжался, слушая, как ведет себя сердце, вроде, всё как всегда, то есть хорошо. Главное, он себя нормально чувствует и после разминки сможет поехать в академию, отпрашиваться не придется.

Вебер вышел ровно в шесть, чтобы прийти прямо к пробежке. Карл, Гейнц и Кох были у турников, а вот Абеля и Аланда не было, и света в их окнах не было. Может, они снова в отъезде, теперь чаще бывает именно так. Инстинктивно ноги сами повели Вебера поближе к Коху.

– Веберу приказано оставаться в Корпусе, делать энергетическую гимнастику – и не более, – сказал Гейнц.

– Иди в зал, Рудольф, – Кох чуть подтолкнул Вебера в спину.

Вебер поскорее убрался в зал, хорошо, что останется один, утро началось неплохо, лекции у него сегодня первые, можно поехать пораньше. Единоборства после обеда, день разорванный и длинный.

Разминка переместилась в зал, Веберу Кох приказал пройти в среднем темпе километр, Аланд вот-вот подъедет.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – уточнил Кох.

Вебер кивнул, сейчас все было не безоблачно, упражнения он выполнил легко, а вот стоило появиться Гейнцу с Карлом, сердце опять задрожало. Вебер прошел указанное расстояние по шоссе, вернулся к себе, переоделся, взял папку с лекциями, скорее в машину – и подальше отсюда, пока Аланд не вернулся.

Лекции отчитал, всё в полном порядке, теперь несколько часов болтаться, просмотрел лекции на завтра и решил, что погуляет по городу. Усталость неожиданно быстро вернулась к нему, не стоило сегодня проводить единоборства.

Вебер шел к машине, когда адъютант Гаусгоффера догнал его и вызвал к генералу.

– Вебер, Аланд просил тебя немедленно вернуться в Корпус, он сказал, что ты заболел. Это так? Ты не мог сам ко мне подойти?

– Виноват, господин генерал. Лекции я провел, а от класса единоборств мне, действительно, сегодня лучше воздержаться.

– Завтра будешь?

– Да, конечно.

– Поезжай. Не думал, что вы у Аланда болеете. Что с тобой?

– Я был неосторожен на тренировке.

– Зайди к доктору Клеменсу.

– Благодарю, у нас в Корпусе есть к кому по этому поводу обратиться.

– У меня на тебя большие планы, Вебер, я пытаюсь протащить тебя на майора, думаешь, это легко, учитывая, что тебе двадцать три года?

– Господин генерал, это большая честь для меня.

– Вебер, я вижу, что у тебя там не всё хорошо, переходи ко мне. Дам квартиру, женишься, и карьере твоей обзавидуются сам Бонапарт. Ты не можешь сказать, что я к тебе плохо отношусь, я тебе добавил жалование, тебя ценят курсанты, уважают коллеги, что тебе еще нужно?

– Мне дорого ваше доверие, господин генерал, я работаю с полной отдачей. Если мне прикажут перевестись к вам, я сделаю это с удовольствием.

– Другой разговор. У Аланда полно хороших офицеров, а у меня, – он подошел поближе и шепнул Веберу, изображая ужас на лице, то есть шутя, – ни одного! Пусть Аланд всеми ему известными способами приведет тебя в порядок. Ты получил жалование?

– Оно поступает на счет, я не получаю жалование в руки, мне не нужны деньги.

– Вебер, – Гаусгоффер отечески взял Вебера за плечи. – Не могут парню в двадцать три года не нужны быть деньги. Девушку в ресторан пригласить, нужны? Цветы, безделушки, что ты мне рассказываешь. Ты что, больной?

– Нет, мне некогда этим заниматься.

– Вебер, офицер – не монашеская профессия, офицеру должно быть, кого защищать, перед кем хочется пройтись генералом. Жениться тебе надо, и всем твоим странным болезням наступит конец. Я к тебе привязался, словно ты мне родной сын. Это всё от твоего одиночества.

Гаусгоффер достал бумажник, протянул Веберу несколько крупных ассигнаций.

– Я оформлю это как официальное вознаграждение за образцовую службу, деньги у мужчины должны быть, это дает свободу.

Вебер опустил взгляд.

– Господин генерал, не нужно, я не заслужил такого отношения.

– Вебер, твоя беда в том, что ты цены себе не знаешь.

Вебер отвык, оказывается, от теплых, доверительных интонаций и слов, разволновался, сердце предательски набирало обороты, разгоняясь до вчерашнего тумана в глазах. Не хватало упасть.

Гаусгоффер положил деньги в нагрудный карман Вебера и повел, обнимая за плечи, к дверям, а потом и по коридору. Салютовали Гаусгофферу, Вебер шел рядом, быстро бледнеющей тенью, и всё-таки был вынужден остановиться.

– Господин генерал, можно я постою?

– Плохо? До чего ты довёл себя?

Вебер облокотился о подоконник, опуская голову. Абель вчера ударил его в грудь – сильно и резко, но сердечное трепетание прекратилось. До машины бы дойти, сам бы себе вре-

зал. Вебер пытался успокоить сердце ровным дыханием, ничего не получалось. Что он вчера с собой натворил?

– Вебер, идем к Клеменсу, или я его вызову сюда.

– Господин генерал, не придавайте значения, голова закружилась, сейчас пройдет.

– Мне не нравится то, что с тобой сегодня творится.

Вебер, чувствуя всю тяжесть своего тела, повалился на пол. Очнулся он в кабинете Клеменса, тот смотрел с тревогой, Гаусгоффер, нервничая, расхаживал рядом и, едва Вебер открыл глаза, немедленно сел рядом.

– Вебер, у тебя сердце остановилось, ты понимаешь? Я Аланду голову оторву, что он с тобой делает?!

– При чем тут Аланд?

Вебер сел, несмотря на то, что Гаусгоффер пытался его удержать.

– Что за шрамы у тебя по всему телу? Что за дыры на сердце? Что с тобой там делают?

Вебер удивленно смотрел на Гаусгоффера.

– Господин генерал, меня взяли в Корпус разбитым куском мяса и собрали по частям, меня вылечил Аланд, это старые шрамы.

– Да, господин генерал, – подтвердил Клеменс, – это старые рубцы, хоть и не понимаю, Вебер, как тебя могли собрать после этого, хватило бы на десяток надежных трупов.

– Я быстро восстанавливаюсь, завтра...

– Никакого завтра, Вебер. Ты не понимаешь, что ты только что был мертв?

– Думаю, обморок.

Вебер прислушался к себе, опять частило, но сносно.

– Лежи, пусть кто-нибудь из ваших придет тебя заберет, я позвоню Аланду.

– Вебер, тебе бы, и правда, сейчас за руль не садиться, – сказал Клеменс.

– Я аккуратно, сюда же я приехал и три часа читал лекции, все было в порядке.

Веберу удалось уйти, он отъехал, но в Корпус возвращаться не хотелось. Остановил машину у незнакомого парка, положил голову на руль, тело казалось чужим и онемевшим. Натворил он дел. Сейчас Гаусгоффер сцепится с Аландом, потом вообще хоть на глаза никому не показывайся. Аланд бы не пустил его сегодня, это понятно, раз уж он даже разминку ему заменил на восстановительную гимнастику, наверное, Вебер на ней и продержался четыре часа.

Если бы у него был угол, куда можно от всех забиться, сейчас он бы так и сделал. Неделю бы отлежался, восстановился, пока не занервничал, всё было хорошо, а теперь он обречен только и делать, что нервничать, он никому не может смотреть в глаза, барахтается, как в тря-сине, и чем больше пытается выбраться, тем глубже его затягивает. Замереть и не шевелиться.

Гаусгоффер – добрый старик, что ему за дело до Вебера? Лучше бы ему не было дела, сердце готово и ему служить верой и правдой за одно доброе слово. У Гаусгоффера иллюзии насчет Вебера, а в Корпусе насчет Вебера иллюзий нет ни у кого, главное, и у него самого их не осталось. Если он не последнее ничтожество, нужно вернуться в Корпус, принять всё, что ему по заслугам полагается, и остановиться, пока он еще чего-нибудь не натворил. Даже мысли выводят его из равновесия, дыхание забирает от беспричинного страха.

Сейчас он вернется в Корпус, только немного походит, подышит и настроится на разрешение ситуации. Вебер вышел из машины, увидел в парке скамейку. Интересно, этот парк принадлежит частному дому или дом сам по себе, а парк сам по себе? Вебер облокотился о машину, опустил голову, стараясь справиться с туманом в глазах.

– Вам плохо? – Вебер услышал возле себя голос.

Обернулся, и тело его само выпрямилось, словно он сделался выше ростом. Рядом с ним стояла девушка, смотрела на него с искренним испугом. Вебер смотрел в ее глаза под бархатными, чуть поломанными в середине, линиями бровей. Удивительные глаза. Удивительное

лицо. Удивительная близость этого удивительного лица. Разве он что-то мог ей ответить? Но и отвести взор от неё он тоже не мог. Она смутилась, отвернулась, отошла.

– Коля! Ему плохо.

К Веберу подошел человек с веселыми карими глазами, лицо обрамляет борода, мягкая, чуть выючаяся, воздушная. Глаза хорошие, умные. Только из-за него отодвинулась на второй план она. Вебер затосковал, стоило ей отступить. Словно он знал уже её тонкую кожу наощупь, знал пьянящий аромат волос этого существа. Вебер уронил руки.

– Вам плохо? – вопрос повторился.

Кареглазому лет тридцать, не больше, наверное, это его жена, а это их дом. Они вернулись домой, а у дома непонятно чья машина, и на машине висит черт знает кто унылого вида.

– Вам нужна помощь? У нас в доме есть телефон, можно вызвать врача.

Просто поразительно, первое, что приходит людям в голову, едва они видят Вебера, это вызвать врача. Аланд давно должен был его выгнать, удивляться только его терпению.

– Извините, я остановился не на месте, – сказал Вебер, открыл дверцу машины и снова оглянулся на девушку. Странное чувство, что он знает ее, он никогда ее не видел и видеть не мог.

– Извините, – повторил он, садясь в машину.

– Вы уронили, – мужчина подал Веберу его папку с лекциями, заботливо отряхивая ее. Папка развязана, листы посыпались, наверное, лежала за спиной, уронил, когда выходил из машины.

– Что это? Вы математик? Как интересно. Можно взглянуть?

«Взгляните, а я пока посмотрю в глаза вашей жене, и мне будет, что вспомнить, когда трясина сомкнется надо мной окончательно».

– Я работаю инженером, но люблю теоретическую, не прикладную математику. Как интересно! Николай Адлер, – говорящий подал Веберу руку, Вебер пожал ее.

– Рудольф Вебер.

– Вы торопитесь?

Надо было сказать «да», а он сказал «нет».

– Может, зайдете к нам? Очень, очень хорошо изложено, как интересно!

Надо было сказать «нет», а он сказал «да».

– Анечка, ты только посмотри, как это красиво доказано! Рудольф, чьи это лекции?

– Мои.

– Ты читаешь лекции? Сколько ж тебе лет? Ничего, что я на ты?

– Мне это приятно, я первый год преподаю в Военной академии математику.

– Тебя Бог послал, я так люблю математику, а поговорить об этом не с кем. Мало кто действительно её любит!

«И я ее больше не люблю, я люблю твою жену».

Она, как крохотный, драгоценный зверек, будто ее спугнули, отступила за спину мужа и смотрит на Вебера с недоумением, он заставляет себя не смотреть на нее, но взгляд сам возвращается к ней.

Вебер провел у них дома, наверное, около часу. Сердце как будто вышагивало на цыпочках – осторожно и деликатно. Николай достал свои записи, Вебер, как епитимью, принимал их, просматривал, что-то прорешивал иначе. Улыбнулся попыткам Адлера доказать теорему, которую недавно доказал Карл. Рассказал про Карла, привел его доказательство, Адлер от волнения бродил по комнате, просил «привезти с собой господина Клемперера», и восхищался провидением, заставившим Вебера именно у их дома остановиться. Он благодарил сердечность жены, если бы ей не бросилась в глаза странная поза человека у машины, Адлер бы прошагал мимо своего счастья.

«А я бы проехал мимо своего».

Уходя, Вебер осмелился поцеловать протянутую ему для прощания руку Анечки. Как хотелось замереть, лицом зарываясь в ее строго прибранных волосах. Если их распустить, если обе ладони утопить в них, в этот омут бы провалиться.

– Ты приедешь завтра, Рудольф? – Николай с чувством пожимал Веберу руку.

Надо было ответить «нет», а он сказал «да».

– Приезжай с твоими замечательными друзьями!

– Они очень заняты, но, если вы дадите мне свое доказательство, думаю, их это может заинтересовать.

Вебер смотрел на ослепительно сверкавший рояль, это ее рояль, у нее руки человека, играющего на фортепиано, у нее руки, которые он никогда не должен выпускать из своих. Это катастрофа, но Аланд не удивится, он знает, что Вебер такой, а он сам этого не знал. Он думал, что это плохо, а на самом деле, в его сознании загорелось солнце такой ослепительной яркости, какого не было никогда, что с этим делать – не ясно, не важно, главное, что жизнь обрела новый смысл.

Вебер не замечал, что так и держит ее запястье в своих руках.

Николай умчался за доказательством, Вебер все-таки приблизил лицо к её волосам и вдохнул их аромат.

– Что с вами? – она смутилась совсем.

– Наверное, я в вас влюбился, – ответил Вебер тихо, оставляя за ней выбор – услышать то, что он сказал, или нет.

Она, переспросила: «Что?», покраснела, значит, услышала.

– Очень хочу послушать, как вы играете на рояле, – повторил Вебер то же самое, но иначе, и поэтому громче, это уже слышал и Николай.

– Анечка великолепная пианистка!

Теперь в Корпус или на единоборства в академию? По времени успевает. С ним теперь никогда ничего не случится, потому что для него сегодня вспыхнуло новое солнце.

Интересно, что к Гаусгофферу на замену Веберу Аланд прислал Гейнца. Занятие еще не началось, курсанты собрались в зале, минут пять у них есть. Гейнца явно оторвали от важных дел, Вебер подошел к нему.

– Гейнц, я в порядке, ты можешь возвращаться.

Гейнц посмотрел на Вебера так, словно не узнал его.

– Откуда ты взялся?

– Это вопрос концептуальный, как выражается доктор Абель, чтобы я вот так сходу тебе на него ответил – и это бы не выглядело пошло.

Гейнц улыбнулся.

– Слушай, раз я приехал, то я останусь, может, и пригжусь.

– Сейчас ты меня повалиешь, чтобы они знали, кто к ним приехал, и перестали считать меня корифеем.

– Твой авторитет не пострадает?

– Мы будем красиво драться, сам с собой не подерешься.

Гейнц засмеялся.

– Тебя расколдовали? Сегодня в небо ящик ракет выпущу! Быстро переодевайся, труп несчастный, Гаусгоффер все слезы выплакал, как ты умер.

– Хорошо, если бы он пришел с Клеменсом.

– А это еще кто?

– Местный Парацельс.

– Иди, пока ты переодеваешься, я с твоей малышкой познакомлюсь.

– Они все старше меня, Гейнц, и некоторые, думаю, старше тебя.

– Пенсионеры? Инвалиды войн? Участники походов Македонского?

Вебер кивнул и, на ходу глухо скомандовав: «Становись!», скрылся в своей комнате, а перед курсантами предстал Гейнц Хорн.

Вебер переодевался и слушал голос Гейнца, в такую риторику Гейнц мог пуститься, только пребывая в очень хорошем расположении духа. Он толковал курсантам, что боевое искусство востока учит человека не просто наносить удары, это именно и прежде всего искусство. И как любое искусство, оно подчиняется законам полной концентрации человека на своем высшем начале и законам благородства и красоты. Человек, вступивший в смертельную схватку со злом, основной предмет осмысления и любования в искусстве, но и в смертельном поединке следует оставаться человеком, помнить, что ты дитя Бога, а не сатаны. Бой, который мы изучаем, это не корчи дьявола, не агония таракана, не конвульсии припадочного, а грация и отточенность совершенных, рациональных, концентрированных посылов своей внутренней энергии для расщепления энергий враждебных.

Вебер улыбался, до теории он никогда не доходил, ему бы и в голову такое не пришло: учил стойкам, движениям, дыханию, расслаблению и мгновенной концентрации энергии в нужном участке тела. Курсанты слушали Аполлона Бельведерского в кимоно самозабвенно, и так же смотрели на него. В дверях уже пристроился Гаусгоффер, у него за спиной стояла еще небольшая группа офицеров. Появления Вебера Гаусгоффер никак не ожидал, глаза его округлились, он едва не бросился к Веберу. Гейнц приглашающим жестом уже принимал Вебера в соучастники представления.

– Раз уж обстоятельства сложились так, что вместо замены я оказался на одном ковре со своим учеником, который семь лет изучает боевые искусства, было бы странно упустить возможность и не продемонстрировать вам, как примерно это должно смотреться. Поэтому мы начнем с показательного боя, а потом приступим к необходимой для сосредоточения медитации и разминке.

– Вебер, ты не здоров! – вставил всё-таки Гаусгоффер.

– Вебер это птичка феникс, господин генерал, умирать – одна из его вредных привычек, с нею лучше навсегда примириться, – успокоил Гаусгоффера Гейнц. – Он умирает и воскресает одинаково легко, и миг кончины изменяет его к лучшему.

Гейнц это сказал так серьезно, что Вебер рассмеялся на сбитое с толку лицо Гаусгоффера. Вебер испытывал невероятный подъем, никогда еще ему так не хотелось сойтись с Гейнцем в настоящей показательной схватке, и он чувствовал все возрастающее удивление Гейнца. Щадящие удары Гейнца все больше уступали место настоящим, он не покровительствует, начинается настоящее сражение. Конечно, Гейнц возьмет верх, так и должно быть, он учитель, но и Гейнц улыбается, он доволен Вебером, он не делает решающего выпада, не стремится уложить Вебера одним ударом, ему интересно. Гейнц не стал повергать Вебера на ковер, остановил поединок.

– Дело в нашем случае не в победе, поскольку никаких целей, кроме демонстрации самого боя, мы не преследовали.

Зааплодировали офицеры, курсанты бурно выражали свой восторг. Гейнц наклонился к Веберу и шепнул:

– Фенрих, я не знаю, какой белены ты объелся, но ты молодец. Я скажу сегодня Аланду, что тебя пора всерьез тренировать. У тебя все в порядке?

– Да.

– Походи, подыши, потом поработаем вместе, зал большой, а пока я их посажу и разомну. Чтобы в Корпусе перед Аландом так же дрался или еще лучше, я вижу, что это был не предел. Не предел?

– Не предел.

– Гаусгоффер за тебя переживает, как наседка над золотым яйцом. Удивительно, как ты здесь преображаешься, Аланд прав, самое тебе тут и место.

– ...Господа курсанты, а теперь примем позу лотоса, – возвестил Гейнц, приступая к занятию. – Лотос всегда предпочтительнее, он позволяет энергии циркулировать в оптимальном режиме. Сели, а я посмотрю, на что у кого это смахивает. Ясно, на лотос практически ни у кого. Показываю. Ваши лотосы не должны торчать, как покореженные поганки из-под коряги. Это цветок Абсолютной Красоты. Спина – это стержень, стебель, потянувшийся к Небесам. Развернутые стопы, господа, улыбаются Небу и Господу, а не подмигивают господину Гаусгофферу, любезно заглянувшему в дверь на вас посмотреть. Колени – подставка, они лежат на земле. Если ваша подставка сама никак не определится с местоположением, то я бы не рискнул на нее опереться. Стержни ваши тоже вызывают сочувствие, как будто кто-то много раз сломал их и склеил, они торчат неестественными изгибами, дугами, хоть высчитывай углы кривизны и присваивай их каждому вместо имени. Представьте, что вас взяли за волосы и потянули вверх, а колени вросли намертво в землю. А теперь – что касается рук...

Про руки Вебер не стал дослушивать, понимая, о руках Гейнц выразится еще более художественно, и едва он вышел в коридор, в зале стены дрогнули от хохота.

– Хорн ваш тоже хорош, – сказал Гаусгоффер. – Ты не рискуешь, Рудольф?

– Нет, господин генерал, мне стало совсем хорошо, и я не хотел симулировать.

– Ну, уж как ты симулировал, я видел. Пойду послушаю вашего Гейнца, веселый парень. Где вас Аланд таких насобирал?

– Я тоже послушаю, я вышел, только чтобы объяснить Вам своё присутствие.

Когда они вернулись, Гейнц пытался усадить курсантов в правильную позу лотоса.

– Ну, дорогие мои, – говорил он, ходя от одного к другому, поправляя то, что сразу же ломалось и разваливалось, едва он отводил руку, – совсем доступно объясняю. Вообразите, что поза лотоса – это лично ваш фаллический символ, что символизирует ваша спина, кривая и сморщенная, и главное, из чего она вырастает? У вас там куча навоза, господа, это совсем не так в природе, наверное, у вас самих это все-таки не так. Создайте подобие симметрии в сложенных ногах и поднимитесь, господа, примите положение готового к атаке самца, а не столетнего импотента.

Курсанты хохотали и продолжали сражаться со своими суставами, пытались распрямиться, хоть боль гнула и искривляла их спины.

– Весёлый у тебя наставник, Вебер. похабник чертов.

– Гейнц целомудренный и чистый человек, он сбивается на похабщину, только впадая в отчаянье.

– Значит, отчаянье его велико.

Гейнц подошел к ним и развел руками.

– Безнадёжно, – сказал он. – Если, господин генерал, вы хотите, чтобы они у вас хотя бы через четыре года дрались, их тренировать надо круглосуточно и самыми иезуитскими способами, это же колоды какие-то. Если они, подпрыгнув, оторвутся на десять сантиметров от пола, я буду аплодировать, их надо по шесть часов в день гонять, с дыханием, растяжкой, что при вашем расписании вряд ли возможно.

– Приезжай, Хорн, с тобою весело.

– А мне не очень. Хорошо, пойду подниму этих криволапых. Встаем, кто еще может это сделать, на две ноги, господа. Да, распутывайте то, что у вас вместо них оказалось, походите, потрясите ногами. Становись. Проводи разминку, Вебер, я посмотрю, что они могут, а то плохо с сердцем сейчас станет мне.

Глава 27. Наперекор

То, что в Корпус они вернулись с Гейнцем, помогало Веберу изображать веселье и беззаботность. Его счастье теперь нужно как-то надёжно скрыть ото всех, вопрос, как это скрыть

от Аланда. Конечно, если Аланд сошлет его к Гаусгофферу, то, что «то» Вебер не знал. Она замужем, и муж ее хороший человек, похоже, они любят друг друга. Ей двадцать-двадцать один, замужем недавно. Оба русские, он в Германии давно, папа, профессор математики, умер три года назад, дома ему одному стало скучно, нашел потерянную, одинокую в чужой стране девочку, которой такой добродетельный, умный, серьезный мужчина показался идеальным мужем. Может быть, он и идеальный, но Вебер её никому не отдаст, хоть рой таких и еще идеальнее её охраняй. Пока надо постараться все скрыть, и надо её хоть иногда видеть, если бы он знал, как. Под каким предлогом он может там появиться? И не выгонит ли она его, появившись он еще раз? Он выдал себя сразу и с головой.

Анечка, это его новая молитва, это новая формула его существования. Главное, выдерживать встречу с Аландом. Куда бы девать свои мысли и чувства? Разгон за своеволие с медитацией он примет с радостью, и то, что Гейнц завелся с академией и с сегодняшним удачным боем Вебера, хорошо.

Первый раз в жизни Веберу так хочется любой ценой Аланда обмануть, ему нужно, чтобы никто этой его скрытой волшебной струны не касался. Он не знает, что будет, тем более, это надо выносить в себе, – сейчас его потрясение огромно и беззащитно. Может, он и отступник, он готов покинуть Корпус, он не хочет этого, но если вопрос стоит: она или Корпус – то, конечно, она. Он не стал бы разделять эти две святыни, но если Аланд уверен, что это несовместимо, то кто его, Вебера, спросит.

Аланд, как поджидал их, попался прямо у гаража. Гейнц сразу подлетел к нему и стал выдавать свои впечатления о расхлябанном воинстве Гаусгоффера. Аланд его вроде бы слушал, но на Вебера смотрел неотступно, пристально и уходить не собирался.

– Иди-ка сюда, Вебер, – сказал он тихо.

Даже Гейнц смолк от этой ничего хорошего не предвещавшей интонации.

– Я тоже хочу посмотреть и послушать, – сразу сообщил Гейнц.

– На что, Гейнц? – уточнил Аланд.

– На то, как вы его будете распекать, мне надо опыта набираться, если у Гаусгоффера придется работать.

– Не придется, Гейнц. Иди, спасибо.

Гейнц вздохнул, сообщил Аланду о фантастических успехах Вебера сегодня на поединке, о том, что Вебера пора серьезно учить, и только после этого ушел.

Вебер подошел к Аланду, глядя в землю, он старался думать о чем угодно, только не о ней, пытался мысленно покаяться за свою медитацию, как за главный грех, но выходило, что ни о чем он не мог нарочно подумать, он видел и чувствовал только ее: ее запястье, ее глаза, перемены в выражении ее лица.

Аланд стоял перед ним и молчал.

– Что, Вебер? – наконец, спросил он. Вебер посмотрел на него, пытаясь понять, что он имеет в виду? Понял, что не медитацию и снова опустил глаза.

– Будешь молчать?

– Что я могу вам ответить?

– Ну, хоть что-нибудь. Я послушаю.

– Господин генерал, – пробовал сыграть в дурака Вебер, – я не собирался вчера садиться в медитацию, думал, сам справлюсь с жаром, о котором беспокоился Фердинанд.

– Про медитацию потом поговорим, это особый разговор. Ты прекрасно понимаешь, о чем я спрашиваю, точнее, о ком.

– Господин генерал, я случайно оказался у их дома. Николай интересный математик, вот, я привез посмотреть вам, Карлу, Вильгельму его доказательство, у него интересный ход мыслей. Он очень приглашал к себе в гости, ему не с кем обсудить те математические проблемы, над которыми он размышляет.

– Твоя любовь к математике, Вебер, меня не интересует в данный момент, и твоя глубочайшая симпатия к Николаю Адлеру у меня вызывает сомнения и не настолько любопытна, как твои наполеоновские планы относительно его жены, фрау Анны. Я понятно задал и сузил параметры продолжения нашей беседы?

– Господин генерал, да, она мне понравилась, но это ничего не значит, я её видел один раз, мы с ней даже не говорили.

– Конечно, ты признался ей в любви, а говорить тут уже вроде как и не о чем.

– Господин генерал, я не могу говорить об этом, я сам ничего не понимаю, я ничего преступного не совершал.

– Вебер, я могу сразу взять тебя за шиворот и запустить тобой, как мячом, метров на пятьдесят, не лги мне. О чем ты только что думал? Тебе процитировать?

– Не надо, лучше просто вышвырните.

– Вот именно, что ты быстро и четко определился, а мне стоишь заливаешь. Рано, пока ты сам за себя не отвечаешь. Помнишь, что я тебе говорил, когда ты так просил Посвящения, и что ты мне обещал?

– Помню. Но что мне делать, если и она и корпус для меня одинаково важны?

– Ты знаешь, что обещания нужно не только давать, но и выполнять?

– Что мне делать, господин генерал?

– Не изворачивайся, Вебер. Ты в шестнадцать лет не захотел блеять бараном, а сейчас ты завертелся, как угорь на сковородке, я пока промолчу, даю тебе время подумать.

Вебер заставил себя смотреть Аланду в глаза, лицо Аланд делал строгое, но в глубине его глаз было что-то еще, и оно куда важнее, понять бы что.

– Ты хочешь уйти из Корпуса – и время на размышление тебе не нужно? Я тебя правильно понимаю?

– Нет, я не хочу уйти из Корпуса, но я не могу от нее отказаться, я знаю, что этого я не смогу, и я не хочу вам лгать и изворачиваться. Я не знал, что так может быть, я сам потрясен этой правдой. Что делать – я не знаю. Может, вы знаете лучше меня? Объясните. Сказать, что я от нее откажусь, так это и будут только слова.

Аланд долго смотрел в глаза, и Вебер смотрел ему в глаза, без бунта, без дерзости, он хотел прочесть ответ в глазах Аланда.

– Как самочувствие? – перевел вдруг разговор Аланд и отвернулся, словно у него что-то внезапно заболело. – То, что произошло с тобой в медитации, Вебер, не хорошо, это будет иметь последствия. Ты будешь долго рассчитывать за этот каприз. Это не несчастный случай, ты не стал бороться со своими слабостями, и тебе удвоят, утроят, утяжелят в десятки раз те испытания, которые ты счел по малодушию непосильными. Ты будешь биться, пока не преодолеешь то, что мешает тебе двигаться дальше, иначе пути не будет.

– Чувствую я себя нормально, провел класс единоборств, все хорошо.

– Не влезь ты последний раз в медитации, куда не надо, Вебер, я бы, может, на многое закрыл глаза. Но ты долго будешь залечивать раны, что неминуемо повлечет за собой очень нелегкие проблемы выбора для тебя. Болячки не физического плана не лечатся препаратами, я не могу сейчас никак ни оправдать, ни принять твои матримониальные намеренья, я не могу их считать ответственным поступком. Ты не прошел первую полосу препятствий, ты не можешь отвечать даже за себя. Я не хочу твоей гибели, и готов тебе помочь, но ты не принимаешь помощи, потому делай, как сочтешь нужным. Только подумай о том, что разрушить ее семью ты по глупости можешь, а вот сможешь ли ты предложить ей что-то взамен? Назвать женщину своей – это принять за неё ответственность. Ты можешь обещать ей счастливую долгую жизнь с тобой? Что будет с ней, если ты вторгнешься в ее судьбу, поломаешь то, что у нее есть, и твое сердце остановится из-за самонадеянной глупости, которую ты уже совершил? Я бы не стал пока тебе доверять, твои мысли ненадежны, поступки спонтанны, ты идешь у эмоций на

поводу, на тебя нельзя опереться. Подумай, Вебер, любишь ли ты ее, если ты готов предложить ей как судьбу себя. Не та же ли это смертельная самонадеянность, опасная не только для тебя, но и для нее? Для нее брак – это очень серьезно, а ты вообще не понимаешь, что это такое.

Аланд пошел к себе. Сердце опять задрожало, Вебер переступил пару раз, сел на землю и потерял сознание. Аланд вернулся, опустил ему руку на грудь, молчание в груди Вебера отозвалось мягким скользящим ритмом сердца. Аланд подождал, пока пульс выровняется, и пошел к себе. Вебер видел удаляющуюся фигуру Аланда. «Ему всё равно». То, что в его жизни была не только эта удаляющаяся спина, но были и прекрасные дорогие глаза, это было новым в его сознании, и в этом было спасение.

Вебер сидел на земле, смотрел на снежную пыль, игриво стелющуюся по плацу, губы его сами собой чему-то отвечали улыбкой. Надо было встать, идти к себе, но воля его разбита хуже тела, он не мог шелохнуться от нежелания это делать, и это тоже было новым.

Вернуться к себе – неминуемо оказаться перед необходимостью объясняться с Гейнцем. После разговора с Аландом миновать этого не удастся, что отвечать Гейнцу? Сказать, как есть? Он не сможет понять, с ним такого не случилось. Он от природы наделен великим даром постоянства и цельности, его миновало это счастье, за которое плата меньше, чем жизнь, не принимается. О любви здесь никто не думает, за нее не сражаются. Абель когда-то от любви отказался, и больше вопрос для него не встает. Аланд прав, он предупреждал, настойчиво предупреждал. Но если бы не вывалилась эта папка с лекциями, если бы он не читал лекций, а он бы не читал их, не окажись он в Корпусе, не было бы и сегодняшней встречи. Она бы не закончилась приходом в их дом, почти двухчасовым блаженством её присутствия. Получается, что и математика была только шагом к ней.

Вебер поймал подлетевшую снежную змейку, посмотрел, как снежная пыль превратилась на ладони в несколько еле заметных капель. Он улыбался и повторял свою новую молитву – её имя. Разве ему что-то надо от нее? Пусть тысячу раз она счастлива в своем браке. Разве он посмеет потревожить ее? Она появилась, и нельзя сделать так, чтобы этого не было, он даже мысленно не скажет, что он не хочет, чтобы то, что случилось, – случилось. Он сидит и не хочет подниматься с земли, пусть все идущие мимо хоть пнут его, его нет, он исчез, от него осталось ее имя и его поклонение этому имени.

Вебер вспомнил, что в гараже не было машины Абеля и машины Коха, машины у них одинаковые. К воротам кто-то подъехал и вот-вот пройдет мимо него, все равно он не встанет. Он не предатель, он как всегда не может ничего объяснить. Вроде бы ничего не случилось, но Аланд знает, что случилось. Несколько часов назад он не знал о ней ничего, один миг – и все в его жизни стало иначе.

Рядом с Вебером остановился Кох.

– Рудольф, почему ты сидишь на плацу?

Он пристально изучает лицо Вебера, как хорошо, что подошел именно он, вечно молчаливый, он один никогда не вторгался ни в чью жизнь. Он не поучает, не насмешничает, он молча приходит на помощь, всегда мимоходом, и исчезает, пока не дошло до благодарностей. Его хочется благодарить за его неслыханную деликатность, за то, что глаза его так похожи на глаза Аланда. На него глядя можно думать, что это Аланд тебя простил. Вот что за выражение было на дне глаз Аланда, Кох ответил на этот вопрос, но не ответил, как это может быть?

– Рудольф, что у тебя стряслось? Аланд здесь, ты не дошел? Куда тебя отвести?

– Я тут посижу.

– Холодно, у тебя вчера был жар. Поднимайся. Мне тебя к себе отвести?

– К себе – это к тебе или ко мне?

– Хочешь, идем ко мне, я буду рад такому сумеречному гостю.

Ранние декабрьские сумерки, действительно, давно ступились.

– Вильгельм, я посижу и уйду, вы не будете об меня в темноте спотыкаться.

Кох поддел руку Вебера и поднял его.

– Извини, я позволю себе забрать тебя.

Вебер покорился, чувствуя, что от того, что Кох его не оставил, ему стало легче. Кох вел его, все так же улыбаясь и что-то считывая с лица Вебера.

– У меня через пятнадцать минут отчет у Аланда, посидишь немного один?

Вебер благодарно смотрел на Коха, единственное, что хотелось сейчас – это побыть одному.

– Так что за беда у тебя случилась? – Кох не отпуская внимание Вебера.

В комнате Коха Вебер бывал редко и не дальше дверей. Море книг, это книги Коха.

– Ты все это читал?

– Я держу то, что читаю или иногда хочется перечитать и то, требуется для работы.

Так и хочется спросить, над чем работает Кох. Официально его вопрос звучит как Время, но, кажется, это ширма, как и вопрос Вебера. Никто не знает, что на самом деле это Бессмертие, а не какие-то там Трансцендентные Небеса, которые его и убили.

Море книг – математика, астрономия, море оккультных трактатов, философы – от древности до наших дней, ряды поэтов, книги на разных языках. Считается, что Кох знает только английский, немного итальянский и латынь, а тут такие языки, что Вебер и определить не может. Полки с теорией музыки, полки клавиров, тома опер, тома фортепианной музыки – и флейта. Кох играет на флейте? Никогда не слышал. Но флейта лежит в раскрытом футляре, пылью не покрыта. Здесь пыли нет.

В комнате Коха настоящий концертный рояль. На рояле вариации Генделя, Кох никогда не исполнял их.

– Ты это будешь играть на рождественском концерте?

– Нет.

– А что ты играешь?

– Ничего.

– Почему?

– Потому что его не будет.

– Карл с Гейнцем готовятся вовсю.

– Готовиться полезно даже к тому, чего не будет, потому что то, что не состоится сейчас, состоится иначе и потом.

Вебер улыбнулся, не будет сейчас – будет иначе и потом.

– Что ты стоишь в шинели? У меня не холодно.

Вебер стащил тяжелую шинель.

– Вильгельм, можно я полежу?

Вебер лег, закинув за голову руки, тело благодарно отозвалось теплой волной, а сердце опять затрепыхалось, что ему не так?

– Вильгельм, почему у меня все не как у людей? Вы все столько лет в Корпусе, и все у вас хорошо, никто не влюблялся, ну, Абель давно, и сумел это выбросить из головы. Ни ты, ни Аланд, ни Карл, ни Гейнц.

Кох улыбался.

– Ты влюбился, Рудольф?

– Проболтался.

– И слава Богу.

– Что – слава Богу, что проболтался?

– Что влюбился.

Вебер недоверчиво усмехнулся.

– Ты смеешься надо мной?

– Даже не собирался. Когда ты успел?

- Вильгельм, меня Аланд из Корпуса выгоняет.
- Это он тебе сказал?
- Да, обещал зашвырнуть – метров на пятьдесят от ворот.
- Думаю, ты пытался ему соврать, за любовь бы не вышвырнул. И где ты ее нашел?
- Случайно встретил.
- Всё сложилось?
- Ничего не сложилось, Вильгельм, я ее один раз видел.
- Тогда, может, тебе показалось?
- Не показалось, и Аланд сразу понял, что не показалось, потому и напомнил, что ворота близко, если я не откажусь, а я не могу отказаться.
- Она тоже проявила симпатию?
- Какую симпатию, Вильгельм? У нее муж, такой хороший, и тоже, как вы, математик.
- Так она еще и замужем? Интересно. Ты собираешься ее отбить?
- Ничего я не собираюсь, Аланд сказал, что я безответственная скотина, поломаю ей жизнь и подохну. И с чем она останется? Этому сложно возразить.
- Аланд не мог такого тебе сказать.
- Сказал, Вильгельм. Я вчера доигрался со своей медитацией, сегодня уже дважды подход. Раз доктор Клеменс в академии откачал, раз сам тут на плацу воскрес. Аланд ушел – и не обернулся даже.
- Ничего не понимаю, что значит – доигрался в медитации, что за дважды подход? Вчера что-то случилось? Я слышал, Фердинанд говорил про твой жар, и я ушел. Отвечай внятно, что произошло?
- Вильгельм, Аланд мне запретил вчера, а я полез, сбили меня – прямо по сердцу. Теперь оно то трепещет, то останавливается, когда захочет. Меня вчера предупредили все: и Аланд, и Абель, и даже в там мне давали возможность убраться, я не захотел, я хотел, чтобы меня убило. А сегодня я встретил её. Аланд сказал, что глаза бы закрыл на мои любовные подвиги, но после вчерашнего у меня нет такого права, я сам себе создал проблемы – и не надо их перекладывать на нее.
- Расстегни китель, покажи грудь.
- Два маленьких пятнышка, ничего интересного. Вчера я не хотел жить, а сегодня могу хотеть сколько угодно.
- Покажи.
- Вебер показал отметины на груди, Кох покачал головой.
- Да, Вебер, наворотил ты дел. Что ж тебе вчера так жить разонравилось?
- Мне давно разонравилось. С тех пор как Фердинанд меня выставил дураком – ни Карл, ни Гейнц простить мне не могут. То есть, конечно, они как бы не сердятся на меня, но в класс единоборств я в последнее время старался не приходить. Они меня так и зовут мэтром единоборств, конечно, им смешно, что такой соплик, как я, преподает в академии. А что я могу сделать? Я не просился, сто лет она была мне не нужна – эта академия, меня никто не спрашивал. Гейнц сколько лет тренируется, и сейчас он не торчит в академии, как я, целыми днями. Из классов музыки меня выгнали – говорят, устал, переутомился, иди поспи. Абель и Аланд так решили. Отовсюду меня вытолкали, Вильгельм. Я терпел, но вчера словно что-то сломалось. Гейнц пришел, а я чувствую, что больше не могу, не хочу все это слушать, не могу делать вид, будто мне все равно. Мне так стало плохо, сам бы себя разорвал. Я и решил – не стреляться же, пусть там меня и прикончат быстро и надежно, и вроде как не самоубийство.
- Это хуже самоубийства, Вебер, и расхлебывать тебе долго, но придется. Сейчас Фердинанд приедет, я спрошу у него, что они решили.
- Ты что, Вильгельм? Если они узнают, что я тебе жаловался... Ты к Аланду не опоздаешь?

– С Аландом мы договоримся. Плохо, что я выпал из ситуации. С виду у тебя все было хорошо, сказал бы мне, я бы Карла с Гейнцем давно на место поставил. Зачем ты терпел?

– Если бы я не знал, что они правы...

– В чем?

– В том, что не мне преподавать. Гейнца Аланд сегодня прислал, после того как Гаусгоффер позвонил и сказал, что у меня была остановка сердца, Гейнец так хорошо вел занятие. Вильгельм, я не могу без Корпуса, я ждал, что все успокоится, но ничего не меняется, я устал сидеть, как прокаженный в своем лепрозории. Видеть не могу свою комнату, боюсь – когда ко мне кто-то подходит, чувствую, что я улыбку приклеиваю, мне врут, и я вру. Когда из класса музыки выставили, у себя сидел играл, потом чувствую, что не могу, чем больше я пытаюсь делать вид, что это можно терпеть, тем меня глубже затягивает в омут, мне не выбраться, Вильгельм, пойми, я пытался, но вижу, что это ни к чему не приводит. Аланд посмотрел, как я завалился, и дальше пошел, это о многом говорит.

– Он вернулся, привел тебя в чувство, потом ушел.

– Ты не можешь этого знать.

– Я Аланда знаю, и знаю, как он к тебе относится.

– Когда я очнулся, он у крыльца был, я ненадолго выключился.

– Ты этого не знаешь, если ты выключился. Не говори о нём так, он о тебе только и думает, о тебе да о Фердинанде.

– Фердинанд как не в Корпусе, его все время нет.

– У него много работы, никуда он не делся.

– Я его перестал понимать, а ведь он был для меня всё.

– Всё для тебя – ты сам и Аланд, и ни на себя, ни на Аланда – не возводи напраслины.

Аланд тебя больше всех любит.

– Он не может меня любить больше всех, я знаю, кто ему всех дороже.

– И кто?

– Не тяни из меня.

Кох подал Веберу чай, сел рядом.

– Дождешься меня? Я с Аландом должен поговорить.

– Если разрешаешь, я полежу у тебя, здесь никто меня не найдет.

– Ты меня расстроил, Вебер, сердце твое, конечно, восстановится, ты учишься. Трагедии еще даже не начинались, впереди большая игра. Нас мало, чтобы кем-то пожертвовать ради глупостей. Тебе надо, как всем и быстрее всех, раз уж ты позже других родился, набирать, а не разбазаривать. Аланд очень тобой дорожит, ему больно видеть, что ты допускаешь такие просчеты. Фердинанд каким был, таким и остался, но знает и может, больше, чем шесть с половиной лет назад, и он как любил тебя, так и любит. Сколько он сейчас работает, ты не в состоянии даже представить, что бы он тебе ни говорил, смотри ему в рот и запоминай. Думай, почему он это тебе сказал, он ничего не скажет просто так. Он весь Корпус на своих плечах пытается тащить, как исполин.

– Исполин... Он похудел и ледяной, как сын снежной королевы, я боюсь, когда он меня касается, холод от него за версту.

– Зато тебе жарко. Что морщишься? Опять плохо?

– Аланд сказал, что теперь все время так будет, надо привыкать. Иди, Вильгельм, Аланд не любит, когда к нему опаздывают. Наболтал я тебе, чего не следовало, извини.

Вебер смотрел на него и боролся с побежавшим холодом по телу, подумал, что Кох последний, кого он видит.

– Вильгельм, если бы Аланд меня выгнал, а ты случайно встретил бы меня в городе, ты бы не поздоровался со мной?

– Почему?

– Получается, что я предатель.

– Не просто поздоровался, в лоб бы тебе дал и назад привел, потому что ты не предатель, ты расти не хочешь.

Кох вышел.

Почему так важно знать, считает ли Кох его ничтожеством? Не считает, от этого почему-то легче. После его слов не хочется умирать, разум говорит, что так лучше, а душе не хочется. Как Вебер был рад себе, когда склонился к её волосам и почувствовал свою мощь, готовую служить защитой её хрупкости, как эта сила потом ликовала и бушевала в нем, когда он весело сошелся с Гейнцем на поединке, всё в нем было хорошо, и радость жизни была такой полной. И все-таки он умирает куда богаче, чем был еще вчера, потому что у него перед глазами стоит она, его Анечка.

Вебер открыл глаза, он в комнате Вильгельма, рядом Абель, Вильгельма нет. Абель улыбается мимолетно, встревожен не на шутку, но улыбка берет верх. Отворачиваться от Фердинанда не хочется, все кошмары начались с возвращением Абеля, как бы Вильгельм не восхвалял Фердинанда, он не понятен. Ведет себя, как дервиш, – непредсказуемость и эпатаж, и не хватает Веберу никакой мудрости, чтобы его понять. Кошмары кошмарами, а не будь их, вчера бы он не встретил её. Вебер смотрит на Фердинанда, тот уже убирает все в экстренный чемоданчик, он свое дело сделал.

– Сейчас я переведу тебя к себе.

Вебер вчера еще, час назад бы еще сказал, не раздумывая, «нет». Теперь он в любой момент может умереть, он свободен от всех обязательств, и можно представить, что только завтра они пойдут сражаться с Кошмеем. Абель будет бесподобен в своей отчаянной храбрости, а Вебер будет валять дурака и стонать на столе, не чувствуя никакой боли, одним глазом поглядывая за молниями на лице Фердинанда, слушать его голос, про себя хохотать над тем, как он дерзит. Вебер не чувствовал, что улыбается он на самом деле.

– Наломал вчера дров, Вебер, молодец, сказать нечего.

Фердинанд вроде как отчитывает его, но в голосе что-то мягкое, как на дне глаз у Аланда и у Вильгельма.

– За что от Аланда влетело?

Вебер не ответил, пожал плечами.

– Если бы ты только знал, фенрих, как я люблю, когда ты обижаешься на всех, и на меня – особенно.

– Я не обижаюсь.

– Можешь мне не рассказывать. Вот уж что-что, а твой обиженный вид ни с чем не спутаешь, чучело с посмертной маской Франкенштейна.

– Сам чучело.

– Раз уж ты решил осваивать азы бессмертия на практике при помощи регулярных упражнений, учиться будем, как оживать, а еще лучше, как отложить очередную агонию до более благоприятных обстоятельств, если вдруг в данный момент умирать тебе по каким-то причинам неудобно. Сейчас чувствуешь, что сердце еще колотится быстрее, чем это принято у нормальных людей?

– Отстань от меня, тебе бы только полечить кого-нибудь.

– Сейчас я говорю о том, что приступ можно остановить, предотвратить, сядь и делай, что тебе говорят, олух.

Вебер сел, справляясь с головокружением.

– А теперь ты медленно и очень глубоко носом вдыхаешь полную грудь воздуха. Можно начинать. И резко – полный выдох: ртом и носом.

Вебер резко выдохнул, Абель на выдохе зажал ему и нос, и рот ладонью, так что у Вебера заложило уши, но туман стал быстро рассеиваться, и сердце почти сразу начало успокаиваться.

– Лучше?

– Да.

– Сам себе, может, постесняешься рот и нос зажимать, но даже пара резких выдохов иногда помогает. Вульгарно выражаясь, срединный и блуждающий нерв управляют водителем ритма и резким выдохом ты как бы вправляешь их на место. Усвоил?

– Спасибо, доктор Абель.

– Абель... Сразу – Абель.

– Когда это пройдет?

– Когда поумнеешь.

– С мозгами это не связано.

– Твое существование пока вообще с мозгами не связано, отсюда и все проблемы. За что от Аланда влетело?

– Не твое дело.

– Значит, Вильгельму ты сказал, а мне не доверяешь?

– Я не сказал, а проболтался, надеюсь, он промолчит. Ты в последнее время сам не знаешь, кому и что скажешь, потому и нет желания с тобой откровенничать.

– Фенрих, ты злился на Гейнца с Карлом за то, что они никак не простят тебе твоих, в общем-то, самых обыкновенных мыслей о твоём возможном над ними превосходстве. Но ты-то чем от них отличаешься? Я над тобой не пошутил больше ни разу, а ты постоянно вменяешь мне в вину то, что один раз я это сделал. Ты сам такой, как они, ты не хочешь это признать? Я не хочу, чтоб ты с ними сшибся лбами, но пока вы такие – это неизбежно.

– Мне Аланда хватит в качестве наставника, пойду к себе.

– Не стоит, у меня ты ляжешь и проспишь спокойно, пойдешь к себе – сцепишься с Гейнцем, и никто не знает, чем это закончится. Не советую, ты нестабилен, нужно время, чтобы тело успокоилось от потрясения.

– Я пойду к себе, ты же страшно загружен, я сам как-нибудь.

– Ты слабоват для такой ситуации.

– Какой ситуации, Абель?

– Я знаю, что ты встретил свою любовь, потому и спрашиваю, что сказал тебе Аланд.

– Тогда, что сказал Аланд, ты тоже, конечно, знаешь. Мне никто не нужен: ни ты, ни Аланд, сам разберусь, ненавижу я ваше всезнание. Вы хотите забрать у меня даже свободу думать о ней, мне надоело, что вы вмешиваетесь в мою жизнь. Ты можешь это понять?

Вебер встал. Абель смотрел не в глаза, он смотрел на грудь Вебера, где сердце уже начало исполнять бешеный танец.

– Лучше ляг сам.

– А то что, в рожу дашь?

– Боюсь, не потребуется, но будет надо, дам, как ты выразился, и в рожу. Аланда ты понял неверно. Он говорил не о том, что ты не имеешь права на любовь, а о том, что ты к этому шагу не готов. Это не одно и то же.

– Нет, он сказал, что предупреждал семь лет назад, и я обещал, а обещания надо выполнять.

– Аланд подлец, хорошо, иди, обнимись с Гейнцем, Аланд у меня попляшет.

– Опять начал юродствовать?

– Вдохни и выдохни, а то до ворот не дойдёшь.

Вебер пристально посмотрел на Абеля, в самом деле, он не собирался идти к себе, он хотел уехать к Адлерам, даже не думал об этом, это было уже принятое решение, и никак он его не транслировал.

«Как вы мне все, душеведы чертовы, надоели!»

Вебер переводил дыхание, но чувствовал, что разволновался, сердце заводит. Абель взял его за плечо своей ледяной рукой, и развернул к себе.

– Не дури, Вебер.

– Убери руку, собой займись, тебя как из холодильника достали. Сам на свою Анну-Марию до сих пор исходишься, а меня учишь, святой Иосиф нашелся.

– Не твоего ума дело, тебе этого не понять.

– А тебе понять? Отцепись, Абель.

Абель коротко ударил Вебера по груди, все так же пристально смотря на его грудь.

– Резкий удар по груди тоже может помочь, как ты помнишь. Ты завалишься, дурак, и мне опять нести тебя вытягивать, у меня нет времени за тобой по городу бегать. Доиграешься, Вебер.

– Я понял, что иначе от вас не отвяжешься, отец Адриан был прав, бесы вы. К Гаусгофферу переведусь, завтра же попрошусь.

– Лучше сегодня, а то вдруг завтра не наступит, так в академках и не походишь. Жениться тоже завтра будешь?

– Я тебя ненавижу, Абель.

– Дело не во мне, Рудольф, ты никак не поймешь, с чем ты играешь.

– Это мое дело, жить мне или умереть, я один ее взгляд променяю на всю вашу богдельню.

– Скажи это Гейнцу.

– Скажу.

– Рудольф, в следующий раз тебе выбьет мозги, это я к слову, имей в виду. Если ты еще раз попытаешься поступить наперекор...

– Обязательно, Абель, и это тоже не твое дело, не строй из себя гуру, мне всё равно, что ты шесть лет делал на востоке, лучше бы ты там и остался. Иди скорее, режь свои трупы и не забудь сам поспать в холодильнике, ты без него быстро перегреваешься. На себя посмотри, ты стал, как Кощей, и физиономия твоя бледная не смотрится здоровой.

Абель улыбнулся, закрыл свой чемоданчик, Вебер накинул шинель и быстро пошел к гаражу.

Машина Вебера вылетела за ворота, он погнал к дому Адлеров, понятия не имея, зачем он это делает. Ясно, что в такой поздний час он к Адлерам не пойдет, остановил машину у ворот, долго смотрел на свет в окнах.

Сам стал хуже Гейнца, Абель прав, чего он только не наговорил Абелю. И завелся-то, едва почувствовал абелевское юродство. Почему он так боится этих интонаций Абеля? Словно тот, в самом деле, не дурачит, а говорит что-то страшнее и больше, чем правда. Судя по всему, провал у Коха был серьезнее и длительнее, чем днем, чем на плацу после разговора с Аландом. Времени почти полночь, он провалился не один час – и вот поблагодарил Абеля за спасение. И в холодильник отправил, и над его нездоровьем не забыл поглумиться, и Анну-Марию приплёл, ничего не забыл, стоило Абелю время тратить.

Надо уходить. Гаусгоффер, конечно, еще одного фокуса Вебера с тренировкой бессмертия не вынесет, спишет по всей форме, Клеменс отпартирует – остановки сердца. Объясняй на комиссии про медитацию, в психлечебницу отправят без третьей самовольной медитации.

Вебер поехал обратно, съехал на дорогу к озеру, откинулся к спинке кресла, прикрыл глаза. Как он загнал себя. К Аланду поехать? У него не горел свет, когда Вебер уезжал. Машины Аланда в гараже не было, машины Коха тоже.

Надо вернуться в Корпус. В самом деле, что с Абелем? Он не похож на себя, откуда эта гонка? Откуда это всепрощенье по отношению к нему у Аланда, у Коха? Откуда эта бледность

и хуоба? Ни на разминках, ни в зале он не появляется. Если он болен на самом деле, он не признается. Что Вебер наговорил ему и зачем? Что с ним самим происходит? Откуда эта исступленная злость? Сам хуже Гейнца и Карла – жестокость тех просто детский лепет. Гейнц вчера не стал его валять по ковру перед курсантами, радовался успеху Вебера. Может, Вебер сам не видит себя, и дело только в нем самом? О чем он спорит со всеми?

Приехал он к ней, и что дальше, ему есть что сказать? Что он может ей предложить? Пустые слова и эмоции. Можно смотреть на нее в своем «экране» воображения, можно умереть от любви, но говорить пока не о чем.

Вебер поехал к Корпусу. Поставил машину, прошел к себе в комнату, закрылся. Бросил шинель в кресло, скинул сапоги, лег и заснул. Утром опять его вместо пробежки в зал, Аланд молчит, Абель приехал, всем отсалютовал, что-то сказал Аланду почти на ходу и скрылся в своем корпусе. Аланд посмотрел минут пять на то, как занимается Вебер, и, так ни слова и не сказав, ушел.

Вебер долго перерывал на столе бумаги, искал свои лекции и не нашел, подумал, что оставил их вчера в машине, в машине тоже нет. Поехал на лекции раньше времени, посидит подумает, набросает план, он и так все помнит. Оставил у Адлеров? Хорошо, это повод вернуться.

Гаусгоффер подошел сам, интересуется здоровьем, смотрит придирчиво.

– Может, поедешь домой? Аланд звонил, сказал, что он сегодня в тебе не уверен.

– Господин генерал, всё в порядке.

– Не хочешь поговорить начистоту, Вебер?

– Это преждевременно, господин генерал.

– Остаешься? Я посижу у тебя на лекции.

Не сказать, что Вебера это обрадовало, сегодня, когда он чувствует себя скверно, пришел без текста лекции (в бумажки он никогда и не смотрел, но таков порядок – лекции должны лежать на кафедре). Сердце дрожало, около аудитории Веберу пришлось постоять в коридоре, переводя дыхание, дал себе кулаком в грудь, вдохнул и выдохнул в крепко прижатую ко рту ладонь, вроде бы ничего, начнет читать – успокоится.

Гаусгоффер-шутник, сидит в последнем ряду с Клеменсом, переговариваются.

Вебер начал занятие, мел зачертил по доске, мысль пытается уйти, в голове чего только нет: она, Абель, Кох, Аланд, – всё, кроме того, о чем он продолжает говорить. Он начинает замирать на полуслове, говорит и замолкает, чувствует вопросительные взгляды курсантов, не понимающих, почему он не договорил не то что фразу – слово. Угроздило именно сегодня прийти Гаусгоффера.

Вебер смотрит в последний ряд, рука сама опускается, падает, разлетается на куски мел, прямо меловой пылью Вебер трет взмокший лоб, подбородок сам тянется вверх – свет ускользает. Последнее, что он видит, Клеменс и Гаусгоффер поднялись со своих мест, вскакивают курсанты. Вебер пытается переступить, чтоб сохранить равновесие, и снова чувствует, как тяжелое тело сваливается с него, оно падает вниз, а он взмывает вверх. Видит свое тело, нелепо вытянутое на полу, вокруг люди, трясут и треплют это тело, зовут его именем Вебера, а Вебер не там. Откуда-то в этой толпе появляются Аланд и Абель. Голос Аланда Вебер слышит, и голос тянет его назад. Вебер, как в садок, занырнул в себя, он уже чувствует свое онемевшее тело, он может открыть глаза. Вебер пытается сесть, оттолкнуть чужие руки и не может не морщиться от отвращения к себе. Абель смотрит с сочувствием, за его взгляд можно уцепиться.

«Выведи меня отсюда, Фердинанд, спаси меня».

Абель серьезно что-то говорит коллеге Клеменсу, поднимает Вебера, под руку выводит из аудитории. Аланд выходит с Гаусгоффером, генералы тихо, но экспрессивно вполголоса переговариваются. О чем, Вебер не слышит, в голове шум, в глазах волнами, то все застилает туманом, то проясняется. Грудь качает воздух, как насос, но воздуха не хватает. Абель опускает

Вебера в машину Аланда, на заднее сиденье, за руль садится Аланд, Абель усаживается рядом с Вебером.

– Молодец, Вебер, – сказал Аланд. – Теперь Гаусгоффер будет трубить, как слон, что я довожу своих учеников до такого состояния, спасибо, мой дорогой, это все, что я для тебя сделал, на цепь посажу, недоумок.

Вебер опускает голову, чувствуя нарастающую гонку в груди. Что он с собой сделал?

– Зачем вы меня втащили в тело? – прошептал он. – Что вы мне умереть не даёте?

– В Корпусе, пожалуйста, а здесь и так разговоров слишком много. Сейчас приедем – продолжай, – Аланд не хочет или не может скрыть волнение и досаду.

– Вебер, поступай, как хочешь, но как ты смеешь порочить то, что делало тебя человеком? Неужели ты не понимаешь, что ты решаешь за всех, а у тебя нет мозгов даже с собой разобраться? Так не поступают, Вебер. Что ты доказывал, кому и зачем? До чего я ненавижу в вас ваше предательство, если бы ты только знал! А ты что улыбаешься, Фердинанд? Тебе это нравится?

– Да, забавный переполох. Корпус ублюдков, – Абель прислонил падающую голову Вебера к своему плечу. Аланд врезал по тормозам, подошел к задней дверце, открыл ее и вышвырнул Абеля на тротуар.

– На гитару деньги есть – или подать?

– Есть, господин Аланд, не беспокойтесь. Сами управитесь с вашей сворой? Гейнцу привет! О, Вебер опять поехал... Сеньор Аландо, он уже не в себе.

– Что ты сказал?

– У вас сын умирает, сеньор Аландо, ладно уж, не до разговоров. Еще увидимся, чемоданчик мой у вас остается, присмотрите? Сами-то Вебера собрать сумеете?

– У тебя снова бред, Абель?

– Это у вас бред, мой дорогой отец, увидимся, надолго не прощаюсь. У Вебера полный стоп, может, обратите внимание на это печальное обстоятельство? Или хоть меня пропустите.

Аланд, тяжело опираясь на машину, прислонился к ней спиной.

– Нервы, сердце, а ведь истинные адепты не болеют. Истинные врачи спасают умирающего, истинные отцы любят своих сыновей, а истинный генерал ублюдочного Корпуса – сам ублюдок. Как вас всех чистит-то – приятно посмотреть! Значит, и вы не безгрешны, господин адепт, торопитесь, там ваша голодная свора уже топчется у ворот от нетерпения.

Абель все-таки втиснулся обратно в машину, привел в сознание Вебера, пока Аланд, сам не понимая, что с ним творится, пытался прийти в себя. Такого приступа бессилия он от себя не ожидал.

Абель выбрался из машины, лучезарно улыбаясь.

– Вам помочь, господин генерал? У вас что-то лицо посерело.

– Уйди, Фердинанд.

– Как прикажете. Пока, Вебер, Анечке привет от меня или поцелуй – как захочешь.

Абель сунул руки в карманы и пошел по тротуару прочь, подцепил носком ботинка кусочек льда и, гоня его перед собой, как мяч, продолжал уходить.

– Куда он, господин генерал? – забеспокоился очнувшийся Вебер.

Аланд молча сел в машину и поехал в Корпус.

Гейнц встретил их у ворот.

– Что-то фенрих рано вернулся! – весело улыбался он. – Опять не заладилось?

– Можно я пойду к себе, господин генерал? – тихо спросил Вебер. – Мне надо лечь.

– Ляжешь у меня. Тебя нельзя оставлять пока одному. Дай мне сюда деньги, что дал тебе вчера Гаусгоффер.

– Гаусгоффер дал тебе деньги? – Гейнц готов был расхохотаться. – И много? Ничего себе! Вебер, это за что он тебя так приплачивает?

От вчерашнего доброго друга ничего не осталось.

– За клоунату ему приплачивают, Гейнц, – ответил Аланд, пресекая готовый снова вырваться наружу смех Гейнца.

– А то я уж подумал... Ты в последние дни – то возбужден чрезмерно, то как в воду опущен, странный такой, Вебер!.. – Гейнц всё-таки засмеялся. – Господин генерал, я хотел доложить, что у нас в Корпусе – гость, ждет Вебера. Это еще один твой поклонник, Вебер? Официальный повод прибытия, господин генерал, доставка забытых вчера в гостях у этого господина лекций нашего Вебера. Господин Адлер общается с Карлом на предмет теоретических проблем математики, гость проявляет о Корпусе исключительную осведомленность, рассказал Карлу о нем больше, чем знал о себе сам Карл, включая его доказательства теорем.

Аланд обернулся к Веберу.

– Значит, ты сегодня импровизировал, а пришли проверить?

– Я знаю лекции, мне эти бумажки не нужны.

– Что, фенрих, забыл в гостях тетрадку с домашней работой?

Гейнц все смеялся.

– Ты втягиваешь меня в неприятности, Вебер, я не ожидал от тебя этого, – сказал Аланд. – На Гаусгоффера больше не рассчитывай, он проблем не хочет, сказал, что в другой раз ты появишься в академии только через заключение медицинской комиссии, которого ты не получишь. Я не удивлюсь, если твой Адлер не последний, кто еще заявит в Корпус без приглашения. Так не поступают, Вебер, то, что Корпус для тебя не имеет больше значения, не означает, что он вообще его не имеет. Уходить, напуская на место, где ты провел свои не худшие годы жизни, грязь – не по-человечески.

– Уходить? Господин генерал, я не понимаю, – Гейнц вроде бы продолжал улыбаться. – Что он натворил? Какую еще грязь, фенрих?

– Ничего особенного, Гейнц. У Вебера изменились планы на жизнь, и с пребыванием в Корпусе они больше не связаны. Иди в мой кабинет, Вебер, ляг у меня, тебе нельзя оставаться одному.

Аланд пошел к столовой.

– Вебер? Я не понял, ты уходишь из Корпуса? – спросил Гейнц.

– Да, – Вебер старался отвечать спокойно.

– Что – да? Почему?

– Потому что вы мне осточертели, и ты больше всех, Гейнц. Я человек, и хочу, чтобы меня им считали.

– Ты не человек, Вебер, ты предатель, а я бы никогда о тебе этого не подумал. Корпус нельзя просто так оставить.

– Я наелся вашим Корпусом, я хочу жить, как простой человек. Говорить с тем, с кем хочу говорить, видеть того, кого я хочу видеть.

– Ты предатель, Вебер, получается, что ты просто предатель и негодяй.

Вебер не находил слов.

– Гейнц, не старайся, я знаю, ты хочешь, чтобы я вцепился в тебя, но я должен быть в порядке. Если Гаусгоффер устроит разбирательство, я должен сам отвечать на все вопросы.

– Я сказал тебе, что ты негодяй и предатель, может, это просто твоё имя и фамилия? Тогда можно так.

Гейнц свалил Вебера ударом в лицо, Вебер вскочил.

– Только за проваленную лекцию Аланд из Корпуса не выгонит, здесь что-то еще... – наступал Гейнц. – Почему ты этому бородатому вывалил вчера о Корпусе все? Почему дока-

зательствами Карла распоряжался ты? Почему ты так хотел понравиться этому Адлеру, что ты у него вообще делал?!

– Гейнц, – Вебер зажимал рассеченную скулу, руки дрожали, и Гейнц всматривался именно в эту дрожь. – Гейнц, Аланд сам всё скажет.

– Вебер, даже я потратил на тебя столько лет, не говорю про Аланда. Как тебя понимать?

– Я ничего в жизни не знал, Гейнц, я встретил женщину. Я не хочу больше ломать комедию, я хочу жить сам, своей жизнью, а не твоими припадками – то ненависти, то великой дружбы. Ты не понимаешь, что такое встретить свою любовь.

– Это не твоя любовь, это жена Адлера, если я правильно понимаю. Ты всё сказал?

– Всё. Раз ты так печешься о Корпусе и об Аланде, то лучше бы ты доверил суд ему. Не потому что я тебя боюсь – сам давно дал бы тебе в рожу. Но если Гаусгоффер устроит дознание, то лучше будет, если я лично опровергну его домыслы, чем Аланд будет объясняться, почему ты меня убил.

– Какая забота о Корпусе, Вебер! А может, твои руки дрожат не от страха за Корпус, а именно потому, что ты понимаешь, что я тебя убью? Почему именно ты оказался предателем?

Руки Вебера сами сжались в кулаки, он с глухим рычанием бросился на Гейнца и отлетел на землю, от него осталась одна набитая болью оболочка.

Аланд выбежал на плац, доверив Адлера Клемпереру, оставив их за их разговором.

Вебер еще вздрагивал всем телом на плацу. Гейнц с прищуром смотрел на него, мертвея от страшного понимания того, что он сделал. Этот удар знали в Корпусе Аланд, Кох, Абель, и совсем недавно Аланд показал его Гейнцу, этот удар запрещен, только на случай самого крайнего форс-мажора и неравной обороны.

Это Аланд мог рассчитать силу энергетического удара, а Гейнц не мог. Он бил на поражение. Вебер умрет в несколько минут, потому что при полном отсутствии внешних повреждений – его внутренности истекают кровью. Сознание Вебера сейчас переживает такой коллапс, как рождение звезды, он взорван болью изнутри.

Аланд присел перед Вебером, направил ладони ему на сердце, потом ладони Аланда заскользили над телом, оглянувшись на Гейнца, во взгляде полная пустота.

Ворота Корпуса открылись, появился Абель, он подхватил Вебера на руки и быстро понёс его не в операционную, а к машине, Аланд шел следом.

– Фердинанд, ты его не довезешь, кровопотеря.

– Не беспокойтесь, я вижу, что вы поработали, я остановил ему сердце, кровопотеря прекращена.

Абель развернул машину, едва не сбив Аланда, и вылетел за ворота, как музыку слушая пронзительный визг его железного коня на поворотах.

– Не уходи, Вебер, поболтайся поблизости. Ничего, вытянем. Продержись, просто слушай меня, держись за мой голос. Нельзя уходить, все не просто так. На двоих у нас с тобой еще хватит жизни, повиси на мне, я им тебя не отдам, для них ты сегодня умер.

Глава 28. Странная любовь доктора Абеля

Абель гнал машину по городу, ни о чем не думал, он считал и чувствовал в своем сердце жесткие удары сердца Вебера, которых не было. Этот счет диктовал примолкшему сердцу Вебера каждый предполагаемый удар.

Машина влетела во двор госпиталя, никого не видящий взгляд доктора Абеля объяснял только вид пациента, которого он вынул из машины и прямо на руках, почти бегом, понес не к главному входу, а в патологоанатомическое.

– Я на срочном вскрытии, меня не отвлекать, – бросил он кому-то на ходу.

Он пошел не в прозекторскую, а свернул во дворе в подвал, которым, кроме доктора Абеля, не пользовался никто. О том, что Абель время от времени работает там, что там у

него своя операционная, знала только Агнес, Абеля иногда приходилось просить ее о помощи. Вспыхнули лампы, операционная была оснащена так, как этого хотел Абель. Здесь было всё: инструменты, медикаменты, системы вливаний, отличное освещение. Стены изменили окраску, и вместо песчано-желтого стали светло-голубыми вверху и белыми по низу, белыми и идеально чистыми.

Как сейчас нужна была помощь Агнес. После гибели Штейнгеля доверительных отношений в области экспериментальных операций Абель ни с кем установить не пытался. Агнес звать некогда, четыре этажа по бессчетному количеству лестниц и переходов. И если он хочет навсегда ото всех скрыть Вебера, то привлекать для помощи жену Аланда – опрометчиво.

Их с Агнес связывали деловые отношения, никаких личных бесед, работалось им идеально. Они без слов понимали друг друга, он не говорил – она по глазам считывала его намерения. Она, как и Абель, видела тело пациента насквозь, у нее были удивительно умные руки, никакой женской рассеянности, слабости, она наравне с Абелем могла простоять у операционного стола по десять часов, и, когда он предлагал довести ее до дома на машине, чтобы ей не идти пешком, она когда позволяла, а когда нет, и даже в машине – молчание, взгляд в окно.

Он бесконечно уважал эту женщину, его тянуло к ней, ничья оценка не была для Абеля так важна, как ее. Если после операции она говорила, что это было великолепно, он был действительно счастлив. Из ее внимательных глаз он пил веру в себя, ее глаза одобряли, он делался выше ростом и шире в плечах, он переставал быть только доктором Абелем, он становился еще мужчиной и рыцарем. В его смелые решения вдруг вторгался необходимый, иногда дерзкий авантюризм. Где любой бы сказал, что всё кончено, он продолжал искать пути излечения и чаще всего находил.

Если бы не ее связь с Аландом, он бы нашел способ ее позвать, даже мыслью – она бы услышала его, но мысли пришлось наглухо закрыть непроницаемой даже для Аланда стеной. Он не столько медициной был занят шесть лет на Востоке, Аланд не имеет понятия, где был Абель. Абель был в его Школе. Он не думал, что он там окажется, в его голове и мыслей таких не возникло бы никогда – он не настолько был амбициозен, чтобы даже предположить, что он может хоть когда-либо там оказаться, но оказался, это случилось само собой.

Тело Вебера лежало на столе, руки Абеля уже работали, он разговаривал мысленно с Вебером, испуганная душа которого не могла опомниться от пережитого ужаса.

– Они забыли о главном, Рудольф, о твоём Бессмертии. Не уходи от меня, будь рядом. Я соберу твоё тело, подожди, пока я приведу твой дом в порядок. Все у тебя будет хорошо, любовь твоя никуда от тебя не денется. Ты спутал карты, ты создал проблемы, но тебе не вредно ещё многому поучиться, это никому не вредно. Любовь того стоит, она всего стоит – даже их пугливой любви к Истине, потому что Любовь – и есть истина, она ничего не боится. Это замысел Господа, а Он умеет замыслить что-нибудь получше их последних небес. У любви не бывает долгов, испытания любви – не долги, это ступени к себе самому. Только в любви человек и понимает, кто он такой. Она одна всего стоит, она одна может всё. Не уходи, уходить тебе рано. Тем более, что это не смерть, никакой смерти нет – ты-то это прекрасно знаешь. Не оставляй свою девочку, она думает о тебе, она твоя, в этом ты не ошибся.

В дверь тихо застучали – у Абеля дрогнуло сердце, это был стук Агнес. Он уже видел её встревоженное лицо у дверей, она оглядывается, потому что знает, Абель здесь тайно. Абель тенью метнулся к двери, локтем поддел задвижку, когда Агнес вошла, он уже снова склонился над столом. Агнес сменила халат, моет руки, и только потом вопрос:

- Доктор Абель, мне сказали, вы на экстренном вскрытии, что-то важное? Вам помочь?
- Шейте, фрау Агнес. Скорее, это хорошо, что вы пришли.
- Почему вы меня не позвали?
- Времени не было, скорее.

– Боже, что у него внутри? Падение с высоты? А голова? Странно, совсем незначительное сотрясение.

Она уже шила.

– Почему – здесь? Кто это?

– Неважно, фрау Агнес.

– Но он мертв, доктор Абель. Что мы делаем?

– Неважно, продолжайте работу.

Она замолчала, пальцы ее ювелирно сшивали сосуды, ткани, вправляли и расправляли органы.

– Доктор Абель, он мертв уже при мне час. Зачем мы это делаем?

– Делайте, фрау Агнес.

Абель взял флакон, набрал в шприц препарат, пристроил иглу для введения в сердце.

– Искусственное дыхание, фрау Агнес.

Она ничему рядом с Абелем не удивлялась, но теперь удивилась.

– Доктор Абель, он мертв столько времени.

– Дышите! – он повысил голос, чего и представить Агнес не могла. – Мне самому это делать? Тогда отойдите!

Впервые в жизни Абель напоминал ей сумасшедшего. Она сохраняла спокойствие, отворачиваясь, положила на синие губы салфетку и, разжав, как ни странно, мягкие челюсти, вдохнула глубоко и выдохнула странному покойнику в рот.

– Спасибо, фрау Агнес, еще, я вас прошу, – он извинялся голосом за вынужденную резкость и вводил препарат в сердце.

Тело дрогнуло короткой судорогой и застыло.

– Дышите.

Он выждал и продолжил вводить препарат, судорога повторилась, она была мельче, «подробнее», на нее откликнулись разные группы мышц, и Агнес показалось, что шелохнулось сердце. Она продолжала дышать, массаж сердца при таких разрывах, даже только что зашитых был невозможен. Что вводил Абель, она не знала, это какой-то новый его препарат?

Минуты через три он решительно ввел все до конца, тело ответило судорогой, которая разрослась в пока судорожное раздувание легких, первый самостоятельный вдох.

– Есть, – улыбнулся Абель. – Молодец, Рудольф. Дыши. Дыши. Давай, мой дорогой. Фрау Агнес, у меня в сейфе в кабинете в металлической коробке есть еще такие флаконы, пожалуйста, принесите.

Абель продолжал мысленно диктовать сердцу Вебера толчки, но теперь сердце отвечало.

– Это Вебер?.. – прошептала Агнес в ужасе.

– Неважно, – повторил он. – Этому парню терять было нечего, вы это видели, он молодец. Прошу вас, вы понимаете, что он не стабилен.

– Фердинанд, что вы ему ввели?

– Скорее, фрау Агнес, представится случай – расскажу. Одна просьба, господину Аланду о том, что я здесь, говорить не надо. Мы не договорились, он может мне помешать, и для Вебера это будет печально.

Она убежала, позабыв, что выглядит как солидная дама, Абель улыбнулся ей вслед и, наконец, опустился на стул, глядя на всюду выведенные дренажи. Ввел себе в вену толстую иглу для прямого переливания крови, спустил кровь, пока она ровно не потекла в чашу, и второй конец трубки с иглой ввел в уже упругую вену Вебера.

– Ты забудешь, Вебер, о том, что с тобой произошло, что это сделал с тобой твой лучший друг. Ты не должен этого знать и помнить, с этим трудно жить. Будем считать, что тебя сбила машина, по травмам похоже на тупой мощный удар. Дыши, это счастливое для нас с тобой место, выкарабкаемся. Ты был, в общем-то, прав, мое место в холодильнике, потому я так и

спешил. Я готов зашунтировать аорту Анны-Марии, и вот уж не думал, что придётся шунтировать сосуды тебе.

Вторую руку Абель держал над головой Вебера.

– Ты здесь, Рудольф, ты здесь, не ушел. Я знаю, что ты терпеливый. Ты думал, что все можешь вытерпеть – теперь ты знаешь, что бывает боль, вышибающая из сознания, из тела, это тоже надо уметь пережить. Потому что родиться еще предстоит не раз, надо получше отрепетировать. Мне больше всего жаль оставить тебя, тебе будет трудно. Я тебя спрячу, подучу, уйдешь в Школу, хочется, чтобы это было именно так. Если бы не моя возникшая верная смерть, я ушел бы с тобой, себе я помочь не могу, в этом не могу. Кому другому – помог бы. А вот остановить сердце себе, чтобы убрать опухоль, а потом самому себя запустить?.. Это было бы очень смешно. Мне не страшно умереть, мне жаль оставить тебя, тобой кормить псов, когда в тебе столько поэзии.

Сердце Вебера упрямо билось, и тень румянца проступила там, где только что была бледность и синева.

– Вот, доктор Абель, – Агнес вернулась.

Абель стоял у стены, прислонясь, потому что у него самого кружилась голова. Грамм восемьсот крови он Веберу влил, пульс полнее, дальше растворами.

– Наладите систему, вводите физраствор, я поставлю катетеры. Похоже, все даже работает.

– Как вы это сделали, доктор Абель?

Абель, как фокусник, с улыбкой развел руками, это был жест, который был и у Аланда. Абель снял иглу, Веберу подсоединил капельницу и тяжело опустился на единственный стул операционной. Лоб его взмок, он улыбался своим мыслям, и Агнес видела, что у него нет сил встать за салфеткой. Она сама, как во время операции, обтерла ему лицо, он благодарно улыбнулся.

– Внизу никого не было?

– Никого, доктор Абель.

– Тогда, если вам не трудно, откройте, пожалуйста, дверь. Вебера можно прикрыть простыней. Очень жарко, я, с вашего позволения, сниму мундир, так торопился, что халат нацепил поверх, а теперь из меня вытапливается последний подкожный жир, думал, что я у меня его уже не осталось.

Голос его тоже во многом копировал интонации Аланда. Он встал. Пока она открывала дверь, он уже снова набросил халат, отогнул пониже ворот рубахи, расстегнул пуговицы на груди пониже, все отворачиваясь от Агнес, ему было плохо, лоб снова блестел.

– Вы можете идти, фрау Агнес, ваша помощь сегодня была бесценна.

Он снова сел, причем вынужденно, он собирался пойти налить себе воды. Агнес подала ему воды, он пил, не забирая стакана из ее рук. Взгляд ее коснулся его открытой груди, и она увидела причину его страдания.

Он привык преодолевать болезненное состояние, он и сейчас приспособливался к боли, лишь бы случайно себя не выдать. Знал ли он о том, что ним на самом деле? Коварная звездочка вгрызалась неровными краями в сердечную перегородку, он смертельно болен, не может быть.

Агнес ясно видела на его сердце опухоль со зловещими размытыми краями. Это так поразило её, что рука сама отогнула на груди Абеля шелк рубахи, мешавший ей хорошенько рассмотреть сердце Фердинанда.

Абель доверчиво улыбнулся ей и накрыл ее руку своей. Она перевела взгляд ему в глаза, пытаясь понять, знает или нет, но он просто любовался ею, чуть зарозовел, отвел взгляд, но

не выпустил ее руку, даже когда она ее потянула. Он продолжал бороться с собой, молчал и держал ее руку в своей все крепче.

– Мне очень важно, что вы коснулись меня, для меня нет ничего дороже сейчас, чем ваше прикосновение. Не забирайте руку, прошу вас, – он поцеловал её запястье и приник к нему лбом. – Не уходите.

– Что с вами, доктор Абель? У вас болит сердце?

– Да, вы подошли ко мне, фрау Агнес, может быть, слишком близко, я вам благодарен за это.

Он встал, глаза его были теперь прямо над ее глазами, он немного склонился к ней, чтобы быть еще ближе, и коснулся ее лица.

– Я же знаю, какая вы, я очень не люблю этот ваш маскарад. Он вас прячет от других, но не от меня.

Ее рука все равно легла ему на сердце, встав между ними барьером. Она рукой выслушивала его сердце: тянувший, сосущий холод смертельной воронки.

– Фердинанд, тебе надо отдохнуть, я сама все, что нужно Рудольфу, сделаю. Ты будешь говорить мне, я буду делать. Не вставай, сиди, я вижу, что тебе плохо.

– Вы не то говорите, фрау Агнес.

Он взял ее за плечи, преодолевая сопротивление ее руки, склонился к ее волосам, осторожно, но сильным движением прижал ее к себе, отстраняя ее руку, отделявшую его грудь от ее груди. Оттолкнуть его было невозможно, Агнес и грудью чувствовала тянущий холод его больного сердца.

– Не надо, Фердинанд, тебе плохо, я понимаю, ты не в себе, но нельзя.

– Да, горячим любовником меня не назовешь, но я давно хотел вас обнять.

Он послушно опустил руки, отошел к столу.

– Простите мою дерзость, фрау Агнес, это и не дерзость, если подумать. Вы, на самом деле, почему-то всегда много значили для меня. Я никогда бы не смог вас оскорбить, я давно люблю вас, уважаю и очень люблю. Вы великая женщина, с вами некого сравнить.

– А как же Анна-Мария? – Агнес улыбнулась.

Он вопросительно, с новой надеждой оглянулся на ее улыбку, принимая ее игру.

– Аланд говорит, что она моя сестра, я люблю и ее, мы с ней друзья. Не будь ваш муж так многодетен, я был бы с ней счастлив. Вам удалось родиться не его дочерью, немногим так повезло на свете.

Он говорил серьезно, с интонациями Аланда, но игра давалась ему все труднее, он пере-силивал себя.

– Прошу прощения, фрау Агнес. Идите, отдыхайте, я управлюсь.

– Вам ничего не нужно, доктор Абель?

– Я бы не отказался от вас, – он сохранял на лице прежнюю серьезность, почти строгость. – И, может, еще от глотка красного вина, кофе, а то после кровопускания голова кружится и тошнит, как на третьем месяце беременности.

– Хорошо, кофе, вина, что еще?

– Я же сказал – вас, но сеньор Аландо может на вас рассердиться.

– Он может разве что на тебя рассердиться, Фердинанд, и сильно.

– Ну, это-то пустяки, что ему на меня сердиться? За то, что я украл Вебера и всего раз обнял его жену? Вас было за что сегодня обнять, даже если бы я не испытывал к вам никаких чувств, я не вижу, из-за чего ему сердиться. Но если вы намерены принести вино, то принесите уж хлеба и сыра, я толком не ел, наверное, уже два дня, все не до этого. Принесёте? Или мне лучше ни на что не рассчитывать?

Она пошла к дверям.

– От жажды и голода я вам умереть не дам. Из препаратов, медикаментов что-то нужно?

– Я запишу. Главное, Аланду нас не выдайте, надеюсь, он не выплеснет за это на вас свой гнев.

– Он никогда не делает этого, Фердинанд.

– Плюс в его пользу. А я вот... оказывается, могу, мне стыдно, фрау Агнес.

– Фердинанд, кто так избил Рудольфа?

– Всего один удар. Прошу прощения – два. Первый – предупреждающий – был в лицо. Я забыл обработать. А второй – это все остальные проблемы, коронный удар Аланда.

– Фердинанд, этого не мог сделать Аланд.

– Я не сказал, что он. Сказал, что это его удар, им владеют, кроме Аланда, трое. Я, Кох и Гейнц. Кто из нас троих это сделал?

– Гейнц?!

– Да, наш светлый мальчик со скрипкой. А теперь представьте, что тоже самое мне предстоит сделать с Гейнцем.

– Ты не сделаешь этого, Фердинанд.

– Не уверен, единственное, что господину адепту самому придется его шить. Вряд ли он справится, разве что вы ему объясните. Но у них с Гейнцем группы крови не совпадают, так что шансы ничтожны. Я рассердился на них, фрау Агнес. Веберу еще собирать и собирать тумачи – но это?.. Это ошибка Аланда. Сначала он прозевал Вебера в медитации, потом допустил, чтобы Гейнц это натворил, он не справляется со своей работой.

– Фердинанд, Гейнц не должен был так поступить, там было что-то еще, что для Гейнца оказалось не по силам.

– Аланду оказалось не по силам управлять Корпусом. Я не в восторге от самой идеи его создания, но не буду гадить на ветку, на которой сам много лет сижу. Вы знаете, за что они его убили? Пару дней назад этот мальчик встретил свою любовь, сразу сообразил, что к чему, Аланд, конечно, его, как открытую книгу, читает, но Вебер и раскаянья изображать не стал. Он не хотел уходить из Корпуса – это его дом, но при оставленном выборе – она или Корпус – выбрал ее. После того, как он заработал пробоину в сердце, у него развилась мерцательная аритмия, фибрилляция, за два дня несколько приступов, причем сам он не мог выйти из них, его приходилось выводить. На него все прогневались, а святой Гейнчек, прежний завсегдатай борделей, обезумел от гнева: как это Вебер посмел променять Корпус (то есть их) на какую-то... А для него не какую-то. Я до конца дней готов его носить на руках за то, что он выбрал любовь, я все сделаю для их любви. Он их не испугался, не испугался их хваленой смерти, он знает, что это просто глаза лесного чудовища, внезапно возникшие из темноты, жаль, что не настоящие. Как он семь лет назад веселился в этом подвале, когда смерть стояла с ним рядом, вы помните эту историю? Я не отдам его. Это самая тонкая душа в Корпусе. Он вроде бы невзрачен, ничем не блещет, но я знаю, что главный в Корпусе он. Я был в Школе, где когда-то учился сеньор Аландо. Я полагал, он умнее, мудрее, но чем дальше, тем больше я разочаровываюсь в нем. Так как, фрау Агнес? Не поздно одуматься и вернуться к мужу, и я не буду рассчитывать на вашу помощь.

Глаза его улыбались тихо и приветливо.

– Не думайте, что я посмею вас осуждать за это, я знаю, что Аландо помешан на Вас – его легко понять. Мне, конечно, своей убогой лысиной никогда не затмить его роскошной шевелюры. Решайтесь, я должен понять, на кого и на что мне рассчитывать, или мне ни на кого не рассчитывать, как это всегда и было.

Абель закончил процедуры над телом Вебера.

– У тебя достаточно обезболивающего, Фердинанд? Если он очнется...

– Я не дам ему пока очнуться, ему нельзя напрягаться – надо, чтобы ткани схватились. Погуляет пока по своим небесам, я присмотрю за ним. У Вебера в кармане где-то валялись сигареты Карла. Хотите закурить? Дрянь, конечно, но сейчас любые пойдут. Не знаю, как вы,

а я адреналина сегодня годовую норму выработал. Я знаю, что иногда вы любите покурить в одиночестве. Аланд об этом не знает? Следовательно, вы тоже умеете от него закрываться.

– Аланд знает, он не говорит об этом, в такие моменты он бывает необыкновенно нежен со мной.

– Не говорите мне про его нежность, знали бы вы, как он меня бесит. И всё-таки вы закрываетесь от него, интересно, против чего вы бунтуете?

– Мне очень его не хватает, но мне не хочется этим его беспокоить.

Они с Абелем закурили, чуть улыбнулись друг другу. Абель продолжал пытаться ее глазами, стараясь прочесть ответ на свой главный вопрос, останется ли она с ним, но она смотрела на Вебера. Не останется.

Тело Вебера еще не ушло полностью в свою автономию. Абель чувствовал в себе в его сердечные сокращения, и памятью тела чувствовал грудь Агнес, вплотную прижатую к своей груди.

Все равно он знает, что она его любит, ее преданность Аланду не позволит ей в этом признаться. Почему ему так остро хочется ее обнять, долго смотреть ей в глаза, почему так хорошо, когда она рядом – и будет так страшно, если она уйдет?

Вебер зашевелился, чуть застонал, Абель быстро склонился над ним, отшвырнув сигарету на каменный пол.

– Отвлекся я от тебя... Спать, Вебер, спать, не шевелись.

Вебер тронул губами смоченную салфетку и снова обмяк. Абель повернулся к Агнес.

– Фрау Агнес, я вас очень прошу, ко мне сострадания проявлять не нужно, но хотя бы два дня не говорите ему, что знаете, где мы, чтобы швы прочно схватились, и я убедился, что нет инфицирования внутренних швов.

– Я не считаю, что вы правы, пишите список, я посмотрю за мальчиком. Пишите, доктор Абель.

Абель потянул стул к столу. «Доктор Абель?»

Для любовного randevu он, конечно, не в лучшей форме, особенно, если поспорить за женщину надо с Аландом. Что на него нашло? И списка бы никакого не надо, попросить ее посидеть четверть часа, принести свои бумаги – кое-что еще можно записать в эти дни затвора. Машина у госпиталя – плохо, надо бы отогнать ее куда-нибудь, Аланд машину может найти, он догадается, где Абель, при помощи самой обыкновенной логики. Плохо и то, что самому Абелю плохо, Вебер без него не выкарабкается. Очень хочется, чтобы он еще покуролесил, походил влюбленный и счастливый и сделал нос этим аскетам.

Абель опустил лоб на руку.

– Фрау Агнес, я думаю, что есть путь короче, если вы с четверть часа побудете с ним, я сам себя всем обеспечу. На проходной все будут знать, что я уехал, назад я вернусь иначе, и вы не будете подставляться из-за меня.

Он говорил прерывисто, спина его была сильно напряжена. Когда ее руки легли ему на плечи, он выдохнул чуть свободнее, продолжая улыбаться своему блаженству.

– Фердинанд, ты ведь знаешь, что ты болен. Аланд знает об этом?

– Нет.

– Тебе плохо, может, тебе самому принять обезболивающее?

– Не смешите меня, фрау Агнес, пока вы рядом со мной, я здоров, но если вы уйдете.

Он встал перед ней, снял ее парик, отбросил ее очки, взял ее лицо и засыпал его поцелуями. Она изумленно смотрела ему в глаза, пытаясь от него уклониться, но руки его налились знакомой аландовой силой, он прижал Агнес к груди, отвергая ее сопротивление.

– Агнес, ты же любишь меня, и я люблю тебя. К чему всё это?

– Ты знаешь, чем ты болен, Фердинанд?

– Чем я болен, не так важно, вы мне очень нужны, очень дороги. Я всю жизнь любовался на вас, ради вашего взгляда я лез из кожи, я хотел нравиться вам. Пока вы были молоды, вы были не так интересны, но сейчас я вернулся и вижу, что годы только прибавляют вам красоты и глубины, я хочу быть с вами последние свои дни, меня непреодолимо тянет к вам.

– Фердинанд, ты меня не понял.

– Да? Пока вы не сказали, я еще подержу вас в своих объятиях, я сам не знал, как я истосковался по вам. Пока вы прислоняетесь ко мне, у меня все на месте, мне даже не так больно, как было минуту назад. Агнес, – он повернул ее лицо к себе, – ну скажи, что ты любишь меня.

– Конечно, я люблю тебя, Фердинанд, я не могу тебя не любить. Только это не то, что ты думаешь.

– Я не хочу думать, и не хочу выпускать тебя из рук.

Она вывернулась и отошла к Веберу, чуть мотнувшись головой.

– Посмотри, Фердинанд, он приходит в себя.

– Вместе мы вытащим и укроем его, все изменится, Агнес.

Он встал рядом с ней так, чтобы плечом касаться вплотную её плеча, и все равно сбоку смотрел ей в лицо. У Вебера все было в порядке, насколько это возможно. Дыхание, пульс, давление в сосудах – на границе нормы. Это глубокий, гипнотический сон, мозг Вебера жаль, его надо беречь. Самый быстрый мозг в Корпусе: мысль Вебера вечно спешит, торопится и обгоняет саму себя. Перенервничал ребенок и, хоть его рви на части, спит. Морфий вводил, но немного, обезболивание преимущественно через поле, ткани схватываются, но силы Абея утекли.

Если Агнес уйдет, чтобы вернуться, то Абель сразу в медитацию и до ее возвращения восстанавливается, поворот событий может быть самый неожиданный, Аланд серьезный противник. Не стоит сбрасывать со счетов и Коха. Хорошо, если он примет сторону Абея, а если нет? Есть вещи, в которых Абель против Коха – младенец, да и Аландо, похоже, не догадывается о некоторых способностях своего любимца. Тоже любимца. У Аланда все любимцы – и все по-своему. Аланду сейчас не позавидуешь, но ему полезно пыль с глаз и мозгов отряхнуть, а может, и с сердца. Аланд не вечен, ему сегодня стало по-настоящему плохо у машины. Потому что и Абель любимец, и Вебер, и Гейнц, но сейчас Абель настроен решительно.

Аланд так трепетно влюблен в свою жену, уж кто-кто, а Абель это знает. Агнес стоит такого чувства, и Абель не виноват, что тоже любит ее, даже если он не смел прежде свое поклонение перед этой женщиной признать любовью. Если это взаимно, он будет счастлив, даже если это продлится день, неделю, даже за миг любви он готов отдать все.

Пусть Аланд походит рогоносцем, он всегда был так уверен, что этого с ним не может случиться, со всеми остальными – да. Его бы и сейчас уже в живых не было, видел бы он, как Абель целовал его жену, правда, и Абея бы уже не было.

Абель смотрел на ее лицо.

– Доктор Абель, я не пойму, чего в ваших чувствах больше? Симпатии ко мне или желания досадить вашему отцу? – в глазах её промелькнуло что-то незнакомое, дерзкое. Про это Абель не подумал, что ей его мысли известны, от нее он не закрыт, и не может, не хочет, не будет ни за что.

Вместо ответа он снова обнял ее и попытался поцеловать в губы, но она не далась.

– Вы отвлеклись, доктор Абель. Где ваш список?

Как он ни задыхайся над ней, как ни хотелось бы к ней прислониться, пришлось отойти.

– Если вы привезете бутылку вина, я утоплю вас в своей благодарности, фрау Агнес, – голос его в тон ее голосу сделался дерзок. – Это место всем хорошо, нет только королевской постели.

– Насчет матраса для себя, раз вы тут собираетесь провести не один день, побеспокойтесь. В соседнем помещении хранятся старые тюфяки, обустраивайтесь, доктор Абель, но мне не предлагайте такой мерзости. Или вам придется умереть здесь от жажды и голода, вы ведь не оставите своего пациента.

– Я не люблю ханжества, Агнес, я люблю тебя, ты меня. Мы не дети, останься со мной. У нас с тобой может уже никогда не быть этой возможности.

– Её просто не может быть, Фердинанд. Что на тебя нашло? Я совсем вас, оказывается, совсем не знала, доктор Абель. Вы всегда поражали воображение своим целомудрием, кристальной честностью и чистотой.

– Хорошо, я заберу тебя с собой. У меня есть свой дом, не такой шикарный, как квартира Аландо, но нам будет хорошо. Вебера я тоже заберу туда. Если Аланд сунется, я его убью.

– Ты его сын, и мне ты как сын, и как сына я тебя люблю, Фердинанд, это не то, что ты подумал.

– Снова родственные чувства! Ни на один мой поцелуй ты не ответила, принуждать тебя я, конечно, не буду.

Он снова подошел к ней совсем близко.

– Агнес, к чему нам ломать комедию между собой, когда мы столько лет читаем друг друга по глазам? К чему тешить своей порядочностью твоего старого дурака? Я был в его Школе, принадлежностью к которой он так кичится. Он шарлатан. Я благодарен ему за ворота, которые он мне открыл в этот мир, за все, чему он научил меня, за знакомство с тобой. Но ведь он уничтожил своей любовью всех женщин, которые отдавались ему, потому что наверняка его любили. Он сам всегда уводил жен от мужей, ему не на что обижаться. Если бы я хотел только ему досадить, я бы сделал это иначе, но мы с тобой молодые, сильные, давно симпатизирующие друг другу люди, я люблю тебя. Я не слепой, я ловлю на операциях твой взгляд, оттого, как ты иногда смотришь на меня, я становлюсь все сильнее. Что-то же ты вкладываешь в твой взгляд, если он так действует на меня. Я путаюсь в твоих взглядах и твоих словах, почему-то сейчас ты не веришь мне, я это чувствую.

– Слишком много лет я видела, как вы любите вашего отца. И знаю, что когда ваш гнев остынет, вы будете сожалеть даже о том, что уже себе позволили. Я не хочу, чтобы вы лишились человека, которого любите и который так любит вас. Фердинанд, я тебе помогу, и мы останемся друзьями, как это всегда и было.

Он отвернулся.

– Насчет моей любви к отцу вы ошибаетесь. Есть вещи, которые я в нем не принимаю и не приму никогда. Меня раздражает его любовь к вам, мне не нравится проснувшаяся в вас добродетель. Между нами пять минут назад пробежала искра любви, а сейчас одна фальшь, я не люблю фальши. Во мне течет не его кровь, я больше чувствую в себе черт его отца – Бенедикто, тот действительно был великим учителем.

– Ты знаешь про его учителя? Аланд уверен, что ты в Тибете учился медицине.

– Не так он всеведущ, еще одно подтверждение. Ему не надо знать, где я был. Я не собираюсь больше терпеть глупость этого выстарившегося комедианта, из-за него гибнут сильные, светлые души. Вебер в тяжелейшем состоянии, но разве Гейнцу лучше? Агнес.

– Как странно видеть тебя злым.

– Да, доброты во мне все меньше, но гнева моего они не видели. Агнес, останься со мной, я всё равно буду ждать тебя, ты вернешься? Почему ты с ним, Агнес? Что в нем такого? Даже этот твой вечный маскарад – это его неуверенность в себе, в тебе, во всем. Неужели ты этого не чувствуешь?

– Это я настояла. Я не люблю скользких мужских взглядов, Фердинанд. Мне от них плохо. И сейчас мне плохо. Потому что ты понял все превратно, ты выпустил из себя зверя.

– И я не смогу тебя больше обнять?

– Убери руки, я сама тебя обниму. Ты озлобленный, больной ребенок, Фердинанд, а никакой не любовник, пойми это. Насчет медитации была хорошая мысль, ты истощил свои силы, Фердинанд, что ты делаешь над собой? Это началось еще на Востоке? Тебе не смогли помочь?

– Этому нельзя помочь, на свете не все возможно поправить, фрау Агнес. И то, что вы сейчас хотите позвонить сеньору Аландо, тоже непоправимо. Вам довольно открыться ему – и он будет здесь, вы колеблетесь. Агнес... Что ты делаешь?

– Фердинанд, давай ты поедешь к себе на квартиру, а я, в самом деле, вызову Аландо. Он поможет Веберу лучше, чем ты, и ты не убьешь себя. Вы не будете с Аландо раскачивать общий канат, по которому вместе идете уже столько лет.

Абель сел за стол и порвал чистый лист, на котором список так и не возник.

– Фердинанд, он великолепный врач, он играл в свою некомпетентность, чтобы ты учился, полагая, что превосходишь его. Фердинанд, он лучше тебя помог бы Веберу, и наверняка только он может помочь тебе, иначе тебя не отправили бы к нему обратно. Ты все неправильно понял, Аланд – единственный, кто способен вам помочь. Ты зря мучаешь Вебера, надо звать Аланда, тянуть уже некуда.

– Зовите кого хотите, простите, мою непристойную выходку, раз для вас ничего другого не стоит за моими словами, мне становится тяжело в вашем присутствии.

– Фердинанд, тебе становится плохо, тебе самому нужна помощь.

– Ни ваша, ни его – нет. Да уйдите же, наконец!

Она пошла к дверям, его сердце сдавило от боли.

– Агнес, что ты делаешь?

Он слышал, что она ушла, уткнулся в сжатые кулаки.

– Тупица... – прошептал он себе.

Он подошел к Веберу, увидел его вновь посеревшее лицо. Вебер, ничего не понимая, потянулся лицом к Абелью. Абель он узнал, губы его безголосого зашевелились, всё в нем сжалось и загуляло страшной, выворачивающей дренажи судорогой.

– Фердинанд, убей меня. Скорее... я не могу... это нельзя терпеть...

Что творилось с Вебером он не то что понимал, он чувствовал, стал набирать морфий и замер. Надо было приказать этому сердцу, сделавшему невозможное, остановиться, морфий Веберу не поможет. Что он собирается сделать? Вебер умрет все равно – и душа его не поднимется, завянет внизу, отяжелев от наркотика.

– Прости, Рудольф, нельзя, понимаешь? Нельзя, – Абель швырнул шприц о стену. – Сейчас все кончится, прости, что потревожил тебя, думал, мы выберемся...

Нужно остановить его сердце, это все, о чем Вебер может просить сейчас, его второй раз разрывает изнутри, в дренажах уже одна кровь. Абель склонился над Вебером, посылая ему все, что в самом Абелье еще оставалось. Лицо Вебера чуть обмякло, нужно, чтобы он ушел в этом коротком антракте.

Ведь всё было хорошо, только что все было хорошо, пока тень благоразумного предательства не проползла между ним и Агнес и не перекроила пространство. Абель переставал себя чувствовать, он истощен полностью. Вебер смотрит с отчаяньем.

– Всё, Рудольф, всё. Идем отсюда, давай руку...

Рука Абелья скользнула по запястью Вебера, сердце Вебера глубоко сократилось и замерло. Абель остановил подсознательный счет и сам повалился у стола, прикрывая лицо от надвинувшейся на него каменной плиты. Глаза Вебера спокойно смотрели в небо – сквозь камни и потолки. Взгляд Абелья уперся в пустоту – сквозь камни и пол.

Аланд влетел в операционную, перевернул и отодвинул от стола Абелья. Руки Аланда застыли над телом Вебера, Агнес склонилась над Фердинандом.

– Что там, Агнес?

– Думаю, он остановил сердце и себе, и ему, он больше ничего не мог сделать.

– Почему ты не позвала меня, ты не видела, что он не в себе?! Кого первым тащить?

– Занимайся Вебером, там все слишком плохо. Не верти головой, успокойся.

Аланд работал, но она чувствовала, что чем дальше, тем больше он к ней оборачивается. Он начал видеть то, что происходило здесь без него. Отошел от Вебера и сел перед Агнес, осторожно беря ее лицо двумя руками.

– Агнесс, что это было?

– Ты вернул Вебера?

– Да. Что это было, Агнес?! Почему он обнимает тебя, почему он целует тебя и говорит о любви?

– Посмотри на его сердце, Аландо. Ты видел это?

Она отбросила рубашку с груди Абеля.

– Да, я знаю. Думал, что он закрылся от меня, стервец! ...Но что же это такое, Агнес?

– Аландо, он был в твоей Школе, его вернули к тебе, ты должен ему помочь.

– Он, как вернулся, не доверял мне, он прятался от меня, я давно бы ему помог. Агнес, но ты? Ты?! Почему ты позволила ему?!

– Аландо, я первый раз увидела эту звезду у него на сердце, я тронула его рубашку, чтобы лучше рассмотреть. Он понял меня по-своему, стал целоваться... Истинной подоплеки своих чувств он не знает, не надо на него сердиться. Он измучил себя, он хотел, чтоб хоть кто-то сказал ему, что любит его. Займись им, будет поздно – и ты сам себе этого не простишь.

– Значит, тебя не любили, Абель? Агнес, поезжай домой, я сейчас могу сказать тебе, чего не следует. Не беспокойся, я верну тебе этого Королевича. Не подходи ко мне, Агнес, я прошу, уезжай домой. Я все для тебя сделаю, с мертвецами я счетов не свожу, но зачем ты со мной так – не пойму никогда. Только б сказала – и меня бы уже не было в твоей жизни, я бы давно не стоял между вами.

– Аландо, он уверен, что умирает, он просил побыть с ним. Он не понимает сам, почему для него так важно, чтобы я была рядом. Но ведь ты понимаешь?

– Не говори со мной, прошу, иди домой. Я должен сейчас побыть один. Или уйду я, и тогда я уже ничего не сделаю для него.

– Я буду ждать тебя дома.

– Я подозревал, что рано или поздно, он сделает это. Я видел, что ты закрылась, и он закрылся, но я не связал два эти события между собой. Уходи, или будет поздно помогать твоему дорогому Фердинанду. Ты будешь считать, что я ему отомстил, но я верну его тебе. В этой жизни ты ему никто, ты вполне могла быть его любимой, его женой... Считай, что это я был у тебя в прошлой жизни. Хватило бы одного твоего слова, чтобы я стал просто загробным выходцем из твоей прошлой жизни и знал свое место. Я никому не смогу теперь верить, ты не виновата, что я оказался недостойн твоей любви. Я шарлатан и выстарившийся комедиант. Спасибо, что иногда ты все-таки пыталась за меня вставить слово.

Аланд подошел опять к Веберу, погладил его висок, словно прощался с ним. Руки Аланда начали свою работу над телом Вебера. Аланд смотрел перед собой, и ничего не видел, кроме мрачной, глухой пустоты. Она разрасталась не вовне, а внутри его, заставляя тело стоя распадаться на атомы. Вебер был жив, дышал, а в Аланде дыхание замирало.

Она вышла. Аланд, переведя дух, вернулся к Абелю.

– Ладно, Фердинанд, спасибо тебе, дорогой. Давай, поднимайся, Вебер почти в порядке, гордись до конца жизни своей операцией.

Аланд направил обе ладони на сердце Фердинанда, и остаток сил вытек через ладони. Аланд пуст, это только его не нужная никому бездушная оболочка, сейчас и её не будет.

Аланд пошел к дверям, нащупывая в кобуре пистолет. Он шел в глухой тупик длинного коридора, на ходу подводя пистолет к виску. Глаза ничего не видели, кроме мутных разводов.

Палец жал на курок зло, определенно и четко. Его швыряло из стороны в сторону, от грохота в голове проносились молнии, словно его зажало меж двух грозовых туч. Он все равно продолжал все чувствовать и понимать: чувствовал, как падает пистолет, как он сам сползает плечом по стене.

– Держи свои пули, – услышал он знакомый голос.

Он поднял глаза – перед ним стоял Бенедикто и протягивал целую пригоршню пуль, опаленных, без гильз.

– Обжег из-за тебя всю руку. Я собрал твои пули, но засунь их себе лучше в зад, так от них будет легче избавиться. Мозгов у тебя не так много, но набивать череп металлом всё равно бы не посоветовал. Не хочешь брать? Хорошо, ссыплю тебе их в карман. Вставай. Не хватало еще, чтобы твои сыновья видели тебя таким. Иди умойся и сбрей виски. Аландо, ты меня слышишь? Это все пустяки, Аландо.

– Ты обещал больше не приходить.

– Считаю, что не приходил.

Руки Бенедикто поставили его на ноги, какое-то время удерживали его отказывающееся стоять тело. Держась за стену, Аланд смог сделать несколько шагов, оглянулся на пустой коридор. Бенедикто пропал. Аланд запустил в карман руку, вынул пули, пахло порохом. В мозгу шипело, словно кто-то проводил раскаленным утюгом по мокрой ткани.

Аланд медленно шел по коридору, в какой-то из дверей он видел рабочий кран, вошел, открыл воду, опустил голову под ледяную струю, хватал воду губами. Висок выжжен, вокруг белого стигмата опаленные до рыжины пучки горелой шерсти.

Аланд вошел в операционную, не глядя по сторонам, прошел к столу с инструментами, взял скальпель, ножницы и вернулся к раковине. Выстриг виски, подбрil корни скальпелем. Рядом появился Абель.

Скальпель падает из руки, Аланд прошел мимо, как случайно, задел плечом Абеля.

– Отвезешь его в Корпус? – это всё, что хватило сил спросить.

– Хорошо, отец.

– Ревельский ублюдок тебе отец, я тут не причем, забудь обо мне.

Аланд вышел на улицу, потер лицо снегом, и сам опустился на снег.

Пусть делают, что хотят.

Глава 29. Без Аланда

Прошло две недели, как Аланд исчез. Сколько бы Абель ни пытался увидеть Аланда, ничего не выходило. Видел Агнес, почерневшую, тоже ничего не знавшую об Аланде. Аланд уехал из госпиталя и пропал, как растворился в воздухе.

Какое-то подобие жизни в Корпусе существовало, Вебер поправлялся быстро. Абель смотрел на хорошо зажившие швы, внутренние и наружные, и не верил своим глазам. Тело работало правильно, но Вебер не приходил в сознание еще несколько дней, непонятно почему, словно спал.

Гейнцу Абель объяснил, почему Вебер не должен пока знать, что случилось. Гейнец понемногу начал примиряться с собой, но когда Вебер очнулся, радость Абеля померкла. Вебер был в разуме ребенка: прилежно читал книжки по складам, звал Гейнца и радовался каждому его приходу, он всему радовался и ничего не помнил.

Без Аланда Корпус впал в кому, во всем чувствовалась глубокая остановка, – словно из тела вынули душу, а тело продолжало медленно, принудительно функционировать, как тело, лишенное сознания.

Абель заходил в кабинет Аланда, садился у телефона, подолгу смотрел на него, не решаясь позвонить Агнес. Он понимал, что должен это сделать, и только неделю спустя он решился. В трубку слышал какой-то потусторонний голос.

– Я ничего не знаю о нём, Фердинанд.
И раздались гудки.

Как-то поздно вечером, когда блаженный разумом Вебер с улыбкой на лице делал вид, что спал, к Абелю пришел Гейнц и строго сказал Абелю, что тот как хочет, но мозги следует Веберу вернуть. Пусть ненавидит Гейнца, пусть творит, что угодно, пусть волочится за всеми юбками Берлина, видеть его идиотом – ничуть не лучше. Абель сам не понимал, что случилось, его вмешательство не могло дать такого эффекта, но Гейнц считал иначе.

– Я ему всё скажу, оставь нас вдвоем. О том, что ты навел порядок в его мозгах, я говорить не буду. Не делай этого, Абель, Аланд никогда с нами так не поступал, и Аланда пора найти.

О том, что произошло в подвале госпиталя на этот раз никто, кроме Абеля, Агнес и Аланда, не знал. Знал ли об этом Кох – непонятно, с Абелем он общался мало, как и со всеми в Корпусе. Кох пропадал у себя или в КБ, Карл на аэродроме – интуиция ли ему подсказывала, что в Корпусе пока лучше не находиться, или Кох так загрузил его?

Атмосфера в Корпусе была невыносимо разреженной. Отсутствие Аланда, его полное исчезновение, необъяснимая инфантильность Вебера всех лишали покоя.

Абель приказывал Веберу спать, а тот все открывал глаза и с улыбкой смотрел куда-то сквозь потолок.

– Рудольф, закрывай глаза и спи, – повторял Абель.

Вебер послушно закрывал глаза и открывал их снова. Пока Вебер не заснет, Абель не мог заняться своими делами. Абель заставлял себя не раздражаться, но, видя снова устремленный в потолок взгляд Вебера, все-таки раздражался.

– Фердинанд, – сказал вдруг Вебер. – А почему он все время лежит?

– Кто?

– Ваш Аланд, я как ни посмотрю на него, он все время лежит. И сегодня лежит, и вчера лежал, и позавчера – одно и то же. Он что, заболел? Или он такой лентяй?

Абель пересел к постели Вебера.

– Где он лежит, Рудольф?

– Какая-то комната. Очень маленькая, меньше твоей во много раз, как твоя душевая, и окно завешено полностью. Там, что днем, что ночью – одинаковый мрак.

– Рудольф, дом, в котором находится эта комната, ты видишь?

– Да, какое-то одноэтажное вытянутое здание... Лестницы интересные – с двух торцов в землю спускаются, как два полукруга.

– А рядом что?

– Деревья какие-то. Липы что ли огромные? Темно, кругом только снег, и деревья все одинаково голые... Парк какой-то?

– Рудольф, Аланд живой?

– Иногда шевелится. Он так в сапогах и шинели все и лежит. Холодно у него, наверно? Батарея есть, окно закрыто. Чем он только дышит?

– Вебер, где это? Что рядом?

– Ничего, дорога... Это придорожный трактир, с дороги указатель – трактир.

– Как он называется? Написано название?

– Слушай, Фердинанд, это какой-то не немецкий... Я не понимаю... Латиница, но не немецкий.

– Что написано, скажи по буквам или напиши.

Вебер с удовольствием слез с кровати, не спеша подошел к столу и написал стройными готическими буквами: Valge hobune.

– Белая лошадь, – проговорил Фердинанд. – Куда же его унесло? Машина у трактира стоит?

– Вся под снегом.

– Любовь свою хоронить поехал... И не доехал.

– Кого он поехал хоронить, Фердинанд? Тот, кого он поехал хоронить, протух давно, ваш Аланд столько времени лежит.

Абель сам не понял, как он мог его ударить, но он ударил Вебера в лицо. Вебер упрямо зажимая разбитый нос, не давал Абелю себе помочь.

– Что ты дерешься? Сам начал спрашивать... Ничего тебе не буду говорить, дурак.

Вебер размазывал по лицу кровь, стряхивал ее с руки на пол, попятился от Абеля, зашел в душ и закрылся. Пришел Гейнц, увидел пустую кровать Вебера, на полу капли крови и, медленно бледнея, спросил:

– Что у тебя тут, Абель?

– Сейчас подотру, Гейнц, не уходи. Черт с ним, – это он уже сказал про Вебера. – Сейчас я ему сладкого дам, успокоится. Не знаю, насколько это так, но то, что он сказал, вполне может быть.

Абель наклонился к полу, собирая салфеткой капли крови. Гейнц налетел на Абеля, подцепил его за рубашу, врезал Абелю кулаком, тоже в нос, кровь полилась ручьем.

– Почему ты о нем так говоришь?! Это ты его в убожество превратил!

– ...А я думал, что это ты ему кишки с легкими перемешал...

Абель зажал переносицу, вид крови почему-то перестал вызывать у Гейнца дурноту, он смотрел на разбитый нос Фердинанда с удовольствием.

– Слушай, Абель, пойдем договорим.

– Гейнц, он видит Аланда. Он мне даже кое-что рассказал. Переубивать друг друга мы еще успеем, с Аландом появилась хоть какая-то зацепка. Главное, он жив, и круг поиска несколько сузился. Не скажу, что он указал точный адрес, но это уже реально найти.

Вебер вышел из душа и рассмеялся на Абеля.

– Так тебе и надо! Спасибо, Гейнц, а то он меня бьет.

– Так ты – его?! – Гейнц снова двинулся на Абеля.

– Извини, Рудольф, – сказал Абель. – Я не хотел его ударить, Гейнц, не знаю, как это вышло. Он меня доконал.

– Тебя? А ему ничего?

– С ним не должно этого быть, я много лет занимаюсь гипнозом, этого не может быть. Аланд тоже постирал ему многое из времен его золотого детства, иначе бы он не был нормальным. Ты просто не знаешь, что над ним вытворял его отец, что с ним сейчас, я не могу понять.

– Абель, я хочу пирожное с кремом, принеси, – сказал Вебер капризно и требовательно.

– Гейнц, посмотри, в холодильнике, может, осталось?

– Сам посмотри. Хватит распоряжаться, Абель.

– Да, пусть сам принесёт, – подтвердил свою волю Вебер.

В комнату вошел Кох, разложил на столе карту.

– Фердинанд, смотри, – сказал он. – Это от Нарвы километров пятьдесят по ревельской дороге. Здесь поворот, вернешься километра три назад – указатель заметишь. Здание он описал верно. Бери документы, Гейнца, машину – поезжайте оба, машину Аланда все равно кто-то отогнать должен, его за руль не посадишь.

– Вильгельм, а с этим как? – спросил Абель, кивая на Вебера.

Гейнц во все глаза смотрел на Вебера, что-то изменилось в его взгляде.

– Рудольф, пойдешь со мной, – сказал Кох. – Поспишь сегодня у меня.

– Я не хочу, – возразил Вебер.

– А чего ты хочешь?

– Я сказал, чего я хочу.

– Что он сказал, Гейнц?

Абель уже ушел переодеваться, вышел в дорожном костюме.

– Гейнц, что ты встал? Ты не поедешь?

– Поеду, с Вебером что-то не то.

Гейнц видел в глазах Вебера слезы, но это не детские слезы каприза, это был злой и цепкий взгляд Вебера.

– Я сам ему дам его проклятое пирожное. Иди, собирайся живо. Паспорта не забудь.

Абель принес пирожное, снизу обернутое вошеной бумагой.

– На, чудовище, объешься и лопни.

Вебер взял пирожное аккуратно за обертку, развернул получше и запустил Абелью в лицо. Абель, отплеываясь, только отвел руки в стороны – вся эта жирная грязь валилась с его лица на только что надетый костюм. Гейнц неуверенно улыбнулся, всматриваясь в глаза Вебера.

Абель пытался отряхнуть грязь.

– Сейчас пойдешь отмывать мой костюм, чтоб к моему приезду было отчищено, ясно, Вебер?

Вебер отвернулся, Абель пошел отмываться. Гейнц крепко обнял Вебера.

– Ну? Ты очнулся, Вебер? Что ты отворачиваешься?

– Потому что ты, Гейнц, тоже...

– Мозги его Аланд забирал, – сказал Кох, продолжая смотреть на карту. – Аланд в себя приходит. Этого уже отпустил. Фердинанд, да сними ты это дерьмо, китель надень – и проваливай, пижон хренов... В твоих интересах встретить Аланда до того, как он сюда вернется.

– Кох, ты умеешь так выражаться? Никогда не слышал, – сказал Гейнц с одобрением. Вебера он так и не отпускал, Вебер замер у него в руках.

Абель переоделся в форму.

– Гейнц, первым не суйся, – говорил Кох. – Посидишь в трактире, пока Абель с Аландом первый пар выпустят. Твое дело только доехать туда и отогнать назад машину Аланда, без тебя разберутся.

– Абель, у тебя деньги есть? Черт знает, сколько суток мне там в трактире сидеть придется.

– Есть, иди, собирайся.

– Мне только документы у Аланда из сейфа взять, я собран.

Гейнц пошел в кабинет Аланда, Вебер пошел за ним.

– Что, Рудольф?

– Ничего. Я тебя очень люблю, Гейнц. И Абелья тоже. Я вас всех люблю. Скажи Аланду, чтобы он меня не выгонял. Даже если я на ней женюсь.

Гейнц рассмеялся.

– Ты подражаем, Вебер. Женись, конечно. Всё, что хочешь, только не то, что было.

– А что было?

– Ничего, Рудольф. Мы с тобой двадцать третий Моцарта играть собирались. Ты пока болел – забыл, наверное.

– Это я помню, я вас провожу ...

Вебера за плечо взял Кох.

– Нет, дорогой, ты пойдешь костюм Абелья чистить, тоже мне – развоевался.

Вебер хотел вывернуться, но пальцы Коха просто корни пустили ему в плечо – бесполезно. Гейнц улыбался, видя настоящую досаду на лице Вебера.

– Гад ты, Кох, что ты в меня вцепился? – прошептал Вебер.

Гейнц засмеялся и, уходя вслед за Абелем, приобнял Вебера на ходу.

– Иди, иди, чисти, фенрих, и пол помой хорошенько, а то уж там такого дерьма навалили, только с полу есть не начни...

– И ты, Гейнц, тоже гад.

– Главное, что ты, принц заморский. Иди, поработай, у Коха не забалуешь. Он только с виду добрый, так что лучше слушайся. Он в рожу бить не будет, он из тебя шелковую ниточку сделает и сядет вышивать, ла, Кох? То гладью, то крестиком... Давай, гладью, Кох. От крестиков уже в глазах рябит.

Глава 30. Трактир «Белая лошадь»

Странный посетитель трактира «Белая Лошадь» хозяина начинал раздражать. У трактира остановился под утро, вошел в пустой зал, сел за стол. Машина у него была хорошая – и шинель офицера Германии в высоких чинах, генерал? Вроде как просто на дверь не покажешь.

Сел за стол, уткнулся лбом в сомкнутые ладони и молчит. Официант подошел, борясь с зевотой, и только зря изображал готовность услужить посетителю, на «что-господин-будет-заказывать?» – никакой реакции. Хозяин минут пять спустя сам подошел, скрывая раздражение под профессиональной маской.

– Господину офицеру что-то угодно?

Тот молча через плечо протянул деньги – вся дневная выручка была меньше, а день, что жаловаться, был неплохой.

– Что желаете?

– Чтоб ты ушел, мало – добавлю.

Хозяин посмотрел на официанта, официант даже проснулся и перестал зевать.

– Господин, четыре утра, трактир закрывается.

– Значит, дерьмовый у тебя трактир. Комнаты нет? Я хочу отдохнуть.

Вопросительно поднял еще купюры.

– Конечно, есть... Только, боюсь, для вас это не подойдет.

– Мне нужна самая маленькая комната, чтобы только кровать.

– Такие комнаты есть... Посмотрите?

Приезжий поднялся, закурил, затянулся раз, другой, поморщился, поискал глазами пепельницу, смял в руке почти целую зажженную сигарету и бросил в урну у двери.

Хозяин, изображая желание во чтобы то ни стало угодить, то почти бежал впереди, открывая двери, то семенил сбоку и сзади, потому что шагал генерал широко и мощно, заденет – сшибет.

– Вот, посмотрите...

Он открыл свою просторную комнату.

– Это твои хоромы, нет, мне попроще, на гонорар это не повлияет. Где-нибудь, где никто не ходит, мне надо отдохнуть.

– Вот комнаты по коридору, их три, взгляните, все сейчас пустуют.

Приезжий толкнул по очереди три двери, вошел в последнюю комнату, самую тесную, с окном, почти упирающимся в сарай, ее и сдавал-то хозяин, только когда просили до утра оставить кого-то мертвецки пьяного или битого. А за такие деньги?

– Плачу много, чтобы меня не тревожили, две недели – так две, проживу дольше – получишь еще.

– А... как имя господина?..

– Знакомиться я с тобой не собираюсь, ничего не предлагать, в дверь не стучать, если мне что-то понадобится – выйду сам. Ясно?

– Да, господин генерал.

– Тогда мы с тобой поладим. Терпеть не могу, когда меня попусту тревожат.

– Ужин подать?

– Бутылку коньяка, если у тебя есть нормальный коньяк, кофе – только свари приличный. Хлеба и сыра. И поставишь графин с водой. Принеси пепельницу – на всякий случай.

Когда хозяин принес все указанное, и принес чистое постельное бельё, странный генерал уже лежал на кровати в шинели, сапогах и дымил в потолок, стряхивая пепел в пустой подсвечник.

– Поставь. Коньяк унеси, такой не пью, извини, без претензий. Я не запираюсь, но это не значит, что сюда можно входить.

– Да, господин генерал. Если вас будут спрашивать?

– Меня не будут спрашивать.

– Позвольте, я застелю вам постель.

– Не нужно.

– Но Вы хотели отдохнуть?

– Уже отдыхаю. Принеси темное покрывало и завесь окно, у меня глаза болят от света.

Хозяин принес темную штору, закрепил ее, красиво расправил, вытряхнул из подсвечника пепел, поставил хорошие, новые свечи.

– Иди, за две недели я заплатил – и две недели ты меня не тревожишь. Потом можешь попробовать постучать, не отвечу – подождешь еще немного.

– Для меня большая честь, давно не останавливались такие высокие гости.

– Ты едва не выгнал меня, болван, плести он мне тут будет про свое почтение.

Сказал обидное, но не обидно, даже стало смешно – в самом деле, болван, едва не выгнал.

И две недели он не то что ничего не заказывал – вообще не выходил. Дня через три хозяин посмотрел в дверную щель, жив ли? Жив. Ворочается, но не выходит. Через две недели хозяин постучал и зашел.

– Две недели, господин генерал, вы просили вам сообщить.

Так и лежит лицом к стене, через плечо указал на тумбочку – там следующая порция ассигнаций.

– Забирай, и все, как раньше договаривались.

Двухнедельный кофе, хлеб и сыр, и даже вода в графине почти не тронута. Засохшую еду хозяин хотел заменить свежей, воду сразу сменил. Пепельница пуста.

– Не надоедай, ничего не нужно.

И опять – день, второй, третий. Случилось у него что? По лицу не поймешь, глаза спокойные, говорит без нервов. Только непонятно, как он жив? Не сказать, что сильно осунулся.

Через три дня оказалось, что он гуляет на улице. На кровати лежал в шинели, а гуляет в мундире, потом и мундир сбросил в снег и снегом растирается, мускулы так и играют, быку шею свернет.

– Скажи, чтоб машину мою обмели.

– Уезжаете?

– Пока нет, не нравится, что ее так засыпало.

– Сейчас сделают.

– Идем, посмотрим, чем тут у тебя кормят, что-то я проголодался.

– На заказ лично сам приготовлю, скажите, что вам угодно.

– Можешь из себя не вылезать, я тобой доволен. Надо для начала попить, в горле как сухой шел прошел.

– Прошу вас, господин генерал. В зале люди, может, вас отдельно обслужить?

– Люди – это хорошо, давно их не видел.

– Там есть выпившие, не потревожили бы вас.

– Не потревожат. Где у тебя чистая вода?

– Сейчас принесу.

Перед Аландом возник высокий фужер с прозрачно чистой водой. Аланд долго подносил его к губам, но не выпил и половины. Смотрел на сидящих в зале, слушал чужую болтовню, попросил немного пропаренных овощей, и уже с полчаса пил свою воду. «Поел», называется, и ушел к себе.

Часа не прошло, вошли двое офицеров, сразу к стойке.

– Генерал Аланд?..

Говорить, конечно, не приказано, но и запрета не было. Он говорил, что не будут спрашивать, это точно не погоня. Оба, сразу видно, сыновья этого чудака. Молодой красавец и постарше – лоб с залысиной. Хозяин сказал шепотом, что «он здесь», но «просил не беспокоить, сегодня первый раз вышел, ушел к себе час назад». Старший младшему глазами указал на столик, а хозяину сказал также уверенно, как его генерал:

– Проводите меня к нему.

Хозяин молча развел руками – дело подневольное, что приказано, то и выполняй.

– Всё, спасибо, идите, – у дверей распорядился старший.

На каком языке они ругались, сказать трудно, вроде бы оба совершенно чисто говорили с хозяином по-эстонски, просто коренные жители, а тут – и не немецкий это, о немецком хозяин трактира представление имел. Кто б мог подумать, что этот генерал может выдавать голосом такие раскаты грома. И лысый-то не отстаёт, потрескивает молодым громовым треском: при таком молнии самые яростные и близкие, это уже не предвестники, это сама гроза в эпицентре, но генерал молодого так и впечатывает голосом, а тот знай распаляется. Щенок молодой, куда тебе против твоего генерала?

Молодой красавец невозмутимо сидит наворачивает, пьет кофе, даже покурить вышел на улицу и снова сел, погрузился в чтение польских газет, которых с собой привез целый ворох. Но те и не по-польски бранились. Только б не убили друг друга, к генералу-то хозяин трактира почти прирос-привязался, уедет – на душе пусто будет.

Красавец посмотрел на часы, подошел к стойке, стесняется, но спрашивает по-немецки, этот эстонского языка не знает, шляхтич какой-то. Значит, сынки у генерала – разнопородные. Хозяин трактира тоже не лаптем щи хлебает, на уровне кому-чего-приспичило – понимает и по-немецки, и по-польски, и по-русски, и, наверное, любого, подумал бы, понял. А у этого на его красивой мордашке все и так предельно честно написано, мог бы и рта не открывать, ясно, что хочет присоединиться к ругающимся. Разнимать пора, почему бы и нет. Остановился, попросил на поднос три чашки хорошего кофе, одну с сахаром (это точно ему) и две без – это старшим его громовержцам. Просит проводить, у дверей берет поднос сам, ему нужен повод, чтобы зайти. И иди себе с Богом, кто-то же должен их успокоить.

Вошел – голоса резко смолкли, хозяин постоял в коридоре – опыт большой, знает, что тихо-то тихо, а потом дверь открывается, и кто-то вылетает в коридор, и иногда в довольно помятом виде. Тут главное прийти человеку на помощь, умыть, утешить, приложить холодное, если на глазах дует шишку, или полотенце подать, если из носа хлещет. По обстоятельствам. Но вроде бы тихо. Голоса стали совсем глухими, наверное, интеллигентные люди – интеллигентно и успокоились. Собрался уже идти в зал, и тут дверь не то что открывается, а довольно звучно влетает в стену – и появляется генерал. Лысого волочет за шею, тот только успевает ногами перебирать, прямиком через запасную дверь – на улицу (хозяин следом), и прямо лысиной дорогого сына в сугроб не воткнул, а зашвырнул. Тот как комета – только вместо хвоста две ноги каблучками сверкнули. Молодой не сошел с крыльца, а скакнул вбок акробатом, когда генерал пошел на крыльцо обратно. Молодой к старшему подбегает, помогает тому отряхнуться, а тот стоит, как памятник себе самому, смотрит отцу вслед и тяжело дышит.

Отряхивали его, отряхивали, а он сел в сугроб и сидит, как мыслитель Родена. Молодой его уговаривает, а тот как не слышит.

Во всяком случае, все целы, помощь не требуется, нужно сделать вид, что его (хозяина) тут и не было. Незнающим иногда платят лучше, чем знающим, особенно при любовных семейных разбирательствах.

Генерал вышел на крыльцо, успокоился, точно ему полегчало, смотрит на своих офицеров насмешливо, но не сказать, что без удовольствия. Спускается медленно с крыльца, в его движениях уже нет воинственности и угрозы. И пойми после этого людей, обнимает не молодого, который ему в рот смотрит, а своего старшенького, обнимает надежно, крепко, по спине чуть похлопал и так, в обнимку, ведет к крыльцу. И тот, наконец, перестал огрызаться, шепчет что-то, видно, что оправдывается, значит, в сугробе головой и ему стало легче, остыл и образумился.

Генерал не зря две недели так жестко постился, Бог ему помогает, иначе где он силу взял, эдакого детину зашвырнуть, как копьё, и не в самый ближний сугроб.

Генерал подзывает хозяина, заказывает настоящий ужин «в номер», говорит, что через час уедут. Хозяин кивает – жаль, генерал, с тобой не соскучишься, заезжай, если что, такая работа – всем рады, а веселым людям особенно, иначе тут с тоски околеешь.

Расплатился, как обещал, но что совсем удивительно, подал руку как равному, сказал что-то младшему, тот нырнул в свою машину, прибежал с бутылкой невиданного коньяка.

– Спасибо, я у тебя хорошо пожил, не болтал, не ломился, вопросами не сыпал. Это подарок, настоящий коньяк. Закрой на пару дней свою богадельню и повеселись с женой. Пей понемногу, крепкая вещь, перебора не любит.

Таких постояльцев на своем веку не припомнить.

Молодой так и сияет на отца-генерала восхищенным взглядом, да и старший на обиженного не похож, на кающегося грешника – может быть, а может, не сильно и кающегося. Глаза умные, наверное, хитрый шельма. Ясно, что нашкодил, раз от отца такой нагоняй получил. Ничего, Господь умеет любую шельму в надежные руки пристроить. Молодой один сел в машину, а с генералом уселся старший, еще и дверь открыл перед генералом, не засмеяться бы на почтительного сына. И генерал засмеялся.

Глава 31. Сон Рудольфа Вебера и вторая суфийская притча

Гейнц и Абель уехали, Вебер вопросительно смотрел на Коха, в самом деле, идти отмыкать комнату Абеля и чистить его заляпанный костюм? Кох кивнул. Вебер сомневался, не стоит ли поспорить, и понял, что не стоит. Целый час провозился с костюмом, потом тёр пол, в голове творилось что-то невообразимое. Веберу делалось плохо, едва он пытался вспомнить хоть что-то, что с ним происходило. Воспоминания его все укорачивались, сейчас он не помнил даже того, почему он оказался с тряпкой среди пола, зачем ему этот пол. Ничего не помнил, в голове становилось все хуже. Он бросил тряпку, долго мыл руки, взялся за виски, вышел в открытую дверь не потому, что ему куда-то нужно было пойти, а потому что дверь была открыта.

Остановился среди темного коридора, заозирался – где он? Кто он такой? Такого страха, кажется, никогда не испытывал. Он чувствовал себя безымянным атомом, запущенным в вакуум. Тело впало в оцепенение, потому что, даже чтобы пошевелиться, надо понять, что ты делаешь, а если ты не понимаешь, кто ты такой, если ничего, ничего – ни до, ни после? Оцепеневшее тело застыло среди коридора в глубоком ступоре и вдруг обмякло. Подошел кто-то и это бессмысленное что-то, чем Вебер теперь оказался, просто поднял на руки и понес. Это был самый кошмарный сон, наверное, сон. Потому что утром Вебер проснулся Рудольфом Вебером, двадцати трёх лет от роду, у него было прошлое, и проснулся он от ярких солнечных лучей, бивших в глаза, тело разомлело во сне, так сладко было потянуться, зевнуть во весь рот, перелечь с боку на спину и закинуть под голову руку. Судя по тому, что уже часов десять утра, а его никто не пытается поднять на разминку, и судя по тому, что он у Абеля, он болен, но в теле так хорошо, ни намёка на то, что когда-то что-то болело.

Он помнит, как вернулся с Аландом из академии после проваленной лекции, что в Корпус приехал Адлер, они так и не встретились в Корпусе. Он говорил с Гейнцем, Гейнц рассердился за то, что Вебер подтвердил свои намерения уйти из Корпуса, потому что у него теперь есть его тайная огромная любовь и полная неопределенность в жизни. Что было потом?

Вебер повернул голову, на диване мрачнее тучи лежал Абель, так же, как Вебер, закинув за голову руку. Абель лежал в форме, в ботинках, ноги на подлокотнике и пристально смотрел в потолок.

Давно он тут лежит? Раз он у Абеля, и Абель рядом, то вставать, наверное, нельзя. Совсем ничего не болит, наверное, опять был приступ сбитого с толку сердца. Абель его откачал и положил у себя, чтобы далеко не бегать. Да, Аланд при последнем разговоре так и сказал, что Веберу нельзя быть одному. Хорошо, что Абель здесь, так хочется поговорить. На сердце легко и спокойно, словно никто на него не сердился, любовь его не преступление, и все вокруг его любят – всё очень, очень хорошо на свете, и ликующее солнце морозного зимнего утра этому подтверждение.

– Фердинандик! – шепотом позвал Вебер, блаженствуя от его имени.

– Заткнись, фенрих, – спокойно ответил Абель.

Ответ неожиданный, но Абель всегда на него сердится, если с Вебером что-то случается по глупости, а с ним только по глупости все и случается. Ничего, Абель долго не сердится, и чем скорее он все Веберу выскажет, тем скорее он отгадает и снова будет улыбаться.

– А за что ты на меня сердишься? Я ничего не помню, Фердинандик, я вернулся с Аландом из академии и начал ссориться с Гейнцем, но решил, что лучше до драки не доводить, вышел за ворота ...

– Заткнись, фенрих, – повторил Абель.

– А что со мной было? Почему я здесь лежу?

– Потому что ты дурак и тебя сбила машина.

– Правда? А ты почему здесь лежишь?

– Потому что это мой кабинет, и я тоже дурак.

– Тебя тоже сбила машина?

– Нет, фенрих, меня сбила не машина.

– Тогда почему ты тоже дурак?

– Да заткнёшься ты, наконец?! – Абель повысил голос. Вебер рассмеялся.

– Обожаю, когда ты злишься. Это значит, что случилось что-то хорошее. Что, Фердинандик? Может, меня Аланд простил?

– Может, и простил.

Вебер что-то вспомнил и засмеялся своим мыслям.

– Мне можно встать?

– Не загреми тут своими костями.

– Абель, ты не представляешь, что мне приснилось.

– Да уж... Что может присниться твоей голове, лучше не спрашивать.

Вошёл Аланд.

– Интересно, фенрих!.. – он сел в кресло, вернув Вебера в положение лёжа.

– Господин генерал, я хотел только Фердинанду это рассказать, а он не хочет.

– Говори, фенрих, все свои, – подбадривал Аланд. – Разрешу встать.

– Фердинанд?.. – Вебер вопросительно посмотрел на Абеля.

– Да твои настезь распахнутые мозги, фенрих, на сто вёрст вокруг всё транслируют – хуже любого благовеста! – взорвался вдруг Абель. – Можно вслух, нового не добавишь...

– А вы мне дадите сигару, господин генерал?

– У Абеля в кармане сигарету возьми, ты, кстати, у Карла стащил.

– Фердинанд?..

– А, чёрт, – Абель швырнул пачку на стол, словно она жгла ему руку. – Я про них забыл...

– Я слушаю, фенрих, – Аланд с удовольствием вытянул ноги, почти улёгся в кресле.

Вебер косился на Абеля, подбирая подушку, на случай, если Абель даст ему затрещину.

– Помните, у Фердинанда была одна старая ассистентка, когда он меня возил с собой на операции, она всегда ему помогала, такая в очках, букли, как у старого пуделя, короче, вот эта самая – по-моему, фрау Агнес? Да, Фердинанд?

Абель застонал.

– Да, фенрих, её так зовут, – подтвердил Аланд.

– Так вот, она входит в подвал, помнишь, Фердинандик, когда нас выкрали семь лет назад, нас в нём закрыли? Я, значит, как полагается, лежу на столе, всё болит, а Абель ей и говорит: угощайтесь, фрау Агнес, сигаретой, я знаю, что вы любите покурить в одиночестве, этот старый осёл... видимо вы, господин генерал (это не я, это так во сне) не знает об этой вашей слабости, он о вас вообще мало знает. Щёлк зажигалочкой, дымком тянет! А потом Абель её обнимает...

Аланд рассмеялся, Абель бледнее смерти шумно дышал рядом, Вебер натянул на голову подушку.

– Ну, это же сон, Фердинандик! Я же не виноват, что такое приснилось... Самое главное забыл сказать!

– Фенрих, я тебя задушу, – пообещал Абель вполне серьёзно.

– Да ничего такого, Фердинанд! Главное, что он с неё эти букли, очки снял, говорит, мне твоя морда, то есть лицо, конечно, так куда больше нравится. Ты, говорит, перед другими такая ходи, а я тебя настоящей, знаю, можешь не прятаться. А она такая красавица! Он всё лицо ей зацеловал, я чуть от зависти не умер. А она его так – бряк! Оттолкнула и говорит, что вы себе позволяете, доктор Абель! Но, господин генерал! Обалдеть, какая красавица!

Аланд смахивал слёзы от смеха. Вебер почувствовал, что подушка вжала его голову в матрас.

– Абель, у ребёнка пора эротических снов, ты его alter ego, кто ему ещё мог присниться? Не я же!

– Сволочь ты, фенрих! Пусть тебя хоть танком переедет, я тебя больше склеивать не буду, так и знай!

– Фердинандик, ну это же сон! Что ты сердишься?

– Ладно, кури, Вебер, одну заработал, – сказал Аланд, успокаиваясь, дал Веберу сигарету и отправил остальные в мусорное ведро. – Не вздумай достать, руки отобью.

– Понял, господин генерал, так мне можно встать?

– Пусть он уберётся отсюда, господин генерал! – сказал Абель.

– Да, пусть уберётся. Сходи в зал, Фердинанд, побоксируй, аккуратно. А я его выпровожу, пока он ещё чего-нибудь не вспомнил.

– Правда, больше ничего, ну, Фердинанд, не злись. Я хотел, чтоб ты тоже улыбнулся, я не могу, когда ты такой мрачный.

– Застрелиться что ли? – пробормотал Абель.

– Не пытайся, Абель, я у тебя все патроны из пистолета вытащил, можешь проверить.

Абель достал пистолет, вынул обойму и оглянулся на генерала.

– Вот так, Абель. Всё, сны забыли, давай лучше делом займёмся. Фенрих, ложись-ка мордой, то есть лицом, конечно, вниз. Смотри, Абель, – Аланд поставил руку над спиной Вебера, и Вебер почувствовал мягкое тепло, идущее от его руки.

Вебер поднялся, как заново рождённый, тело гудело от прилива сил, он первый раз после странного «наезда» странной машины вышел во двор. Лежал снег, совсем тонкий и очень белый. Вебер подбирал его с травы и растирал им лицо, с благодарностью поглядывал на небо, любовался деревьями, прекрасными даже в их глубочайшем сне.

– Фенрих! – услышал он голос Гейнца.

Гейнец бежал к нему, Вебер улыбался и ждал, когда его сметёт уже раскрытым объятием Гейнца, но Гейнец схватил его очень осторожно, деликатно, потащил куда-то вглубь деревьев и заговорил, сразу перейдя на шёпот.

– Рудольф, она приезжала!

– Кто?

– Твоя Анечка, час назад уехала. Спрашивала, что с тобой приключилось, почему ты три недели не звонишь, не приезжаешь. Короче, её Адлер ей тогда сообщил, что ты заболел, она о тебе распереживалась, и они решили, что раз и Карл не едет, то совсем твое дело плохо. Абель меня к ней послал, говорит, иди познакомься!

– Познакомился?

– Да, она пианистка.

– Гейнец, а ты ещё по каким-нибудь признакам людей разделяешь?

– Конечно, фенрих, ещё – на мальчиков и девочек. Вот фрау Анна – определённо девочка, и руки у неё – руки человека, играющего с детства на фортепиано. Она в гости приглашала, меня вместе с тобой, когда ты поправишься. Мне она понравилась.

– Я ужасно рад, Гейнец. Только не знаю, есть ли у меня хоть один шанс, что она на меня посмотрит, если ты будешь рядом.

– Рудольф, ты что обо мне подумал?

– Я ничего не подумал, Гейнец, Аланд не пустит. Он меня тогда так раскатал...

– Одного, может, и не пустит, а со мной можно. И, фенрих, ты уж извини, конечно, но Устав Корпуса никто не отменял, и, если подумать, Аланд прав.

– Я знаю, Гейнец, но что я могу с собой поделаться? Я и сейчас бы к ней убежал, и не в гости, а с концами.

– В гости съездим, возьмём Карла, его там тоже ждут. Но ты понимаешь, что если ты будешь за ней волочиться, никакой серьёзной работы не будет?

– Я знаю, Гейнец, потому я с вами не поеду. Николай хотел видеть Карла, она будет рада тебе, а я здесь посижу.

– Не надо с больной головы на здоровую перекладывать, ты не представляешь, как было плохо эти дни, никто ничего делать не мог. Абель всё вокруг тебя носился.

Гейнец отвернулся.

– Ладно, Гейнец, я лучше, чем был, Фердинанд – волшебник. Но он точно устал. Когда я очнулся, самое задушевное, что он мне сказал – «заткнись» и «убью».

– Абель?.. Тебе послышалось.

– И неоднократно, Гейнец. Хочешь, чтоб и тебе послышалось? Сходи сейчас, попроси у него сигаретку, ввек не забудешь. Можешь блокнот достать и записывать всё, что он тебе посоветует. Пойдем, я есть хочу.

Гейнец засмеялся.

– Пойдём, тебя нужно срочно откармливать, а то фрау Анне тебя и обнять будет не за что – костями её проткнёшь.

Гейнец с хохотом увернулся, сгрёб Вебера в охапку и повёл к столовой, умиряя праведный гнев Вебера, вспыхнувший от первого же намёка.

Весь день Вебер слонялся без дела, заходил то к одному, то к другому из своих друзей. Единственный, кто его сразу прогнал, был Абель, двери Аланда Вебер сам тщательно обходил.

Долго он ни у кого не задерживался, заняться ничем не мог. Он был одновременно и счастлив, и слаб, все силы его испарились через пару часов. Он то и дело заходил к себе, укладывался на постель, смотрел в потолок. Ему казалось, что Абель не хочет пускать его на порог потому, что Вебер что-то натворил, чего он не помнит. Он на шоссе мог не увидеть машину?

Может, он напился где-нибудь – и ничего не помнит? И все об этом молчат из деликатности или по приказу Аланда.

Он сам себя не узнавал, вроде бы он тот же, но вроде бы и другой. Лицо – понятно, раз он пролежал долго, раз его резали-перерезали, то лицо похудело, да и сам он – надёжно сшитый мешок с костями и минимумом требухи. Опять всё сначала, опять тренировки до изнеможения, надо браться за ум, форсить своей любовью пока не стоит.

Когда за ужином Аланд «благословил» съездить в гости к Адлерам всех желающих, Вебер ехать отказался, если бы не мрачный вид Фердинанда, он бы, может, и не устоял, но тут он решил проявить твёрдость во что бы то ни стало. Почему-то остальные тоже расхотели ехать, но Аланд отмёл возникшие сомнения, и Карл с Гейнцем и Кохом уехали. Абель, как ни странно, после того как они ушли, взглянул на Вебера с откровенным презрением и, оставив прибор, не доев, вышел из-за стола.

Ничего Вебер не понимал, как ни старался.

– Что, Вебер, – сказал Аланд, когда они остались вдвоём. – Твоя твёрдость в намеренье встать на путь истины делает тебе честь. Может, ты желаешь и поработать всерьёз? Пойдём, потолкуем о твоей медитации, всё равно когда-то надо возвращаться к ней.

– Господин генерал, что с Фердинандом? Я сначала надеялся, что он шутит, но я чувствую, что он на самом деле не может видеть меня.

– У Фердинанда свои проблемы, никак не связанные с тобой. Я всех просил и тебе говорю: не тревожь его попусту, у него очень ответственный этап работы. Он не покидает Корпус именно потому, что ему нужно полное сосредоточение. Дела Абеля сейчас тебя не касаются, он не обязан двадцать четыре часа в сутки думать только о тебе.

– Но он рассердился, оттого что я не поехал.

– Правильно рассердился. Благими намереньями, Вебер, сам понимаешь.

– Это вы о чём?

– Ты воскрес к жизни, тебя переполняет радость бытия, желание быть хорошим, но задача иная: задача не быть хорошим, а быть собой. Для всех быть хорошим нельзя.

– То есть как?

– Вебер, я попрошу тебя сейчас вообще не открывать рта, а делать только то, что я говорю, хорошо? Рад, что ты меня понял. Я сегодня подзарядил тебя исключительно для того, чтоб ты смог покинуть покои Абеля, но дальше со своим обесточенным, разбитым телом ты будешь управляться сам. Восстановительные упражнения ты знаешь, будешь их делать вместо всей физподготовки, остальное, как было, по расписанию. Вместо Гаусгоффера – тоже упражнения. Ненужные мысли рассеивают по ветру всё, что ты ценного накапливаешь в себе. Твои друзья поболтают с Адлерами, отдохнут в хорошей компании, вернутся весёлые и разойдутся заниматься каждый своим делом. А ты будешь думать, как хорошо, что ты не поехал, как плохо, что ты не поехал, мог бы увидеть её, не мог бы увидеть её, и работать ты не будешь, как бы ты ни пытался это изобразить.

– Но вы сами... были против.

– Я был против необдуманных решений с твоей стороны, а сейчас я отпустил всех, и тебя в том числе. Я ранее сказал тебе – туда ни ногой, но для начала убери оттуда свои астральные ноги, руки и всё остальное. Пока этого нет – приказ не выполнен, а имитация меня не интересует. Ты не можешь о ней не думать, следовательно, думай, что нужно сделать, чтоб ты начал думать о чём-то ещё.

Это было как наваждение, как бы Вебер ни пытался сосредоточиться, он видел её, видел друзей возле неё, видел Гейнца с Анечкой у рояля и Коха, слушавшего их, облокотившегося с её стороны на рояль. Видел Карла с Николаем: Карл ерошит шевелюру, рассыпаясь бле-

стящими, феерическими доказательствами, куда бы Адлер ни кидал пробный шар. Слышал их вполголоса разговоры, смех, видел их ненавязчивое, рыцарское ухаживание за Анечкой. Видел, её глаза, её удивление, и как её рука переходит из руки в руку его друзей, их галантные поклоны, целование её руки – как обряд.

Аланд выгнал его вон – и был прав, Вебер бродил у ворот, позабыв и об упражнениях, которые Аланд отправил его делать, он ждал возвращения друзей.

Те приехали, шумные, возбуждённые, взрываясь смехом от шуток Клемперера.

– Ну, и дурак ты, Вебер! – сказал Карл, увидев Вебера. – Пропустить такой вечер. Привет от Анечки, она просто чудо что такое. Пожалуй, я у тебя её отоблю, пока она на тебя всерьез внимания не обратила. Господин генерал пожаловал тебе конфету? Нет? Тогда держи.

Клемперер сунул Веберу за шиворот конфету, и они с Кохом пошли в свой корпус. Гейнц только пожал плечами:

– Не понимаю, Вебер! – и тоже ушёл к себе.

Вебер сам уже ничего не понимал, он был сбит с толку, ломал голову над словами Аланда о своих «астральных руках – ногах – всём остальном», которые следовало не запускать, куда не следует. Чем больше он заставлял себя о ней не думать, тем больше он о ней думал. Может быть, Абель и разгадал бы этот ребус, но он, похоже, с лестницы Вебера спустит.

Был второй час ночи. Вебер не ложился спать, бродил и ничего не делал.

Стук Гейнца в дверь, заглянул.

– Фенрих, господин генерал просил передать тебе большой привет.

– В каком смысле, Гейнц?..

– Думаю, в иносказательном, спросил, сколько времени ты потратил на упражнения, которые он послал тебя делать?

– Я забыл... Я сейчас...

– Нет, фенрих, сейчас ты не пойдёшь их делать. С тех пор, как тебя отослали, прошло столько времени, вопрос: чем ты был занят? Если бы ты спал, все были бы рады, это для твоего неокрепшего здоровья полезно. Но сейчас, фенрих, сон уже отменяется, Аланд тебя ждёт для отчёта, подумай, что ты ему скажешь.

Вебер попытался нащупать во взгляде Гейнца хотя бы снисхождение, но взгляд Гейнца был жесткий, и Веберу был неприятен его взгляд. Было что-то еще, что за этим взглядом когда-то последовало, но он не помнит.

– Он звал именно сейчас или можно зайти утром? – Веберу стало плохо от внезапного дежавю.

– Звал сейчас.

– Гейнц, ты за что меня ненавидишь?

– Я?! – Гейнц растерялся, словно его поймали на лжи, взгляд его ушел в сторону.

– Я понимаю, вы что-то скрываете, недоговариваете, я что-то натворил, чего не помню? Я думал, именно ты мне всё расскажешь, мне лучше знать правду, я сделал что-то скверное? Аланд со мной строг, ты меня ненавидишь, Фердинанд вообще меня видеть не может, скажи. Гейнц!

Гейнц снова отвернулся.

– Аланд ждёт тебя, утром после разминки он поставил тебе часы музыки у меня, не забудешь?

– Нет, но я не приду.

– Ты уверен?

И эту интонацию Вебер слышал, сейчас он пристально всматривался в свой «левый» (прошлый) экран, он должен видеть хотя бы миг, когда с ним произошла катастрофа, или то, что было перед этим, но он видит плац, непримиримый взгляд Гейнца и больше ничего.

Гейнц вышел, Вебер сел, откинулся к спинке кресла. Он должен всё вспомнить, потому что иначе он сам себе напоминает идиота, что-то стёрто в его мозгу. Об этом следует спросить Аланда, не что было, а кто позволил хозяйничать в его мозгу. Сон Вебера, нервозность Абеля, сигареты Вебера у Абеля в кармане, что-то было, но попытка вспомнить вызывает дурноту.

К Аланду идти совсем не хочется, хочется к Абелю, но Абель сердится. От его гнева не так противно, как от улыбки Гейнца. словно по мозгу прошли плугом и всё перевернуто и вывернуто наизнанку.

Вебер поднялся, он знал, что если пойти на поводу своего нежелания идти к Аланду, то снежный ком непонимания будет нарастать. Он пошёл, быстро, решительно, миновал плац, лестницу, Абель стоял у окна в коридоре, оглянулся.

– Каяться пошёл? – улыбнулся Абель. – Тебе же не хочется каяться, Вебер! Чем покаяние без покаяния – лучше грешить и не каяться.

Он снова смотрел в окно, пуская из приоткрытой створки холод в коридор.

Вебер открыл дверь Аланда, но Аланда не было, вышел обратно.

– Ты не знаешь, где он? Гейнц сказал, что он меня звал.

– У себя. В другой комнате, наверное, постучи.

– Фердинанд! Что произошло? Почему мне все врут?

– Ты маленький, слабый мальчик, можешь огорчиться, если конец у сказки не будет хорошим, расплачешься и спать крепко не сможешь. Взрослые дяденьки берегут твой покой, – чуть усмехаясь, не отводя взгляда от окна, отвечал Абель.

– А ты скажешь?

– Нет, спроси у Гейнца. Правда, ему запрещено тебе это говорить, так что не знаю.

– И тебе запрещено?

– Нет, я и запретил, но поговорить об этом тебе лучше с Гейнцем.

Вебер ничего не понял, но продолжал стоять около Абеля, с ним даже молчать, ничего не понимая, было хорошо и спокойно, потому что ложь исчезала.

– Фердинанд, у тебя всё в порядке?

– У меня всегда всё в порядке.

– Фердинанд, мы снова были в том подвале?

Абель, наконец, посмотрел на Вебера, рассмеялся и ушёл к себе, Вебер постучал в дверь Аланда громко и требовательно.

– Не ломай двери, входи.

Аланд подошёл сзади, Вебер вздрогнул от неожиданности и отступил.

– Чего ты испугался?

– Абель сказал, что вы там.

– Он пошутил, заходи. Я твой стук внизу услышал, не думал, что придёшь.

– Почему?

– Всегда есть как минимум два варианта: прийти или не прийти, сделать – не сделать, сказать – не сказать. Заходи, раз пришёл, рассказывай, отчего тебя так корёжит?

– О чём мне так фальшиво врёт Гейнц и зачем вы вычистили мне мозги? Вы так не делали раньше, и я не хочу, чтоб вы делали это.

– Это Абель тебе сказал?

– Сам чувствую, Абель отвечать не стал. Если вы не скажете сами или не разрешите сказать Гейнцу, я боюсь, что я, в конце концов, брошусь на него за его ложь.

– Он бы давно бухнулся перед тобой на колени, если тебе этого хочется – ради Бога.

– Я не королева и не принцесса, чтобы прекрасные принцы падали передо мной на колени, я хочу знать правду.

– Представь, Вебер, что хирургу, вскрывшему на операции фурункул, летят брызги гноя на маску и на лицо, хирург не попрекнёт этим больного, а пациент не будет хвастать этим

перед другими людьми. Ты согласен? Тут было то же самое, гнойник Гейнц тебе вскрыл, но сам заляпался, это не то, о чём следует говорить.

– Тогда почему Гейнц прячет глаза и фальшивит?

– Он не должен был этого делать, и сделал он это неумело. Подумай, если Гейнц для тебя тот человек, которому ты готов простить всё, то, может быть, не стоит ворошить подробности? Прости ему всё, для него это была не меньшая катастрофа, чем для тебя, поверь.

– Вы закрыли мне часть воспоминаний, у меня от этого барахлят мозги, я всё забываю, не могу сосредоточиться, я то и дело что-то смутно припоминаю, но не мозгами, а ощущениями, может, как-нибудь я всё это пережил бы обычным способом?

– Звучит хорошо, Вебер, но это не так. Твои ощущения никуда не денутся, а усугубятся и разнесут тебя в щепки. Тебе плохо, но это ничто в сравнении с тем, что могло быть. Ты начал не доверять мне и всем подряд, и это тебе мешает спокойно работать. Ты думаешь обо всем сразу и хаотично, ты путаешься в своих намереньях и потому забываешь.

– Я хочу вам доверять, как прежде, я ничего не понимаю, как мерзкий двоечник.

Лицо Аланда осветилось неожиданной для Вебера улыбкой.

– Я скажу тебе ужасную вещь и окончательно лишусь твоего доверия: я чувствую про себя то же самое.

Вебер улыбнулся.

– Вы играете, а я нет.

– Вебер, игра в том, что я играю, а на самом деле всё именно так.

Зазвонил телефон, Аланд с непонятной тревогой посмотрел на него и не снял трубку, а откинулся к спинке кресла. Телефон настырничал, Вебер смотрел то на телефон, то на Аланда и видел, что Аланд нервничает все больше. Ему показалось, что и телефон тоже нервничает, звонил он непривычно резко, пронзительно.

– Вам звонят, – зачем-то сказал Вебер, сам понимая, что сказал глупость. – Может, мне выйти?

– Если бы я хотел, чтоб вышел ты, я бы тебе сказал, но я хочу, чтобы замолчал он.

Телефон замолчал и через несколько секунд разразился новой трелью. В кабинет вошёл Абель, замер на пороге.

– Господин генерал, – сказал он, – я подумал, что здесь никого, хотел унять эту электрическую тварь, извините.

– Ты только это хотел, Фердинанд?

Абель почему-то не отвечал и не уходил, смотрел в глаза Аланду, Вебер чувствовал, что они о чём-то спорят, и не имел понятия, о чём.

– Может, я пойду, господин генерал? – спросил Вебер. – Я пойду в зал и всё-таки сделаю упражнения.

– Ты пойдёшь и ляжешь спать, причём у меня в кабинете, чтобы я видел, что ты именно спишь, – ответил Абель вместо Аланда.

Дальше начался диалог, который Вебер мог только созерцать, не понимая ни слова, они перешли на свой излюбленный диалект. Говорили они вроде бы спокойными голосами, не повышая и не понижая их, но электричество повисло в воздухе. Ко всему этому время от времени добавлял свой электрический голос настойчиво звонивший телефон.

Вебер поднялся.

– Сиди, Вебер, – сказал Аланд.

Абель что-то ещё сказал и вышел.

– Что вы делите с Абелем?

– Ничего, у Абеля кризис самостоятельности. В зал пойдёшь утром. Я звал тебя за другим. Я хотел тебе рассказать одну притчу, она имеет отношение к тому, что сегодня было с тобой.

Приблизилось время вечерней медитации, и два ученика собирались приступить к ней. Но в это время на городском стадионе начинался футбольный матч, а оба ученика были страстными поклонниками футбола. Один прилежно сел в медитацию и весь вечер продумал о том, что происходит там, на стадионе; второй пошёл на футбол, преступив свои правила, но, сидя на стадионе, он изводился тем, что пропустил медитацию, подвёл учителя, что в медитации ему было бы свободнее и лучше, чем на этом кипящем пустыми страстями собрании потерянных, полубезумных людей. Он понял, что ему не интересен футбол и никогда не был интересен, что он хочет только медитации и прощения учителя за свой проступок. Когда поздно вечером они собрались у учителя, что он сказал им, Вебер?

Вебер улыбался, прекрасно понимая, о чём Аланд говорит.

– Он поблагодарил второго за прекрасную медитацию и отругал первого за то, что тот весь вечер потратил на футбол.

– Именно, ты меня понял. Иди, не спрашивай, что тебе делать. Я отвечу: думать. И больше ничего.

– О футболе?

– Лучше о медитации, Вебер. Так что Карл был не прав, конфету от меня ты не заработал, хорошо, что не заработал тумака.

Телефон зазвонил опять.

– Так я могу идти?

– Убирайся.

Аланд взял трубку. Вебер пошёл к дверям, но остановился, услышав в трубке знакомый женский голос, откуда-то знакомый. Это был верх неделикатности, но Вебе стоял, хотя Аланд отвернулся к окну, уверенный, что Вебер вышел.

«Аландо, как тебя понимать?..»

Вебер всё-таки вышел.

«Аландо, как тебя понимать?» – повторил он, пытаясь понять, откуда он знает этот голос.

Абель стоял по-прежнему у окна, оглянувшись на Вебера, он театрально простёр руку к своим открытым дверям. На диване была подушка, одеяло, и простыня была идеально подоткнута.

– Кто это ему звонит, Фердинанд? – улыбнулся Вебер.

– Детям нельзя слушать на ночь страшные сказки. Это его смерть.

– Но Аланд же бессмертный.

– Триста лет не бессмертие, к тому же, уже триста! Или триста пятьдесят? Нужно всё-таки узнать его точную дату рождения, не пропустить бы юбилей. Да и на могильной плите такую надпись нельзя игнорировать – это будет место паломничества, можно сделать большие деньги, надо попросить Коха составить гороскоп событий, мою дату рождения он рассчитал до минуты.

– Кох занимается такой ерундой?

– А ты попробуй рассчитай.

– Да он наверняка знал, когда ты родился.

– Этого даже я не знал.

– Тогда откуда ты можешь знать, что он рассчитал правильно?

– Аланд подтвердил.

– А ему-то откуда знать?

Абель улыбнулся и опять стал серьёзен.

– Ладно, фенрих, я не скажу Аланду о твоих намёках, оставим как рабочую версию ту, что и была раньше: Аланд всегда всё знает. Хорошо?

– Да ну тебя, Фердинанд, у меня скоро короткое замыкание в мозгах случится.

– Возможно, дай свою дурную голову.

– Конечно, если речь о моей голове, то без устойчивых эпитетов не обойтись. А ты видел эту его смерть, что так настойчиво звонит ему в третьем часу ночи?

– Видел.

– И ты знаешь, о чём они говорят?

– Я не подслушиваю чужих разговоров, фенрих, в отличие от тебя.

– Я понял, Абель!.. Я вспомнил!.. Ему звонит эта карга из госпиталя!

– Значит, там опять сложный пациент, сейчас умчится, без него, видно, не обойтись, а он хотел провести вечер в спокойной беседе с учениками... Бедный Аландо.

– Почему она тоже его так назвала?

– Это его конспиративное имя – только для посвящённых, ты к ним не относишься. Ты подслушал, а это не считается, иди спать, болтун несносный.

– А ты посвящённый?

– Я? Конечно, я же бывший главный врач госпиталя и знаю о тех, кто у меня работал.

– Аланд у тебя работал? А почему вызывают его, а не тебя?

– Он у меня работал, но уволен я.

– Ты? Опять ты юродствуешь, Фердинанд?

– Я прав. О!.. – Абель прислушался.

Дверь Аланда открылась, он вышел.

– Срочный пациент, господин генерал? – спросил Абель. – Я уж думал, вы и в самом деле не поедете.

Аланд не ответил, пошёл вниз.

– Фенрих, насчёт сна я не шучу, ляг, и чтоб до утра твои мозги астрал ничем не замутили, – когда звук шагов Аланда стих, сказал Фердинанд. Вспомнив о «дурной голове», подержал ладони на висках Вебера и тоже ушел.

Вебер видел в окно, что Аланд сел в машину и уехал, потом к гаражу прошел Абель – и тоже исчез за воротами. Вебер подумал, что даже если Абель и в самом деле откуда-то мог быть уволен, то от срочного пациента ему, конечно, не удержаться. Вебер лёг и с наслаждением заснул.

Глава 32. Опущенное забрало

Утром Вебер вместо разминки, куда его не пустили, ушёл в зал и занялся упражнениями, потом он отправился на урок к Гейнцу, забыв, что с вечера от урока отказался. Гейнц об этом тоже не вспомнил. День пошёл спокойно. В Корпусе не было ни Аланда, ни Абеля, жизнь подчинялась общему распорядку.

Первым вернулся Абель, и не один, он вернулся с Анной-Марией. Они от машины шли и над чем-то смеялись, откровенно любуясь друг другом, держась за руки. Не то чтобы это было неприятно, но Вебера чем-то это насторожило.

– Привет, Рудольф, – махнул Абель рукой. – От чего отлыниваешь?

Веселье в его глазах граничило с дерзостью, Вебер отступил от него, Абель приобнял Анну-Марию, они пошли к столовой.

Вебер почувствовал, что к нему кто-то подошёл, увидел напряженного Гейнца.

– Ты что-нибудь понял?

Вебер промолчал.

– В зал идёшь? Приходи. Что с Абелем?

Вебер пожал плечами.

– По-моему, у него неприятности, он вчера сказал, что уволен из госпиталя. Может, решил отвлечься? Он с Анной-Марией.

– Видел, не слепой. Я его вызову, ладно, потом. Приходи в зал.

Когда они вышли с тренировки, Абель возвращался от ворот – теперь один, Гейнц сразу направился к нему.

– Я тебя вызываю, Абель!

Тот остановился. Вебер, Кох, Клемперер встали между ними.

– В сторону! – сказал Абель, всем пришлось отойти.

Вебер взглянул на Абеля и бросился на руку Гейнца. Удар пришёлся Веберу в грудь и отбросил его на другой конец плаца. Последнее, что он увидел перед ударом Гейнца, Абеля, вдруг резко побледневшего, словно какая-то внезапная боль парализовала его.

Вебер очнулся в руках Клемперера, Гейнц стоял рядом, Абель так и сидел на плацу. Кроме самой обыкновенной оглушённости Вебер проблем не чувствовал, он встал, подошёл к Фердинанду.

– Фердинанд, тебе плохо?

– Спасибо, фенрих. Гейнц, потом, через пару часов, хорошо?

– Он оперировал ночью, – сказал Вебер, пытаясь отвести друзей. – Они с Аландом ночью уезжали на какую-то срочную операцию.

Абель улыбался, слушая Вебера.

«Дурачок, даже в эту небылицу поверил. Как он жить-то будет?»

Когда все, наконец, ушли с улицы, Абель заставил себя подняться. Если бы Гейнц сейчас с такой силой врезал ему, у него был бы шанс уже не подняться вовсе. Опять Вебер не даёт умереть, чувствует, что и оставить-то его тут не на кого. Но как же уговорить его – не слушать их никого?

Абель позволил себе заехать за Анной-Марией, погулять с ней, ему очень нужно было её доверие: аневризм начинал сочиться, операция требовалась срочно, а она ни в какую.

Он не говорил с ней сегодня про операцию, им хорошо было вдвоём, они могли говорить, о чем угодно. В парке, где они часов пять болтались и где фанатично преданные созда-

нию малыши вылепили двух снежных гомункулусов с физиономиями, достойными пера Гойи, Абель стал делать пластические операции несчастным снеговикам.

Анна-Мария вместе с удивлёнными детьми стояла рядом и смеялась, видя, как доктор Абель орудует скальпелем, привычно извлечённым из кармана. Лица чудовищ преобразались ко всеобщему восхищению. Абель остриг подворот шубы Анны-Марии – сделал преобразённым лицам похожие брови: потоньше одному, потолще другому. Забрал у неё косметичку, припудрил скульптурно вылепленные носы и щёки, подкрасил «девочке» (той, у которой брови и носик потоньше) подмороженные губы. Сказал, что лысина идёт разве что мужчине – и свой шарф преобразил в платок для «девочки», скрыв её плешь очень достоверно.

Полюбовался ещё и решил, что «молодым людям» придётся обменяться сердцами. Сердца были вырезаны и пересажены. После того, как Абель их «зашил», он съездил с Анной-Марией пополнить её косметичку, шубу (постриженную с отворота) она ему «простила» и от другой отказалась наотрез – автограф великого доктора Абея. Потом поехали в Корпус.

Мысль Абея вновь расслаивалась и работала отдельно от эмоционального упоения и безмятежности. Как им всем – птенцам, щенкам, задиристым – объяснить, насколько ему сейчас не до выяснения отношений.

После тяжелейшего приступа в подвале он две недели с лишним чувствовал себя хорошо. Боль его почти не беспокоила, разве что усиливалась по ночам, и ему хотелось верить, что приступ был просто знаком его безоговорочной неправоты, наказанием за бессмысленную дерзость, странное обхождение с надёжной, преданной Агнес, что болезнь его приостановилась. Но то, что вчера ночью приступ повторился, когда он ночью в пустом доме лежал, едва отговаривая себе вогнать в вену убойную дозу морфия, говорило о другом: болезнь прогрессирует, и у него совсем не остается времени. Нужно провести операцию Анне-Марии. Что будет с ним в самое ближайшее время, он как врач не понимать не может. Приступы учащаются, слабость будет нарастать, тело истощится окончательно, он не сможет оперировать, а кроме него эту операцию не проведет никто.

Абель пришел к себе, постоял, упираясь в подоконник руками – так лучше дышалось, и едва ему стало легче, подошёл к зеркалу, сделал свет ярче, чтобы рассмотреть опухоль, вгрызавшуюся в сердце. Себя рассматривать он никогда не пытался, зеркало есть зеркало, кроме явно осунувшейся белой груди – ничего не увидишь. Агнес увидела, вот она и вела себя с ним, как с больным ребёнком. И Аланд видит, конечно, показательную порку он Абелью устроил, но слишком мягкую для такого случая. Про болезнь Абея молчит. В те две недели, что Аланд провел в «Белой лошади», похоже, не без его участия, и сам Абель, и Вебер – воскресли из мертвых, у Абея приступов не было. Аланд увел его боль за собой. Агнес и Аланд все знают, и как с больным дураком, с ним играют в игру «ничего не случилось», а они бы могли ему сказать, есть ли у него в запасе время.

Аланд ведёт себя лояльно, подчёркнуто сдержанно, ему больно, но к Агнес не едет и ест себя поедом. Так, как Аланд был влюблён в неё все годы, что Абель их знал, не влюбляются и пылкие девятнадцатилетние юноши, их любви позавидовал бы любой. Аланд не ехал, не звонил, не брал трубку, когда звонила она, – боясь заговорить с ней, увидеть её, и не в силах терпеть эту жизнь без неё.

В чём-то Аланд был трогательным, совсем не похожим на Великого адепта с трёхсот пятидесятилетним опытом за плечами, сейчас он был мальчишкой на грани самоубийства, отчаянья и всех видов морального самоуничтожения. Абель стыдился посмотреть ему в глаза, понимая, что сделал с ним. Аланд даже не простил, а будто вырезал этот эпизод из своей памяти, он вырезал, а Абель нет.

Когда Вебер забредил своими снами, Абель не знал, что делать. Аланд не упустил случая себя потравить, он смеялся «до слёз», но он был на грани срыва. Абель прекрасно видел, как

потом Аланд лежал у себя на диване лицом к стене и глушил в себе отчаянное нежелание жить. Телефонную трубку он не снимал оттого, что не слышал, что она хочет сказать – всё ещё закрыта. О чём-то говорил с Вебером, хорошо, что она догадалась открыть, наконец, свои мысли, он услышал её, и Вебер – не Вебер рядом, всё трын-трава.

Абелю Аланд был этим только особенно дорог. Ведьма что ли она, эта Агнес? Ведь и Абелю всегда хорошо от одного её присутствия, так спокойно, уютно, тепло, от неё так и веяло домом – домом в высшем понимании этого слова, потому что дом – это женщина, покой и незыблемое постоянство любви. Это то, о чем он всегда мечтал, и чего никогда в его жизни не было и не будет.

Он, конечно, поддался желанию отомстить Аланду, повёл себя как наглец, она простила его предсмертное безумие, дала выплеснуть наружу всю его глупость, весь блеф, весь кураж, о котором он сам не подозревал. Быть несерьезным человеком он мог позволить себе только при Анне-Марии, детские выходки, вроде сегодняшней пересадки сердца снеговикам, это тайный праздник души Фердинанда, такой же, как съездить послушать орган. Только орган – это пир, абсолютного одиночества, это то, в чем не отказано Абелю.

Аланд как уехал ночью, так и пропал, значит, всё хорошо.

Пора прекращать любоваться собой, всё более чем понятно. Взглянуть, как там фенрих, отослать Гейнца и ехать в морг, забирать тела, которые для него приберегают – жертвы аневризмов ему сейчас важны. Он шунтирует, тренируя руку, из живых пока был только Вебер, но тут уж выбирать не приходилось, Гейнец сумел размять в лепёшку сосуды. Отвинтить бы ему голову, но некогда ни отвинчивать, ни пришивать.

Боль в сердце утихла, но саднит и выкручивает все равно, приступ может повториться. Что будет, если его скрутит на операции? Пока поедет к себе, там отвлекать не будут. Пора делать операции тем, кого это может спасти. Как и кому объяснить, что это возможно?

Аланд и Агнес понимают, они могли бы помочь, но то, что он натворил, лишает его права о чем-то просить их. Остается набивать руку на трупах до автоматизма, и скорее. Как он ее уговорит – не имеет понятия, но он пойдет на любую дерзость, чтобы она осталась жива, здорова, чтобы ей распахнула объятия ее любовь, её настоящая любовь.

Вебер сидел в зале, слушал, как играли Карл с Гейнцем, чувствует себя плохо, и думает только о том, чтобы о нем не вспомнили. Как бы дослушать и незаметнее смыться. Можно ему помочь. Тряхнуло его сильно, удар пришёлся в грудь, у него там и так беспокойно, но если бы этот удар пришёлся в грудь Абелю, Гейнец мог бы собой гордиться до конца жизни, одним махом Абеля наповал, он о таком и не мечтал.

– Фенрих, – шёпотом позвал Абель.

Вебер с нескрываемой радостью пробрался к двери, пытается показать, как он легко и непринуждённо это делает, и боится раскашляться на весь зал. Выскользнул за дверь, скорее замыкая за собою обе двери, и зашелся кашлем. Абель усадил Вебера, дал отдышаться.

– Зачем ты туда пришёл, Вебер? Убери руки, безмозглый...

Абель рассматривал грудную клетку, ушиб, конечно, сильный.

– Ты меня спас сегодня.

– Сказал бы Гейнцу, что тебе плохо, он бы не тронул тебя.

– Не успел бы. Ляг и лежи. Я скажу им, чтоб от тебя отстали.

– Вы опять с Гейнцем сцепитесь.

– Мне некогда, Вебер, правда, некогда.

– Ну, так и не возись со мной.

– На глупости нет времени, а на тебя есть.

– С Анной-Марией за ручку гулять и обниматься у тебя время есть? Ты сам разозлил Гейнца.

– Я шёл с ней за руку, и что в этом особенного? Приобнял за плечи – она замерзла, мы долго гуляли. Гейнец тоже и ходит с ней за руку, я себе ничего лишнего не позволял.

– Гейнец её брат, а тебя не поймешь, ты все время сам себе и всем противоречишь, то нет времени, то долго гулял. На прогулки тебе времени не хватает?

– На прогулки особенно. Рудольф, мы с ней друзья, не ищите подтекстов.

Вебер без указаний стянул гимнастёрку, разглядывая внешний разлитой кровоподтёк на груди.

– Просто синяк, Абель, он мне ничего не сломал.

– Как ни странно. Если бы на твоём месте был я, грудина бы у меня была фрагментом грудного отдела позвоночника, встала бы между лопаток, а ты легкий, просто улетел. Я сейчас уеду, если Аланд будет меня спрашивать, скажешь, что я в морге.

– Опять на всю ночь к своим трупам? А завтра свалишься. Аланда долго нет, он что, стал всерьёз оперировать? Он вроде бы не занимался этим никогда.

Абель сдержанно улыбнулся.

– Мало ли какие у него дела, приедет.

Абель понимал одно: Вебера в свою основную работу он пока не возьмёт. Заикнёшься о ней – метнётся с готовностью, как под руку Гейнца, не думая о последствиях. О последствиях нужно думать ему, Фердинанду, быстро Веберу не повзростеть. Уровень его в медитации – при его молодости, высокий, но управлять энергиями он не научен, и что с ним будет, ввергни он себя в эти потоки? Повлияла ли работа духовная Абеля на события, которые вот-вот начнут разворачиваться, сам Абель не узнает.

Уложил Вебера на диван, Вебер уснул, Абель укрыл его и ушёл. В зале сказал Карлу, что фенрих спит – не будить, и уехал.

В прозекторской он пробыл пару часов, и снова ему плохо, отправился к себе, сделал несколько расслабляющих и дыхательных упражнений, походил, договариваясь с тупой, пока сносной болью, сел в позу лотоса, переходам ничто не должно помешать, Абель любил эту работу. Время остановлено, состояния перехода.

Он понимает, что ничего не успел, как ни торопился, как ни спешила его мысль, как ни билась она, не зная покоя. Не успел.

В Школе он увидел судьбы тех, кто был эти годы рядом с ним. Видел гибель Гейнца, Карла, Вебера. Он видел всё в подробностях, видел смерть Анны-Марии. Это были внезапные, ранние смерти. Выстрел в сердце Вебера, совсем ещё молодого, в досрочных майорских погонах; видел сломанную выстрелом кость руки Гейнца, видел его горящим в машине; видел горящий в воздухе самолёт Карла и потом его избитого в каких-то застенках, его смерть на залитом кровью полу. Ему показали, значит события можно изменить, он может вмешаться, может медитацией ослабить надвигающуюся грозу. Он верит, что поможет кому-то из них проиграть их смерть иначе: падение самолёта заменить лёгкой аварией, смерть – лёгким недугом, через него, через его сердце, пойдут невероятной силы потоки энергий разрушения и преобразуются в энергии жизни, но сам он к целебному источнику не припадет. Только собирать, преобразовывать и отдавать. Он был счастлив этой работой, об этом никто не должен знать – даже Аланд. Потому ему был дан заслон, способность закрыться, уединиться в своей работе. Абеля вёл неведомый учитель – он и сейчас жил в нём. В Школе он чувствовал себя легко, занят был только этим и был бесконечно счастлив. Здесь он тоже вёл как будто обычную жизнь: лаборатория, операции – и ночи медитации. Медитации-напряжения, от которой он вставал, потрясённый мощными потоками, всё яснее видя теневую сторону и теряя связь с внешней стороной жизни. Он чувствовал лихорадку, потрясающую время отречения Корпус и каждого в отдельности. Что-то знал и Аланд, он готовил Вебера к работе, которой был занят Абель.

Вебер был способен на неё, но что он видел в жизни? Кроме начального ученичества – ничего. Абелю хотелось, чтобы, пока он жив, Вебер жил, внимая голосам жизни, чтобы он ощутил её дыхание, её упоительный вкус.

Веберу предстоит сцепиться со смертью, отвоёвывая чужие жизни на других планах, о которых мирно дремлющее человечество в своём абсолютном большинстве не имеет понятия, но хотелось подарить ему немного простой человеческой жизни. Абель рядом с Вебером чувствовал себя глубоким стариком: его тридцать семь – и двадцать три Вебера. Он не думал, что столько всего он не успеет, что всё проиграется так быстро. И получается, что Вебера он вытащил, чтобы переложить на его плечи свой труд, Вебер взвалит его на себя с радостью. Может быть, он сумеет лучше? Всё-таки его партия – Бессмертие, а не Любовь, которой Абель так и не постиг. Вебер нашел свою любовь, его ждёт душа его сына, его столько всего ожидает. И сейчас лишить его всего? Вебер сумеет сделать всё правильнее. Аланд бы не позволил Фердинанду эту работу, он трясет и торопит Вебера, чтобы тот брался за дело, а Вебер зачарованно смотрит по сторонам.

Абель привычно отыскивал внутренним взором точку перехода, знание лишает возможности жить вслепую. Конечно, его выходка с Агнес выглядит, как хулиганство, но он на самом деле тогда остро любил эту женщину, у него не было на это права, но он почувствовал – не понял, не сформулировал – он увидел то, чего не увидел бы никогда, не случись с ним этого помрачения рассудка: он узнал, как лечит любовь и как включает необратимый процесс распада, энтропии её отсутствие. Он схватил без спроса из запасов чужой любви и приложил этот сгусток, это единственно возможное средство там, где разрушение уже случилось и где другое лечение было только нанесением новых ран. Он мог не брать скальпель, мог взять только это ощущение, окутать распадающееся тело Вебера плазменным облаком этого животворящего чувства – и смерть должна была отступить. Это то, чему он не успел научиться, чего он не сделал в этой жизни, но к чему он приблизился.

Свой распад его собственное тело обозначило чётко, Абель долго не мог понять, что за недуг его точит. Слишком редкая болезнь, чтоб её предположить, оценивая симптомы аналитически.

Редкие болезни бывают редко, а частые – часто, сначала следует предполагать то, что бывает чаще. Редкое остаётся как исключение после анализа наиболее типичных реакций, свойственных данному телу. Абель никогда не болел, во всяком случае, ничего болезненного в своём теле не чувствовал, не замечал. Тянувшая ломота в сердце – не болезнь, это усталость, это засорение его адаптера энергий. Он стремился «продышать» его, прочистить подчиняя тело строгому аскетизму, гоняя его бегом, вращая на турнике, рассекая воду брасом, кролем в любую погоду, но железный крюк поддел его за сердце, ни о чём не следует жалеть.

Глава 33. Спор Абеля и Аланда

За её телефонным звонком Аланд, наконец, увидел её, увидел её лицо, её улыбку, затаённую в нарочито сердитом выражении её лица. Она говорила, что он на три недели бросил её умирать: велел никуда не выходить, а сам не удосужился заехать и узнать, не умерла ли она от голода. Допустим, Вебер был в беспамятстве, только он уже которые сутки носится по Корпусу, а о ней никто так и не вспомнил.

Улыбка в глазах, она не знает, как он три недели жил, но понимает, что «не вспомнил» – громко сказано. Он ни о чём больше не думал и дышал только ею, умирал, цепляясь за рвущуюся нить, что держала его в этой жизни, за свою любовь к ней. С голодом – блеф, отговорка, но голод – так голод, с его голодом, каким он изголодался по ней, ничто не сравнится.

Аланд слушал, даже мысленно ничего не вставляя в их разговор, держался за трубку и смотрел на Агнес, видел её открытую шею, её аккуратно, чуть вольно прибранные волосы,

ощущал слабый аромат её духов, видел свет камня в перстне на её безымянном пальце и идеальные формы её ногтей, изгиб кисти, наклон головы – тонкий и требовательный.

Он разбудил цветочника, но её любимую орхидею привез.

«Голод – так голод». Набрал для неё всё, что она любит, может захотеть, и подъехал к дому. Он сидел в машине, зная, что она стоит у окна. Орхидею убрал под полу шинели, выйти из машины он должен уже «её генералом», а не мальчишкой, сбитым с толку предположением о внезапной измене любимой женщины.

Смех, который он так любил, сейчас мог убить его, было за что. Одна его осатанелая пальба в висок чего стоила. Сейчас спросит, отчего его волосы пахнут порохом, хотя они давно ничем не пахнут, но это – если она коснётся губами его волос. И будет ли этот упрёк его наградой – ещё неизвестно, Аланд взглянул на неё – стоит у окна.

Понёс пакеты с продуктами, дверь открыта, Агнес в дверях, на пакеты смотрит с ужасом.

– Ты собираешься ещё на год оставить меня взаперти?!

В общем-то, он ни слова не говорил о том, что она должна сидеть дома, это она сказала, что будет ждать его дома, из дома она сегодня выходила.

Агнес отступила вглубь коридора, изображая ужас перед внезапно открывшейся ей участью нового, продолжительного затвора. Аланд смотрел на неё, потому что всё равно не знал, что сказать.

– Вы даже не снимете шинель и ваши уличные ботинки, мой генерал? А я поставила у дверей ваши любимые домашние туфли и приготовила ужин.

Она близко-близко, так, что между ними могла поместиться только орхидея, он сдвинулся с места, как скала, не чувствуя гибкости своего тела. Агнес взяла стебель вместе с рукой Аланда, успела отложить в сторону неминуемо бы погибший цветок. Аланд обнял её осторожно, боковым зрением успел заметить любовно накрытый роскошный ужин в этом царстве трёхнедельного голода. До ужина (или что уж там получится) они доберутся нескоро. Время остановлено.

Под утро, когда орхидея королевой стола расположилась в узкой прямой вазе в столовой, он смог заговорить.

– Что вы мне устроили, Агнес? Что за ад вы мне устроили?! – повторял он.

– То-то от тебя еще пахнет серой, Аландо...

Он смотрел на нее, смотрел бесконечно.

– Ничем от меня уже не пахнет, прости меня, Агнес. Ты не мужчина, слава Богу, тебе никогда не почувствовать этот кошмар, я ничего не соображал, Агнес!

Он расхаживал по кухне, он не понимает, что было, а что только рисовали кошмары его воображения. Как сравнить то, что бушевало в нём, и то, что было осторожным порывом нежности Абея?

Он сел к ее ногам, долго обнимал их, потом его затылок метался у неё на коленях, он дёргал ворот расстёгнутой донизу рубахи, словно несуществующий на шее воротник мог задушить его. Агнес положила ему руки на грудь, он притих, она чувствовала, что он хочет именно этого прикосновения, ужас его исчезновения все еще жил в ней пугающей пустотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.